

КОНСТАНТИН БОНДАРЬ

ПО ТРОПАМ СЛАВИСТИКИ И ИУДАИКИ

книга
ספר

Виточке, Мише и Ане с любовью

КОНСТАНТИН БОНДАРЬ

ПО ТРОПАМ
СЛАВИСТИКИ
И ИУДАИКИ

книга
ספר

Израиль

2023

КОНСТАНТИН БОНДАРЬ

По тропам славистики и иудаики

Издатель: *Виталий Кабаков*
Верстка, оформление: *Юлия Дозорец*

Фотографии из архива автора и свободного доступа.

Бондарь К. По тропам славистики и иудаики. 2-е изд., доп. и перераб. – Израиль, 2023. – 176 с. ил.

ISBN 978-965-7288-68-9

В книге промежуточных итогов слависта и востоковеда соседствуют разные жанры: семейные воспоминания, портреты учителей и коллег, статьи по историческому языкознанию и истории русской литературы, очерки еврейско-славянских литературных контактов.

Для широкого круга читателей, интересующихся мемуарным жанром, древнерусской и современной литературой, иудаикой, историей науки.

© Константин Бондарь, 2023

© «Книга Сефер», оформление, 2023

*Все, чего человек хочет, непременно
сбудется; а если не сбудется, то и
желания не было; а если сбудется
«не то», то разочарование только
кажущееся. Сбылось именно то.*

А. Блок — А. Гиппиусу. 1902 г.

Оглавление

<i>И. Лосиевский. Книга личного опыта</i>	9
Прогулки с дедом.....	11
«Коль хорошо сыграли мы, похлопайте...».....	22

В ПОИСКАХ ЧУДА

Филология как призвание и служение.....	35
Признаки концепта «Чудо» по данным Остромирова Евангелия.....	42
Поэтика житийных описаний «Чуда» (по данным восточно-славянских средневековых текстов).....	49
Сказочный метамотив чуда в поэтике «Пиковой дамы».....	58

ВСТРЕЧИ С ИУДАИКОЙ

Вспоминая Соломонов университет.....	67
«Так рассудил царь Соломон...».....	79
Повести о Китоврасе и двуглавом человеке.....	91
Соломон и жены.....	103

ПУТИ БЕЛЛЕТРИСТИКИ

Уроки Фризмана.....	111
Дядя Ириней (к изучению творческого наследия Владимира Одоевского).....	135
Слово и мундир. Иван Хрущов.....	141
«И поживайте как – царrrr!»: комические средства речевой характеристики евреев у русских писателей XIX в.	150
Читая и перечитывая Водолазкина.....	161
<i>Дополнительная литература</i>	173

Книга личного опыта

Ранней весной 1979 г. мне посчастливилось присутствовать в Тарту на лекции Ю. М. Лотмана, посвящённой проблеме автопортретности в научном творчестве. Речь шла о вольных и невольных, не осознанных автором проявлениях его личностного своеобразия в исследовании, предметом которого могут быть и проблемы математики или физики, и особенности поэтики художественного текста. В монографии учёного, говорил Юрий Михайлович, автобиографическое начинается уже с имени автора и его фото. Об этой лекции мне вспомнилось, когда я читал очень авторскую, местами автобиографическую, мемуарную, но в целом историко-филологическую книгу Константина Бондаря.

Перед нами книга личного опыта, созданная как осмысление автором промежуточных итогов на нынешнем этапе его жизненного пути и работы в науке, в интереснейшей смежной области — иудеославике. Профессиональное в этой книге перетекает в личное и наоборот, она — и дань благодарной памяти. Характерно, что открывает её мемуарный очерк «Прогулки с дедом» — о Михаиле Бондаре, ставшем для внука примером и ориентиром. Увлеченный книжник, колоритная личность, дед был, по словам Константина, из тех людей, которые «словно больше самих себя». Он видел больше и дальше многих, когда сказал однажды внуку: «Ты будешь работать над словом!»

Дедово пророчество сбылось.

Автор считает деда своим первым учителем, и когда им самим уже пройдена немалая часть профессионального пути, неизбежным становится опыт самопознания, который так естественно сочетается со словами благо-

дарности наставникам. Есть в книге портреты любимых учителей, замечательных профессионалов — лингвиста Ефросиньи Широкоград, литературоведа Леонида Фризмана, историка и археолога Владимира Михеева. Один из очерков посвящен незабываемым годам, проведенным в Международном Соломоновом университете, в команде Бориса Элькина.

В книге мы находим и писательские портреты в широком культурном и хронологическом диапазоне: под одной обложкой век XIX соседствует с XXI, очерк о Владимире Одоевском — с очерком о Евгении Водолазкине. Принципиально важным мне представляется сочетание этического и эстетического критериев в бондаревских оценках, как, скажем, в описании жизненных стратегий героя статьи с «говорящим» названием «Слово и мундир. Иван Хрущов». Мне по душе такая аксиология, когда мы говорим не только о вкладе в науку или о художественных достижениях творческой личности.

Вспоминая о том, с каким трепетом рассказывала ему Ефросинья Фоминична о старых профессорах — своих учителях, автор не без трепета замечает: ниточка от них тянется «к тем, кто слушал лекции самого Александра Потебни». И Константин Бондарь, современный израильский учёный, автор основательных, отличающихся новизной книг и статей, — воспитанник и продолжатель традиций харьковской филологической школы.

Игорь Лосиевский, заведующий научно-исследовательским отделом документоведения, редких изданий и рукописей Харьковской государственной научной библиотеки им. В. Г. Короленко, доктор филологических наук, профессор

Прогулки с дедом

Дорогой дедушка! Я хочу рассказать тебе о том, что произошло со мной и с тобой с тех пор, как ты умер...

Бел Кауфман — Шолом-Алейхему

Пожилой мужчина и мальчик неторопливо беседуют, прогуливаясь по аллеям городского парка. Они говорят обо всем на свете: составляют рейтинг великих писателей, перечисляют римских императоров или русских царей, вспоминают цирковых фокусников и дрессировщиков. Мальчику не хочется уходить домой: названия фильмов, имена киноактеров, образы далеких городов и стран, мелькающие, как в калейдоскопе, оставляют радостное чувство выхода за рамки будней.

Множество имен услышал я впервые на этих прогулках. И мое имя дал мне дед. Обсуждая этот выбор, мы вспоминали великого императора и маршала Рокоссовского, Паустовского и Симонова, превратившегося из «Кирилла» в «Константина», и «Костю-моряка». «Константин!» — гордо произносил дед. «В переводе с античного — “постоянный”», — подхватываю я фразу Костика из «Покровских ворот».

Прадед Израиль Бондарь числился до революции «балтским мещанином», а его тесть Елисаветский был торговцем в соседнем Вознесенске. Украинцы, поляки и евреи жили в этом уголке Подолии в тесном соседстве. В «двадцатом страшном веке» большой семье прадеда посчастливилось выжить.

Родившийся в селе Волоцино Кривоозерского района Николаевской области, Михаил Бондарь вырос в краю шахтеров и металлургов, в Енакиево, где семья жила с 1931 г. Пристрастившись к чтению, он навсегда сохранил пиетет перед печатным словом. Стремясь к бóльшему, он стал филологом, но жил скорее как историк: преподавал историю и обществоведение, интересовался политикой и публицистикой, следил за прессой. Паренёк из глубинки не был провинциалом. Всегда казавшийся мне пожилым, дед начал стареть после первого инфаркта. Я родился, когда ему исполнилось пятьдесят, а в школу пошел незадолго до его раннего ухода на пенсию. Покончив с прочим, он занялся главным делом своей жизни — воспитанием внука. Но мне до него надо было дорасти: дед предлагал партнерство, а не покровительство, и ожидал от собеседника самостоятельных умственных усилий.

Внук и дед. Харьков, 1978 г.

Иной раз дед произносил: «А не почитать ли нам Гоголя, господа?» — и за этой Достоевской фразой следовало совместное чтение нескольких страниц из «Вечеров на хуторе близ Диканьки».

Плотно уставленные книжные полки тянутся к потолку. До расцвета современной книготорговли дед не дожил, и поэтому большая часть его собрания была родом из благополучных 70-х – 80-х. На ночном столике возле его кровати всегда лежали «Опыты» Монтеня, «Разговоры с Гёте» Эккермана, книжечка эссе Андре Моруа. Иной раз дед произносил: «А не почитать ли нам Гоголя, господа?» — и за этой Достоевской фразой следовало совместное чтение нескольких страниц из «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Часто мы читали главы из «Жизни двенадцати цезарей» Светония, из современной книги Е. Федоровой «Императорский Рим в лицах» или из сборника «Пятьдесят биографий мастеров западноевропейского искусства» с черно-белыми иллюстрациями. «Книга воспитывает своим присутствием», — словно о дедовой библиотеке говорил С. П. Капица.

Немало часов мы провели, слушая музыку: бетховенскую Пятую симфонию, и «Лунную сонату», и «Аппassionату». Как-то дед принес пластинку с «Реквиемом» Моцарта, и мы не раз замолкали, завороченные звучанием хора. А были еще записи А. Баяновой, А. Вертинского, П. Лещенко, Л. Утесова, И. Юрьевой... И еврейскую музыку я впервые услышал у деда: Соломон Хромченко пел народные песни на идише.

Мечтавший в юности стать киномехаником, дед хорошо разбирался в киноклассике и следил за новинками. Наслушавшись рассказов о звездах немого кино, трофейных лентах, захватывающих приключениях, мы шли с ним смотреть фильм про индейцев с Гойко Митичем, или «Великолепную семерку» с Юлом Брин-

нером, или «Старое ружье» с Филиппом Нуаре. В другой раз это могла быть историческая картина — например, «Битва за Рим». Несколько лет подряд, до конца младшей школы, мы не пропускали ни одной цирковой программы.

А дедова коробка шахмат! Крупные точеные фигуры не помещались под крышкой. После обеда они расставлялись на доске. Я слушал объяснения деда, вместе с ним анализировал варианты ходов и все же проигрывал. Если же мне случалось заночевать у них, утром дед встречал меня наполеоновским: «Вставайте, сир! Вас ждут великие дела!»

*В бой вздымала команда «В ружье!»
Иль несли минометы в гору —
Одного я не ведал в ту пору:
Где находится сердце мое...*

— прочитал я однажды в его блокноте. Как девятнадцатилетний, дед попал на фронт вскоре после начала войны. Отца и младшего брата призвали позже. Подчеркивая год своего рождения, 1922-й, Михаил Бондарь считал послевоенную жизнь подарком: немногие из его сверстников вернулись с фронта. О ком-то (например, о любимом поэте Юрии Левитанском) дед мог сказать: «Он моего года», — и этой лаконичной характеристики было достаточно.

Отучившись на курсах офицеров в Подольске, Михаил оказался на передовой лейтенантом и воевал полтора года как командир минометного расчета. После ранения в ногу в сентябре 1943-го, скитаний по госпиталям и получения инвалидности (легкая хромота осталась навсегда) лейтенант Бондарь продолжил службу особистом и встретил день победы в Берлине. Не раз я слышал его любимый рассказ — о поездке к старику-писателю, нобелевскому лауреату Герхарту Гаупт-

Не раз я слышал его любимый рассказ — о поездке к старику-писателю, нобелевскому лауреату Герхарту Гауптману. Гауптман встретил советских солдат в кресле, под пледом, и сказал им, что готов искупить свою вину смертью. Узнав, что ему привезли продукты, писатель был растроган.

ману. Гауптман встретил советских солдат в кресле, под пледом, и сказал им, что готов искупить свою вину смертью. Узнав, что ему привезли продукты, писатель был растроган. Когда деда просили вспомнить о войне, он выбирал эту простую историю, в которой умолкают пушки и звучат совсем другие голоса.

Назначенный начальником лагеря военнопленных, лейтенант Бондарь оставался на службе еще четыре года. В лагере содержались румыны и венгры — солдаты армий-союзниц вермахта. Трудившиеся на стройках, позже они по соглашениям с новыми правительствами были отправлены на родину, и за доставку одной из таких партий отвечал дед. Так во второй и последний раз побывал он в Европе.

Лейтенант Михаил Бондарь.
1943 г.

Начальник лагеря
военнопленных.
1946 г.

Учиться пришлось в темное время: разгоралась кампания против «космополитизма», и ее жертвой стал литературовед, театральный критик Л. Я. Лившиц.

Демобилизовавшись в 1949-м, дед поступил в Харьковский университет. Учился он на отделении журналистики заочно, по ускоренной программе. Те два университетских года дед вспоминал как лучшие в жизни и гордился полученной квалификацией литературного работника. Учиться пришлось в темное время: разгоралась кампания против «космополитизма», и ее жертвой стал литературовед, театральный критик Л. Я. Лившиц; в учебном плане значился курс «Основы сталинского учения о языке». Однако многие студенты прошли войну, и среди преподавателей тоже были вчерашние фронтовики — М. Г. Зельдович, Г. И. Шкляревский и другие. В такой серьезной аудитории и «градус» взаимного уважения был высок: так, кто-то из преподавателей просил старосту ставить перед лекцией на кафедре стакан крепкого чаю. Однажды вместо чая в стакане оказался коньяк — лектор выпил его не моргнув глазом и приступил к занятиям. О своих учителях — лингвисте А. М. Финкеле, литературоведах В. Н. Кнейчере и М. В. Чернякове — дед отзывался с теплотой. С последним, руководителем его дипломной работы «Очерки М. Горького “По Союзу Советов”», он и впоследствии поддерживал добрые отношения.

Назначенный после получения диплома директором школы, Михаил Бондарь с семьей оказался в Лубнах Полтавской области. Его жена — моя бабушка Вера Каплан — окончила пединститут и работала учительницей русского языка. «Хто такой директор школи? — приветствовал молодого директора начальник районо. — Це такой стовп, об який кожна свиня спину чуха».

Отработав положенные три года, дед еще раз отправился попытать счастья — в Енакиево, где жили его мама и младшие сестры. Но как бы трудно ни жилось в областном центре в середине пятидесятых, в небольших городках было еще труднее. По специальности, хоть и не вполне, он проработал всего три года: два — цензором Главлита и год в типографии политехнического института. Ему пришлось быть школьным учителем истории и обществоведения, завучем по производственному обучению, преподавателем политэкономики в техникуме общественного питания. Эту свою последнюю работу он полюбил и задержался на ней дольше других, найдя наконец свое призвание. Тогда, в 1968-м, ему исполнилось сорок шесть, а в 1980-м пришлось выйти на пенсию по инвалидности. Но в техникуме его не забывали, и он продолжал бывать там на партсобраниях, а иногда заменял заболевших коллег.

Техникум общественного питания. Преподаватель М. С. Бондарь со студентами. Харьков, 1970-е гг.

КАК БЫ ТРУДНО НИ ЖИЛОСЬ В ОБЛАСТНОМ ЦЕНТРЕ В СЕРЕДИНЕ ПЯТИДЕСЯТЫХ, В НЕБОЛЬШИХ ГОРОДКАХ БЫЛО ЕЩЕ ТРУДНЕЕ.

Оказавшись на пенсии, Михаил Бондарь вел деятельную жизнь. Его ежедневный маршрут складывался из посещения книжных магазинов, прогулки по парку, покупки газет и лекарств в аптеке. Эпоха доступной кардиохирургии еще не наступила, и сердечникам приходилось уповать на искусство лечащего врача и строжайшее соблюдение режима. Деду повезло: в нем легко уживались жесткая дисциплина и мощное жизнелюбие. Оно проявлялось и в некотором щегольстве, с которым он выбирал и носил одежду, особенно галстуки. В молодости дед пользовался успехом у женщин, и мы много говорили на эту тему. Точнее, говорил он, а я только слушал, ибо в этом мы оказались с ним непохожи. Он успел познакомиться с моей будущей женой и остался на мой счет спокоен. А как он хотел увидеть правнука! «Хотя бы одним глазом взглянуть на него, на Алешу!» — шутил дед, ожидая, что правнука назовут в честь моего деда по матери. Но вышло иначе: Михаил, родившийся уже после смерти прадеда, носит его имя. Два Михаила совсем разные, но думаю, что они понравились бы друг другу — минометчик Великой Отечественной и боевой инженер Армии обороны Израиля.

Боец инженерных
войск Армии
обороны Израиля
Михаил Бондарь.
2018 г.

Михаил, родившийся уже после смерти прадеда, носит его имя. Два Михаила совсем разные, но думаю, что они понравились бы друг другу — минометчик Великой Отечественной и боевой инженер Армии обороны Израиля.

«Ты будешь работать над словом!» — предсказывал дед, когда я осенью 1989-го поступил по его примеру на русское отделение харьковского филфака. «Над чем ты сейчас работаешь?» — обычно спрашивал он, ожидая подробного ответа.

На I курсе мы слышали о средневековых книжниках — тружениках монастырских скрипториев. Я открывал Древнюю Русь в детском путешествии во Владимир и Суздаль, в книге Е. Осетрова «Твой Кремль», в экспонатах исторического и художественного музеев. Изучая старославянский язык и древнерусскую литературу, я полюбил славянские древности. Но самым сильным впечатлением студенческих лет стал курс введения в славянскую филологию. Виртуозно, с размахом интеллектуального пиршества его прочитал В. А. Маринчак. Говоря с первокурсниками о серьезных вещах в доверительной манере, лектор давал понять главное: быть филологом труднее, чем кажется.

Я начал с концептов (терминов культуры, закрепленных в языке) в студенческом семинаре Е. Ф. Широкоград, затем, в конце 90-х, когда деда уже не стало, изучал еврейско-славянскую книжность в магистратуре Института стран Азии и Африки при МГУ, а после защиты диссертации под руководством Л. Г. Фризмана занялся источниковедением русской литературы. Дедово пророчество сбылось — над словом (теперь уже мемуарным) я продолжаю работать до сих пор.

Мне было лет десять, когда дед начал говорить со мной о смерти. Так, однажды он рассказал о том, что Юлия Цезаря некогда спросили, как он предпочитает умереть. «Внезапно», — ответил полководец.

Мне было лет десять, когда дед начал говорить со мной о смерти. Так, однажды он рассказал о том, что Юлия Цезаря некогда спросили, как он предпочитает умереть. «Внезапно», — ответил полководец. И дед комментировал: хорошо умереть на ходу, не думая о смерти и к ней не готовясь. Лучше всего — в бою. Еще, бывало, говорили мы о том, сколько прожил кто-нибудь из великих людей. И дед разъяснял, что не так важно прожить долго, как важно прожить достойно. Много лет подряд вспоминал он фразу из рассказа Уильяма Сарояна: «А потом мой отец поменял ботинки на похоронные тапочки». Нам полюбился этот образ, и о всяком умершем говорилось: «Вот и такой-то поменял...» Как образец поведения перед лицом неминуемого рекомендовалась поговорка запорожских казаков: «Поки я є — її нема. Вона прийде — мене чортма», — и оказывалось, что бояться, в общем-то, нечего. А после семидесяти излюбленным анекдотом стал подслушанный разговор случайных прохожих, который мы, смеясь, разыгрывали в лицах:

- *Сколько, говоришь, было тому деду?*
- *Не знаю, лет семьдесят...*
- *А, семьдесят! Так о чем речь?..*

Михаил Бондарь прожил намного дольше, чем предсказывали врачи и предполагал он сам. Постоянно работая над собой, он стал словно больше самого себя, и даже в обыденном разговоре брал на полтона

выше. Обладая кругозором ученого, дед остался «старым учителем», чтобы «нести что-то людям», как он любил говорить. За пятьдесят лет, прожитых вместе, бабушка с дедом построили свой мир, в котором царил культ слова. Они хорошо дополняли друг друга: подвижная, говорливая бабушка и вдумчивый, немногословный дед.

Поздравляя его с последним днем рождения, 75-летием, я пожелал себе быть таким же дедом для своих внуков, каким он был для меня. А бабушка в тот день в своем стихотворении на случай как будто попрощалась с ним:

*Тебе только смены не будет вовек,
Еще не родился такой человек!*

Михаил
Бондарь.
1986 г.

«Коль хорошо сыграли мы, похлопайте...»

Листая семейный альбом, я видел пожелтевшие фотографии провинциальных актеров — родителей прадеда Марка Каплана. Спустя годы детская фантазия и семейные рассказы сложились в мозаику, дополненную фактами из книг по истории еврейского театра.

Рейзеле была старшей дочерью в многодетной семье портного Мойши Батейко. Девочка родилась в городке Игумен (теперь Червень) Минской губернии около 1885 г. Позже, выйдя замуж (как и отец, ее первый муж был портным), она жила со своей семьей в Чернигове, а в 1920 г. осталась вдовой с двумя сыновьями-подростками.

Как она стала артисткой и у кого училась актерскому ремеслу? Присоединилась к бродячей труппе, подобно своей тезке из великого романа Шолом-Алейхема? Или начала свой путь в передвижных антрепризах, существовавших в империи до революции и потом в ранние советские годы? Как бы то ни было, в театре Роза встретила будущего спутника жизни, одинокого актера Наума Трейстмана, ставшего Мите и Яше вторым отцом, а появившимся позже внукам — любимым и любящим дедушкой. Они прожили вместе сорок лет. Наум родился в Варшаве, рос сиротой на попечении родственников, и детство его было отнюдь не счастливым. Не сохранив своей подлинной фамилии, он запомнился нам под театральным псевдонимом.

В начале 20-х Р. Каплан и Н. Трейстман выступали на сцене киевского театра «Кунст Винкл» («Уголок

искусств»), основанного Ровн-Лейбом Заславским и позже возглавлявшегося Тевье Люксембургом¹. В ту пору в Киеве было две еврейских труппы, но «Кунст Винкл» быстро выдвинулся в число ведущих театров на идише. Достаточно сказать, что в том же 1922 г., когда в Москве, в «Габиме», гремела на иврите премьера «Гадибука» в режиссуре Е. Вахтангова, киевский театр поставил знаменитую пьесу С. Ан-ского на идише. В репертуаре были и национальные пьесы, и европейская драматургия. Например, для бенефиса Лии Буговой, ставшей впоследствии известной украинской

Семья Каплан:
Вениамин
Мордухович, Роза
Моисеевна, Митя,
Яша.
Чернигов, середина
1910-х гг.

¹ Мелешкина И.А. «Кунст Винкл». Еврейский театр в Киеве первой трети XX в. // Труды по иудаике. История и этнография. Вып. 16. Евреи в мировой истории, культуре и политике. Мат-лы Междунар. науч. конф. 26.04.2020. СПб.: Петербургский институт иудаики, 2020. С. 107-122.

«ТЕАТР — ЭТО ПРАЗДНИК, А ВСЯКИЙ ПРАЗДНИК ДОСТАВЛЯЕТ ЛЮДЯМ РАДОСТЬ — КАК ТЕМ, КТО ЕГО ОРГАНИЗУЕТ, ТАК И ТЕМ, КТО НА НЕМ ПРИСУТСТВУЕТ. ИЩИТЕ МУЗЫКУ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ РОЛИ, ГАРМОНИЮ ДУШИ. АРТИСТ БЕЗ ДУШЕВНОЙ ГАРМОНИИ — РЕМЕСЛЕННИК», — ПРОВОЗГЛАШАЛ РАФАЛЬСКИЙ.

артисткой, была выбрана драма Ф. Грильпарцера «Золотое руно» (шла в «Кунст Винкл» под названием «Дивильде принцесн», «Дикая принцесса»), а в «Саломее» по О. Уайльду Каплан и Трейтман были задействованы наряду с Буговой и другими корифеями². В 1928 г. театр был реорганизован в передвижной, а к 1931 г. вовсе прекратил свое существование, но Роза и Наум к тому времени уже перебрались в Минск.

Здесь на основе студии Мойше-Арна Рафальского в 1926 г. возник постоянный театр — будущий Белорусский государственный еврейский театр (БелГОСЕТ). «Театр — это праздник, а всякий праздник доставляет людям радость — как тем, кто его организует, так и тем, кто на нем присутствует. Ищите музыку внутренней жизни роли, гармонию души. Артист без душевной гармонии — ремесленник», — провозглашал Рафальский. Об этом мы знаем от Анны Герштейн — дочери одного из артистов, театроведа, благодаря которой сохранились сведения о некоторых постановках. От нее же мы узнаем, что «восемнадцать молодых актеров, недавних студийцев, было недостаточно для ежедневного выхода к зрителям. И Рафальский, несмотря на свое неприятие “старого” театра, обращается к актерам старшего поколения, имеющим профессиональный опыт»³. Среди этих актеров «старшего поколения», стало быть, были и наши герои.

² Там же. С. 117.

³ Герштейн А.Г. Судьба одного театра. Минск, 2000. С. 45.

Довоенное десятилетие — лучшее время в недолгой истории советского еврейского театра. В 1932 г. БелГОСЕТ открылся спектаклем по пьесе А. Корнейчука «Штурм» после переезда в здание бывшей хоральной синагоги. Одна за другой выпускались премьеры, принесшие театру популярность в Белоруссии и во всей стране. О нем не раз писали в местной прессе на идише и по-белорусски. Гастроли по республике, по Украине, в Поволжье, Закавказье, Ленинграде, в занятом советскими войсками Белостоке позволили тысячам зрителей познакомиться с искусством еврейских актеров. Кроме того, постоянно давались выездные спектакли на предприятиях, в колхозах и воинских частях. Несколько сохранившихся у меня фотографий, в основном неподписанных, относятся, скорее всего, к этому времени.

Не зная всех постановок, в которых были задействованы Роза и Наум, я лишь примерно представляю себе их амплуа. Им были по плечу возрастные роли, зачастую характерные, преимущественно в национальном репертуаре, скорее комического, чем драматического плана. Так, в спектакле «Ди кишешмахерн» («Колдунья») по А. Гольдфадену, постановка Виктора Головчинера, Роза Каплан играла мачеху.

«Художественная точность была у Р. Каплан (властная, распущенная, грубая мачеха)», — читаем у Герштейн⁴. На одном из сохранившихся снимков актриса запечатлена в роли Слепой Королевы из пьесы «Дер фалшер кейсер» («Самозванец»), на другом — в роли Стере из неизвестной постановки. Другие фотографии позволяют предположить сцены из спектаклей

ДОВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ —
ЛУЧШЕЕ ВРЕМЯ В НЕДОЛГОЙ ИСТОРИИ
СОВЕТСКОГО ЕВРЕЙСКОГО ТЕАТРА.

⁴ Там же. С. 60.

Белорусский государственный
еврейский театр. Сцена из спектакля.
Справа — Р. Каплан.

Р. Каплан в роли Стере.

Сцена из спектакля. Слева — Р. Каплан.

Р. Каплан в роли Слепой
королевы,
спектакль «Самозванец».

Сцена из спектакля. Справа — Р. Каплан.

«200 000», «Тевье-молочник», «Гершеле-Острополер», «Два недотепы».

В 1937 г. над театром впервые нависла угроза: был арестован и затем расстрелян Рафальский. Но художественным руководителем стал Головчинер, и коллектив смог продолжить работу. Следующим серьезным испытанием стала война, начало которой застало труппу на гастролях в Витебске. Некоторые артисты не успели эвакуироваться и впоследствии погибли в гетто, другие ушли на фронт. В Новосибирск отправились актеры старшего поколения, и там театр проработал четыре года, собирая полные залы. Не успев забрать костюмы и декорации, пожилые актеры с воодушевлением мастерили их из подручных материалов. В годы войны были поставлены «Бар Кохба» и «Суламифь». Моя бабушка Вера, которая жила в эвакуации там же, в Новосибирске, была постоянным зрителем театра, а ее нееврейские друзья с удовольствием приходили с ней вместе: язык не был преградой, если на сцене шло захватывающее действие. Полуголодная жизнь скрашивалась заботой о близких. Накормив мужа и внучку, Роза оставляла себе кусочки поджаренного хлеба («Вы не представляете, как я люблю жареный хлеб!» — убедительно играла она домашнюю репризу).

Казалось бы, после войны можно было вернуться к прежней жизни. Но труппа не сразу смогла уехать в Минск: здание театра серьезно пострадало от бомбежек, да и актерам было негде жить. К тому же вско-

В 1937 г. НАД ТЕАТРОМ ВПЕРВЫЕ НАВИСЛА УГРОЗА: БЫЛ АРЕСТОВАН И ЗАТЕМ РАССТРЕЛЯН РАФАЛЬСКИЙ. СЛЕДУЮЩИМ СЕРЬЕЗНЫМ ИСПЫТАНИЕМ СТАЛА ВОЙНА. НЕКОТОРЫЕ АРТИСТЫ НЕ УСПЕЛИ ЭВАКУИРОВАТЬСЯ И ВПОСЛЕДСТВИИ ПОГИБЛИ В ГЕТТО, ДРУГИЕ УШЛИ НА ФРОНТ.

ре БелГОСЕТ вынужденно лишился художественного руководителя. И прежнего зрителя почти не осталось — Холокост в Белоруссии был особенно опустошительным. Но актеры держались мужественно и, надеясь на лучшее, играли в чужих залах.

В январе 1948 г. в Минск приехал прославленный коллега и учитель, старый друг Соломон Михоэлс. Естественно, он не мог не побывать у своих друзей — еврейских актеров, хотя должен был смотреть спектакли в других театрах. Радость встречи и надежды на будущее утром 13 января были перечеркнуты страшной вестью: Соломон Михайлович погиб! В книге Матвея Гейзера о Михоэлсе есть примечательные страницы, основанные на впечатлениях очевидцев.

Айзик Платнер в своем репортаже «Последняя роль Михоэлса» свидетельствовал:

«... в это утро весь мир был завален снежным потоком, и казалось, что люди спасались в ковчеге, только что из него вышли и теперь делают свои первые шаги по заснеженной земле... У театрального сквера, сквозь белую пелену, я увидел идущих мне навстречу актеров минского еврейского театра. Они были взволнованы, в глазах ужас. Без всяких предисловий они мне сразу выпалили: „Михоэлса убили!“ Потом мы пошли в морг. Было нас немного: я, старый актер Наум Трейстман и несколько молодых артистов — бывших воспитанников московской Еврейской театральной студии... Молодой санитар... открыл перед нами дверь. Сразу же у входа первым лежал Соломон Михоэлс. Он был в шубе, одна пола наброшена на другую. В воротнике шубы покоилась непокрытая голова Михоэлса. Нижняя губа, хорошо знакомая по фотографиям, была опущена, будто он чем-то недоволен, обижен. Левая щека опухшая, заплыла кровоподтеком, как после кровоизлияния...»

Судебный эксперт Валентина Карелина вспоминала:

«... в толпе не только плакали и молились. Наум Трейстман: — Помните его Тевье-молочника, его золотые слова: „Знаете ли вы, что есть Бог на свете? Я не говорю, мой Бог или ваш Бог, я говорю о том Боге, об общем нашем Боге, который там наверху сидит и видит все подлости, что творятся здесь, внизу...“
Первый голос: — Наум, умоляю вас! Говорите шепотом.

Второй голос: — Вы нас всех погубите!

Третий голос: — А что, разве уже нельзя читать Шолом-Алейхема?

Наум Трейстман: — А его великий король Лир: „Нет, не дышит! Коню, собаке, крысе можно жить, но не тебе. Тебя навек не стало, навек, навек, навек, навек, навек! Мне больно...“ Эдгар: „Он умер“. Кент: „Удивительно не это, а где он силы брал, чтоб жить так долго“. Лир: „Боги, в высоте гремящие, перстом отметьте ныне своих врагов! Преступник, на душе твоей лежит сокрытое злодейство. Опомнись и покайся! Руку спрячь кровавую, непойманный убийца!“

Второй голос: — Эти актеры всех нас погубят.

Снежная буря усиливается. И у всех в толпе, стоящей неподвижно, уже по две шапки: своя и снеговая. Бешеный порыв ветра сносит корону из снега с головы короля Лира — Михоэлса — Трейстмана...»⁵

Голоса, прозвучавшие в те горькие дни, пророчили беду. И она разразилась закрытием театра Михоэлса — ГОСЕТа, разгромом Еврейского антифашистского комитета и казнью его членов, наступлением на еврейскую культуру по всем фронтам, ростом антисемитиз-

---

⁵ Гейзер М. Михоэлс

<https://www.litmir.me/br/?b=157166&p=74>

Роза Каплан и Наум Трейстман.
Второй ряд — Виталий и Михаил Бондари. Харьков,
начало 1960-х гг.

ма и глухой вражды и, наконец, апофеозом мракобесия — «делом врачей».

Проработав еще год, БелГОСЕТ был закрыт весной 1949 г. под предлогом «нерентабельности». Актеры разошлись кто куда. Некоторым даже удалось продолжить профессиональную жизнь в театрах и студиях, а Роза и Наум переехали в Харьков, к сыновьям и внукам.

Странствия окончились. Все, что у них отныне было, — маленькая комнатка в коммуналке, нищенская пенсия и воспоминания. Но их жизнь по тем меркам была счастливой: родные были живы и жили рядом. Оставшись одиноким после смерти жены, по-матерински ухаживавшей за ним (она и была, как писал знавший ее сын актера Берёзкина, «а эмесе йидише маме», «настоящей еврейской мамой»), Наум стал чем-то вроде экспоната кунсткамеры, украшением хлебосольных обедов в доме пасынка и невестки. За семейным столом он декламировал монолог из какой-нибудь роли или рассказывал об актерах прошлого. «Он видел саму Эстер-Рохл Каминскую!» — вспо-

минал те застолья мой дед. По его словам, Наум писал мемуары. Слушая голос из прошлого, присутствующие не пытались сохранить услышанное или разыскать утраченное: казалось, что эпоха театра на идише прошла безвозвратно. Думаю, старый актер это понимал и старался жить незаметно. Его записки не сохранились...

И вновь — А. Герштейн: «Сейчас уже почти никого из актеров и режиссеров нет в живых. В Республике Беларусь еврейского театра больше нет. Лишь иногда кто-то из зрителей старшего поколения вспомнит взволновавшую его сцену из спектакля или актерскую работу, оставившую в душе особенно сильное впечатление. Свои размышления, свой опыт, свое умение театр не смог передать никому»⁶.

Актерский дар в семье не исчез: им щедро была наделена бабушка, хотя артисткой не стала. Ее подмостками был школьный класс: работая учительницей, она пользовалась актерскими приемами, а в обыденной жизни ее не раз выручало умение разыграть небольшую сценку.

Роза и Наум с внучкой Верой. Санаторий «Васищево», 1963 г.

⁶ Герштейн А.Г. Судьба одного театра. С. 91.

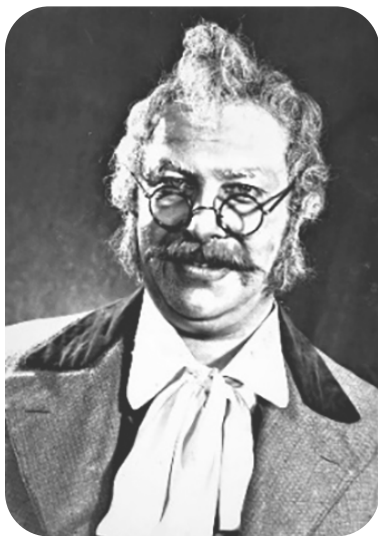
Профессиональным артистом стал племянник Розы, сын ее младшего брата Льва, Валерий Батейко, игравший в Московском театре оперетты, а ее правнук Виталий Бондарь, мой отец, много лет выходил на сцену украинского драматического театра в Харькове. Как знать, не даст ли старая лоза новых побегов?

Украинский театр
им. Т. Шевченко.
Т. де Молина. «Дон Хиль Зеленые
Штаны». В. Бондарь – Дон Хуан.
Харьков. 1970-е гг.

А. Островский. «На всякого
мудреца довольно простоты».
В. Бондарь — Мамаев. 1980-е гг.

Г. Квитка-Основьяненко.
«Шельменко-денщик».
В. Бондарь — Шпак.
1980-е гг.

В ПОИСКАХ
«ЧУДА»

Филология как призвание и служение

Мы познакомились с Ефросиньей Фоминичной Широкоград осенью 91-го в ситуации выбора, который стоял перед студентами-филологами в начале третьего курса, — записи в научный семинар. Замечу, что этот выбор многим тогда казался не слишком важным. Я же отнесся к нему со всей серьезностью. Особенность научного семинара на филфаке состояла в том, что занятия в нем приводили к подготовке и написанию дипломной работы, а также определяли содержание государственного экзамена: специализация в лингвистическом семинаре предполагала вопросы по истории русской литературы и наоборот — «литературоведы» сдавали экзамен за весь курс русского языка.

Чем руководствовались студенты? И тем, что, как им казалось, будет проще сдавать на пятом курсе, и тем, какие темы предлагали преподаватели в своих семинарах. Были бесспорные фавориты, например, профессор А. Д. Михилёв с кафедры зарубежной литературы с темами по модернизму, современной французской, английской и американской литературе, или доцент В. А. Маринчак с кафедры русского языка, отец Виктор, который преподавал историю языка и культуры как духовно-символический и мифологический опыт. Были и другие семинары, ведущих которых я знал как своих учителей: семинар Л. А. Быковой («Ложные друзья переводчика: русско-польские параллели») или Г. М. Зельдовича («Слабые смыслы русского языкового выражения»).

Я перепробовал несколько тем, но так и не нашел свою. Шли недели, а я оставался без семинара и научного руководителя. Как это часто бывает, дело решила случайность. Моя сокурсница Оля Пащенко не задумываясь выбрала семинар Ефросиньи Фоминичны, поскольку ее мама в свое время была дипломницей Е.Ф., и однажды рассказала мне об этом семинаре как бы между прочим. До этого я не был знаком с профессором Широкоград, но один важный разговор у нас состоялся: мы пришли к ней в поисках «настоящей» науки с моим другом Олегом Ковалем, который учился на втором курсе, но был охвачен серьезным научным поиском. Я большей частью молчал и слушал, но что-то услышанное и воспринятое тогда заставило меня прийти к ней еще раз, с тем чтобы больше не уходить.

Выбор семинара был продиктован и тягой к истории языка и славянским древностям, и тем обаянием, которое не сразу, постепенно приоткрывалось в общении с Е.Ф. Это было обаяние безыскусной правды, надежности и какой-то глубокой, органичной доброжелательности. Однако с ней не было просто: она не любила бездельников и говорунов, и требовалось всегда быть в тонусе. Привычное: «Работать надо!» — раздавалось на лекциях, в беседах с глазу на глаз, в отзывах о диссертациях и книгах. Но когда она видела интерес к своему предмету или толково проделанную работу, взгляд ее теплел. «Все мы вышли из теплых рук Ефросиньи Фоминичны Широкоград, как русские

«ВСЕ МЫ ВЫШЛИ ИЗ ТЕПЛЫХ РУК
ЕФРОСИНИИ ФОМИНИЧНЫ ШИРО-
КОГРАД, КАК РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ ИЗ
ГОГОЛЕВСКОЙ ШИНЕЛИ, — ПИСАЛ
О. КОВАЛЬ. — ИЛИ ИЗ ЕЕ ТЕПЛОЙ
КОФТЫ — МНЕ КАЖЕТСЯ, ОНА ВСЕГ-
ДА БЫЛА В НЕЕ ОДЕТА».

писатели из гоголевской шинели, — писал О. Коваль. — Или из ее теплой кофты — мне кажется, она всегда была в нее одета»⁷.

В конечном итоге нас осталось пятеро. Работа строилась индивидуально, с учетом темы каждого студента, а встречи с преподавателем проходили как обсуждение найденных в текстах словоупотреблений, разбор словарных значений и библиографических ссылок. От каждого студента требовалось ведение картотеки, и многие карточки с библиографическим описанием или словарной статьей Е.Ф. приносила нам сама. В процессе длительных поисков и сомнений тема была выбрана: «Концепт “чудо” в языке и культуре восточных славян». После выхода в свет сборника статей «Логический анализ языка. Культурные концепты» слово «концепт» не сходило с филологических уст, заданное им направление становилось модным. Материал быстро набирался, в основном, за счет этимологических поисков по словам «чудо», «диво» и их однокоренным. Помимо этого, фиксировалось словоупотребление по литературным памятникам, начиная с древнейших русских житий и заканчивая современной беллетристикой; выявлялся массив словарных значений по всем имеющимся словарям славянских языков.

Семинарские занятия продолжались два года, и после них я на «отлично» защитил дипломную работу, а еще через несколько лет продолжил работать над этой темой в аспирантуре. Увы, блестящего научного пути не вышло, диссертация не была закончена и защищена, а статьи, написанные по теме и опубликованные в разных изданиях, так и оставались разрозненным материалом, пока не были собраны и изданы отдельным сборником под названием «Этюды о чудесах и текстах» с посвящением памяти Е.Ф. Наверное, диссертация

---

⁷ Коваль О. «О “чуде” и сродных с ним существах» // Бондарь К. Этюды о чудесах и текстах. Харьков, 2012. С. 60.

ЕФРОСИНЯ ФОМИНИЧНА ПОСЛЕ НАШЕГО ОФИЦИАЛЬНОГО РАССТАВАНИЯ ОСТАЛАСЬ ДЛЯ МЕНЯ НЕ ТОЛЬКО УЧИТЕЛЕМ, НО ДРУГОМ И СОВЕТЧИКОМ; Я С УДОВОЛЬСТВИЕМ БЫВАЛ У НЕЕ ДОМА, В ТЕСНОЙ КВАРТИРКЕ НА ПЯТОМ ЭТАЖЕ, ГДЕ ТЕКЛИ НАШИ НЕТОРОПЛИВЫЕ РАЗГОВОРЫ ПОД НЕИЗМЕННЫЙ РАСТВОРИМЫЙ КОФЕ СО СГУЩЕННЫМ МОЛОКОМ.

могла получиться: тема «чуда» и сегодня поражает своим потенциалом. Но нет худа без добра: выбранная как альтернатива программа магистратуры только что открывшегося тогда Центра иудаики и еврейской цивилизации в Институте стран Азии и Африки при МГУ принесла мне не только специальность востоковеда, но и возможность преподавать исторические и филологические дисциплины в Международном Соломоновом университете, и новую научную специализацию — иудеославику, междисциплинарную область исследования еврейско-славянских контактов, в которой я сумел найти свою нишу, защитить диссертацию по повестям о царе Соломоне, а после издать книгу.

Все это стало возможным благодаря тому, что в свое время я прошел школу Широкоград, а Ефросинья Фоминична после нашего официального расставания осталась для меня не только учителем, но другом и советчиком; я с удовольствием бывал у нее дома, в тесной квартирке на пятом этаже, где текли наши неторопливые разговоры под неизменный растворимый кофе со сгущенным молоком. Изредка Е.Ф. посещала и наш дом; мы встречались с ней на заседаниях историко-филологического общества, в библиотеке и на конференциях.

Уйдя на пенсию, она продолжала активно трудиться. Университет и кафедра русского языка торжественно отметили в сентябре 2008 г. 80-летний юбилей профессора Широкоград, на котором посчастливилось выступить и мне. На этом же юбилейном заседании

выступила коллега и соавтор Ефросиньи Фоминичны Л. М. Черняк с приветственным словом «Встреча с Радостью», из которого я узнал, что изысканное древнерусское имя «Ефросинья» — это греческое «радость». Кажется, человек с таким именем просто обязан прожить интересную и достойную жизнь. Именно так и сложилась жизнь Е.Ф. Придя в Харьковский университет выпускницей послевоенной школы в 1948 г., она не покидала его до последнего дня. В юбилейном адресе коллеги по кафедре писали: «...как историк русского языка Ефросинья Фоминична оказалась приобщена к научной деятельности, требующей предельной точности знания, четкости научных доказательств, обширного языкового материала. Ее личностные особенности и принципы жизни стали гарантией безусловного профессионализма в области исторического языкознания. Подвижничество, исключительное трудолюбие, добросовестность как органические свойства личности Ефросиньи Фоминичны предопределили и содержание ее жизни, которая всецело была наполнена педагогической и научной работой».

Жить несуетно и в тихой сосредоточенности — редкая привилегия. Обдуманная размеренность, дни, наполненные незаметной кропотливой работой, скупость в словах и филигранная точность в выборе слов, негромкая, словно приглушенная речь, недоверие к публичности, неприятие конформизма, нелюбовь к неприятности — все эти черты того поколения были и чертами неповторимой личности, чудесным и радостным образом оказавшейся в роли моего друга и собеседника. Неоспоримый факт, что своим трудом Е.Ф. хранила филологию, служа ей, но не менее важно и то, что филология тоже хранила ее, давая возможность жить интересами науки, поддерживать отношения с достойными людьми, не делая скидок на чины и положения, и привечать тех, кто нуждался в утешительном слове.

«Время боготворит язык и тех, кем он жив...»

А ведь сама она была воспитана своими учителями — Николаем Михайловичем Баженовым, Александром Моисеевичем Финкелем, Верой Павловной Бесединой-Невзоровой, о которых всегда рассказывала с трепетом. От этих корифеев ниточка тянется уже к дореволюционной науке, к тем, кто слушал лекции самого Александра Потебни. Благодаря работам Е.Ф., ставшей историком университета, собраны свидетельства научной деятельности многих ученых, чья жизнь была связана с Харьковским университетом. Центральное место в этом ряду принадлежит Потебне, творчеству которого посвящены многие ее публикации. Она воспринимала себя как звено в эстафете научных поколений, хотя прямо никогда об этом не говорила.

Мы продолжали видеться и общаться с Е.Ф. почти до самого конца. 1 декабря 2010 г., поработав в университетской библиотеке и заглянув на кафедру, она попрощалась с присутствующими и сообщила, что отправляется к родственникам в Шебекино. После этого никому не пришло в голову беспокоиться по поводу ее отсутствия. Несколько дней спустя ее телефон молчал, а когда коллеги, все же заподозрив неладное, наведались к ней домой, они обнаружили в двери телеграмму от встревоженной родни.

Своим трудом Ефросинья Фоминична хранила филологию, служа ей, но не менее важно и то, что филология тоже хранила ее, давая возможность жить интересами науки, поддерживать отношения с достойными людьми, не делая скидок на чины и положения, и привечать тех, кто нуждался в утешительном слове.

Обо всем дальнейшем Ефросинья Фоминична, к счастью, уже не узнала, потому что ей выпала высшая награда — смерть за рабочим столом, в окружении рукописей и книг. Стоя у закрытого гроба в зале крематория, мы слушали о Виктора Маринчака, который напутствовал ее последним словом, хотя церковного отпевания не было. «Всю жизнь она работала над собой, — говорил оратор, — и умерла в доброй старости, насытившись годами, как библейские патриархи». Ученики разного возраста, пришедшие проститься, составили символическую цепочку поколений, словно подтверждая правильность выбора, сделанного когда-то девочкой Асей Широкоград. Ее уютной квартиры больше нет, из обширной библиотеки кафедре достались лишь словари, а прах ее покоится в далеком Шебекино. Но чудо встречи и радость общения с учителем останутся с нами навсегда.

Е. Ф. Широкоград.
Харьков, 2010 г.

Признаки концепта «Чудо» по данным Остромирова Евангелия*

Исследование концепта «Чудо» в древнерусской культуре предполагает рассмотрение признаков этого концепта (и тех речевых средств, которые служат их выражению) в евангельском тексте как прототипическом для произведений агиографии, ключевом для христианского мировоззрения и исходном при выявлении концептов, в том числе и концепта «Чудо», христианской культуры. Поэтому попробуем реконструировать этот концепт по данным Остромирова Евангелия — одного из древнейших восточнославянских текстов.

Отправной точкой может служить замечание Ю. С. Степанова в статье «Слово»⁸ о том, что параллелью к концепту «Слово» служит представление о «чуде». Это значит, что предполагается аналогичное устройство внутренней формы этих концептов. Если принять точку зрения Ю. С. Степанова, индоевропейский корень названия концепта «Слово» обозначал цельную ситуацию, «круговорот общения», в котором предполагался обмен некоторой самостоятельной, независимой от участников общения «плотной сущностью как ценностью»⁹.

---

* В передаче форм древнерусских слов в книге принят упрощенный подход: [ѣ] заменяется на [е], большой и малый юсы — на [у] и [я] соответственно, [ѣ] в конце существительных опускается, слова под титлами записываются полностью.

⁸ Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997.

⁹ Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. С. 247.

С другой стороны, отметим трактовку богословских источников: «Чудо есть доступное внешнему наблюдению действие или событие сверхъестественное, но ни противоестественное, производимое непосредственно силою Божиею для достижения важных религиозных целей на пути спасения»¹⁰. Это первая дефиниция «чуда», с которой мы сталкиваемся, и некоторые свойства этого «действия» или «события» здесь названы: визуальность, наличие причины — «силы Божией», и цели, находящейся «на пути спасения». Необходимы данные, которые позволили бы дополнить характеристику концепта другими признаками. Опираясь на показанную в «Библейской энциклопедии» архимандрита Никифора последовательность чудес Иисуса по Четвероевангелию¹¹, мы выявляем такие структуры в тексте Остромирова Евангелия, идентичность и повторяемость которых дает основания для обобщений.

Первая особенность концепта — ряд номинаций, представленный именами *дела, знамения, чудеса*. Однако редкость появления признака номинации говорит о его второстепенности.

Большинство рассматриваемых эпизодов с «чудом» имеют зачин *«въ время оно»*. «Чудо», в соответствии с гипотезой о тождестве устройства этого концепта концепту «Слово», возникает во время встречи, контакта и общения двух сторон. Один из «участников» неизменен — это Иисус, названный по имени, другой (другие) — это человек (люди), отмеченный страданием (напр., болезнью) или неким недостатком, неполнотой (слепота, немота, глухота, одержимость бесом), находящийся, так или иначе, в кризисной ситуации (в пределе которой — смерть), требующей разрешения. Для характеристики концепта важно, что названо лицо и его атри-

¹⁰ Полный православный богословский энциклопедический словарь. Репринт. изд. М., 1992. Стлб. 2370.

¹¹ Библейская энциклопедия. Репринт. изд. М., 1990. С. 790.

бут, обозначен признак «объект»: *тъща огнем жегома* (Мф. 8:14), *глух и нем* (Мк. 7:32), *человек имы водьны труд* (Лк. 14:2).

Иисус и его анонимный визави встречаются в некоторой точке пути Христа; самый признак «встреча-установление контакта» описан как просьба, молитва страждущего с использованием речевых средств: *приступити, кланяться, поклонитися*, которые можно рассматривать как описание собственно встречи, а также *глаголати, зъвати, възъпити, молити, отвещати, възнести глас, възъпити гласъм велием* — обращение к Иисусу, и далее — *очистити, помиловати, възложити руку, сънити исцелитъ, помочи* — содержание просьбы, конкретное наполнение молитвы. Можно говорить об открытости, ожидании чуда как одном из условий его совершения: «Христос, как известно, не мог творить чудеса в Назарете: там никто не ждал от него чуда и не открывался чуду <...> Христос исцелил женщину, открытую чуду»¹². В то же время отмечены примеры, когда инициатива в установлении контакта исходит от Иисуса, и тогда данный признак выступает как «благорасположение», «предложение изменения»: *видевъ иисус веру их* (Мф. 9:2), *узрьевъ же иисус пригласи* (Лк. 13:12).

Мы регистрируем факты, выявляющие признак «способ (средство) воздействия». Этот признак многокомпонентный, одно из его составляющих — «слово к страждущему» (в ответ на его просьбу) со значением «испытание веры»: *глагола иисус веруета ли яко могу се сътворити* (Мф. 9:28); «испытание готовности к чуду»: *что хочета да сътворю вама, хоцещи ли цел быти*, а также с императивной семантикой «восполнить недостаток», выраженной лексически глаголами: *очисти-ся, дъръзай, възстани и възьми и иди, не плачися, гряди възн, буди тебе яко же хоцещи, простъри руку, прозьри*

¹² Померанц Г.С. Docta ignorantia // Знамя. 1995. № 12. С. 204.

В КАЖДОМ КОНКРЕТНОМ ЯВЛЕНИИ «ЧУДА» РЕАЛИЗУЕТСЯ ОБЩАЯ МОДЕЛЬ, НО ПРИ ЭТОМ ОНА ДОСТАТОЧНО СВОБОДНО ВАРЬИРУЕТСЯ.

и, наконец, «констатация свершившегося изменения»: *отъпущена еси отъ недуга твоего, вера твоя спасе тя, несть умрѣла девица нѣ съпит*. Само словесное воздействие Иисуса описано глаголами *рече, глагола, отъвѣща, възгласи, възпроси, възъва*. С другой стороны, можно говорить о компоненте «подготовка к чудотворному действию», который реализуется следующими средствами: *милосърдовати, приступити, приити, обратитися, видети, разумети, дивитися, възърети на небо, въздѣхнути* и непосредственно связан с компонентом «акт чудотворения», получающим описательную характеристику: *прикоснутися, простъръ руку, възложити пъръсты, плинути, сътворити брѣние, коснувъ одр, имъ за руку, помазати очи, възложити руку*.

Необходимо отметить, что способ воздействия представлен либо как комбинация признаков «слово», «намерение» и «действие», либо только как «слово» или только как «действие». Иными словами, в каждом конкретном явлении «чуда» реализуется общая модель, но при этом она достаточно свободно варьируется, как в наборе компонентов данного признака концепта, так и в их последовательности.

Помимо показанных особенностей концепта находим дополняющие элементы вступления, заставки, диалога между Иисусом и страждущим, представляющие собой замедление действия:

а) нравоучение: *о роде неверьнъ и развращенъ доколе съ вами буду доколе трѣплю вас* (Мф. 17:17);

б) обращение к Богу: *рече отче хвалу тебе въздаю яко услыши мя да веру имуть яко ты мя посъла* (Ин. 11:41-42);

в) притча: [Иисус] *отъвещавъ рече несть добро отъяти хлеба чадом и повреци и пьсом [хананеянка] еи господи ибо и пьси едятъ отъ крупиць падающихъ отъ трапезы господии своих. иисус рече еи о жено велика естъ вера твоя, буди тебе яко же хочещи* (Мф. 15:26-28).

В устройстве концепта весомую роль играет непосредственно наблюдаемое «разрешение кризиса», «мгновенное преобразование», что выражено лексически и синтаксически:

а) введением слова *абие* (тотчас): *и абие очисти ся от проказы* (Мф. 8:3); *и абие изиде умъръи* (Ин. 11:44);

б) указанием на время происходящего: *и исцеле отрок его въ тъ часъ* (Мф. 8:13); *спасена бысть жена от часа того* (Мф. 9:22);

в) синонимическим обозначением происходящих изменений: *и простре и утвърдися рука его* (Мк. 3:5); *и възвратися дух ея и възкръсе абие* (Лк. 8:55);

г) с помощью интенсификации признака: *и остави ю огонь. и възста и служаше ему* (Мф. 8:15); *и седе мрътвыи и нача глаголати* (Лк. 7:15); *цел бысть человек и възя одр свои и хождааше* (Ин. 5:9). Возможно «восполнение недостатка» в случае двух кризисных состояний сразу: *разврѣзостася слуха его и раздрешися уза языка его* (Мк. 7:35).

В структуру концепта входит признак, который можно назвать «эффектом славы», и в его устройстве выделяется несколько уровней по степени яркости этого эффекта:

а) «удивление», выраженное глаголами чудиться: *народи чудишася* (Мф. 9:8) и *дивитися: и преизлише дивляхуся* (Мк. 7:36);

б) «страх, ужас»: *приятъ же страх въся* (Лк. 7:16); и *ужасостася родителя ея* (Лк. 8:56);

в) «прославление», которое может выражаться синтагматически с глаголом одной из предшествующих фаз: *народи чудишася и прославиша бога* (Мф. 9:8) или самостоятельно: *прослависта и; славляше бога*. Отмечаются иные лексические средства с семантическим компонентом «слава»: *въздаша хвалу богови* (Лк. 18:43).

Несомненно, существен для характеристики концепта «Чудо» компонент «вера». Его связь с «чудом» объясняется развитием «чудесной» ситуации по направлению к пределу, результату воздействия, и этим результатом можно считать «уверование» в творца чуда — Иисуса. Однако вера во всемогущество Божие является также необходимым условием для «самой возможности оказания чудесной помощи»¹³, как бы предшествуя чудотворству (ср. особенность устройства концепта «Вера» по Ю. С. Степанову¹⁴). И в то же время «чудеса новозаветные имели целью — убедить людей, что Иисус есть истинный Сын Божий, посланный Богом Отцом в мир, и тем расположить к принятию его Божественного учения»¹⁵.

¹³ Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 1. М., 1993. С. 353.

¹⁴ Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. С. 268.

¹⁵ Полный православный богословский энциклопедический словарь. Стлб. 2370.

Репертуар речевых средств, позволяющих представить и описать концепт, показывает, что его устройство включает как обязательные, так и дополнительные характеристики. Располагаются они в определенной последовательности, разворачивая картину чудесного явления во времени. «Чудо» происходит в точке встречи Иисуса и «объекта» в ситуации «кризиса» или «страдания». Есть две стороны, двое «участников» и некая проблема, недостаток. Есть готовность «объекта» к изменению, необыкновенному контакту («молитва» или «просьба»), или «инициатива чудотворца», проявляющего благую волю; есть «чудесное воздействие» — «слово», «физический контакт» (представляющее собой, думается, импульс к обмену, призывание к со-творчеству) и «преображение», нередко мгновенное, в котором и заключается сверхъестественный эффект. Как следствие этого преобразования выступает реакция «прославления» (ответная реплика, обратный импульс — к Иисусу и Богу: «возвращение» той «ценности», обмен которой предполагается в общении сторон) и «торжество веры» («спасение», говоря словами богословского определения).

Таким образом, устанавливается модель концепта. Каждый ее элемент занимает в этой конструкции свое место, и концепт построен на взаимосвязи и взаимообусловленности его признаков. Филологические разыскания для раннего этапа письменной истории концепта «Чудо», насколько можно судить, согласуются с предложенной Ю. С. Степановым концептуальной параллелью, а также славянскими этимологическими данными о внутренней форме слова *чудо*. Это позволяет проследить дальнейшую историю концепта «Чудо» по житиям святых.

Поэтика житийных описаний «Чуда»

(по данным восточно-славянских средневековых текстов)

Семантические признаки праславянских образований с корнем *čud-, как показывают этимологические данные, обуславливают превращение «чуда» в важный концепт средневековой книжной культуры. Это связано, возможно, с диалогической природой концепта, с выражаемым им значением откровения, знака, данного человеку¹⁶; чудо — «не только <...> милость, оказанная немногим, но <...> знак, поданный всем»¹⁷. Это христианское понимание «чуда», которое рождается в тексте Евангелий, проникает в русскую культуру с церковнославянскими переводами Нового Завета. В них описано несколько десятков чудес, совершенных Иисусом¹⁸, но при этом они редко обозначаются словом *чудо*. Лексема *чудо* может присутствовать в интересующих нас контекстах, и тогда она выступает как маркер, ключ, вводящий в повествование. Так же редко чудеса называются *делами* или *знамениями*. Однако зачастую ситуация «чуда» на первый взгляд не содержит никаких признаков для ее идентификации. Но, принимая диа-

---

¹⁶ Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997. С. 247.

¹⁷ Аверинцев С.С. Чудо // Философская энциклопедия. Т. 5. М., 1970. С. 492.

¹⁸ Библейская энциклопедия / Сост. арх. Никифор. Репринт. изд. М., 1990. С. 790; Полный православный богословский энциклопедический словарь. Репринт. изд. М., 1992. Стлб. 2370-2375.

Евангельские эпизоды чудес подобны сценическому действию. Чудесное событие разворачивается во времени: перед читателем проходят «экспозиция», напряженное «развитие действия», «кульминация», сменяющаяся «овациями» и «занавесом».

логическую модель устройства представлений о «чуде», такие признаки можно заметить, а затем обнаружить их устойчивость и повторяемость.

Евангельские эпизоды чудес подобны сценическому действию. Чудесное событие разворачивается во времени: перед читателем проходят «экспозиция», напряженное «развитие действия», «кульминация», сменяющаяся «овациями» и «занавесом». Подобная драматургичность отчасти подхватывается литературой житий святых, что объясняет предлагаемый нами сюжетный, ситуационный критерий отбора фрагментов, повествующих о «чуде».

«Чудо» как «знак верности и преданности»¹⁹ вместе с другими приметами жанра отвечает назначению жития — осуществлять функцию посредника в контакте между миром реальным, несовершенным, конечным и идеальным, истинным, нетленным. Эта функция требует соблюдения житийного канона, который практически исключает новизну и увлекательность (в смысле событийной и фабульной занимательности). Заменой этих впечатлений читателя служит в житиях умиление (соотносимое с реакцией на чудо), позволяющее читателю прикоснуться к образу святости, воплощающему жизнь идеальную, подвижническую, уподобленную Христу²⁰. Умилением,

¹⁹ Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997. С. 127.

²⁰ Берман Б.И. Читатель жития (Агиографический канон русского средневековья и традиция его восприятия) // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 164.

с помощью страха божия освобождающим восторженное изумление чуду, агиография создает атмосферу подданнической присвоенности, в которой легко блаженствовать. Таковы основные категории мировосприятия, выражаемого житием, согласно Б. И. Берману.

Изображая «чудо», житие, с одной стороны, сохраняет верность жанровому канону, предсказуемому и дидактичному, с присущей ему трафаретностью рассказа и ситуаций. Ср. замечания Д. С. Лихачева: «раз речь заходит о святом — житийные формулы обязательны, будет ли говориться о нем в житии, летописи или хронографе»²¹, «чудо в житийной литературе — совершенно необходимая составная часть. Только оно вносит движение и развитие в биографию святого»²². Вот, например, два описания посмертных деяний святых князей-мучеников Бориса и Глеба в «Сказании чудес Романа и Давыда» (XII в.):

Мужь некто бе слеп и пришьдъ падая у гробу святою и целовааше любьзно и очи прикладая ицеления просяше и абие прозьре. И вси людие прославиша бога и святая мученика²³.

Паки негде въ граде бяше человек слеп и пришедъ пребываше у церкве святою мученику дънии неколико припадая и моля ся святыма дондеже бысть ему посещение и прозьре яко пришьдъша святая мученика къ нему прекръстиста ему очи тришьды. И абие отвръзоста ся очи его и вси благодаряху и славляху бога²⁴.

---

²¹ Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. Л., 1979. С. 81.

²² Лихачев Д.С. Изображение людей в житийной литературе XIV-XV вв. // ТОДРЛ. Т. 12. 1956. С. 107.

²³ Сказание чудес Романа и Давыда // Успенский сборник XII-XIII вв. М., 1971. Л. 19 г.

²⁴ Там же. Л. 22 б-в.

С другой стороны, рассказам о чудесах присуща сюжетная занимательность, характерная особенно для севернорусских (более поздних) житий. У исследователя северной агиографии Л. А. Дмитриева находим: «В разделе чудес агиограф был менее всего связан обязательным соблюдением риторических правил житийного жанра: каждое чудо представляло собой отдельный самостоятельный рассказ о каком-то событии, и рассказ этот мог быть либо сухой протокольной записью в несколько строк, либо развернутым повествованием, длительным во времени и сложным своими перипетиями»²⁵.

Развитие реалистичности в повествовании, углубление психологической мотивировки берут верх над протокольной сухостью. Ниже цитируем приведенное исследователем описание одного из посмертных чудес Зосимы и Савватия Соловецких, приписанного к их житию в середине XVI в. (список ИРЛИ, Карельское собр., № 131), — рассказ «О человеце, плавающем на соловарном црене²⁶, именем Андрее»:

Мне же црен положившу на воду и умыслившу ми подле брег по морю проводити на место, иде же ми повелено... И приидох до места, иде же множество камня, и восхоте объехати камене оно. И вънезапу дуну ветр яр от брега. Аз же вострепетах, еще же и вода начала убывать, и начах плыти в пучину моря на црене. И насташа волны и зыбь велия зело, и во мгновение ока толь много отпых, яко не видети брега, ни пре-высоких гор вскрай моря стоящих. Аз же окаянный начах рыдати и плакати о отчаянии живота своего... И от сего вину приим, яко же нам обычай одержит всем поморяном во всех наших бедах по морю и по

²⁵ Дмитриев Л.А. Жанр севернорусских житий // ТОДРЛ. Т. 27. 1972. С. 193.

²⁶ Црен – плоский железный ящик для варки соли – прим. Л. А. Дмитриева.

суху призываем на помощь чудотворцы соловецкия. И моляшу ся ми, сице рекуще: О великие чюдотворцы Зосимо и Савватие, покажите милость и избавьте от нужныя смерти!.. И пребыв два дни и две ночи носим в пучине. И изнемогах не ядый, не пия и не спя. И от великия истомы и нужды едва дыша. Та же горько воздохнув и глаголах: О святии чюдотворцы Зосимо и Савватие! Или спасите, или воскоре потопите. Сотворите сие вскоре. Ту абие мнит ми ся от монастыря святых явися облак темен и страшен... Аз же пороптах и глаголах: О святии чюдотворцы, вскую и призвах вас — ничто же ми помощи сотвористе... Дерн на утлинах размыло, и аз рукавицу положих и стах на ню. И уже изнемогах стояти, ни сидети, пад на црен, яко мертв, забыхся. Ниже спях, ниже бдех, токмо вижу некоего во образе отца моего глаголюща ми: Повелено ти извлещи сей црен на землю. Аз же возбнух и видех брег близ мене стоящ, и возмогах, и обрадовахся... Ту абие мой црен погрязе. Аз же стах на ногах по шею в воде, и изыдох на брег, благодаря всесильнаго бога и его угодников, святых чюдотворцев Зосиму и Савватию... Аз же придох во обитель святых работати в монастыре до кончины живота своего во славу Христу, богу нашему, и в память его угодником, преподобным отцем Зосиме и Савватию (лл. 54 об. – 55 об.)²⁷.

Как представляется, в этом повествовании отмечается знакомая композиция микросюжета — развитие ситуации от экспозиции и введения действующего лица через нарастание кризиса и достижение предела к его разрешению и внезапному спасению; сохранение инварианта при несомненных образных и даже структурных инновациях (немедленное наступление избавления, ожидаемое обычно, здесь замедлено, и в его описании сгущены краски).

---

²⁷ Дмитриев Л.А. Жанр севернорусских житий... С. 195.

Среди языковых средств, организующих «сферу чудесного» в системе житийной поэтики, следует рассмотреть и саму лексему **чудо**, которая функционирует в текстах следующим образом:

- вводит в тональность повествования, играет роль ключа к эпизоду либо эмблемы, открывающей «чудесный» эпизод: *хощу же ва-шеи любви беседу прострети о преславных чудесех, яже творит бог угодником своим* (здесь и далее примеры — из *Жития Сергия Радонежского* Епифания)²⁸;
- обрамляет эпизод с чудесным событием: *колика глаголюще бог творит чудеса угодником своим святым Сергием еда како и о нас умилосердится и радуяся отиде в дом свои <...> благодареніа въздаваа богу, творящему дивнаа и преславнаа чудеса своим угодником*²⁹;
- регистрирует, фиксирует состоявшееся «чудо», словно присваивает ему ярлык: *уведено же бысть чудо сіе от иже ученика святаго*³⁰.

Роль «ключа» выполняет и эмблема в тексте, встречающаяся, когда повествование останавливается, чтобы включить рассказ о чудесах. В этом случае о чудесах повествуется в рамках маленьких вставных новелл, слабо связанных с фабулой: *и добродетлми просия,*

---

²⁸ Житие преподобного... отца нашего Сергия чудотворца, написанное учеником его Епифанием Премудрым. *Памятники древней письменности и искусства*. № 58. Спб., 1885. С. 99 и далее.

²⁹ Там же. С. 136.

³⁰ Там же. С. 102.

*якоже и чудеса творити ему, о них же мало нечто скажем. чудо первое... (Житие Серапиона, л. 15 об.)*³¹. Списки многих десятков посмертных чудес зачастую присоединяются к основному тексту жития.

Наблюдения над текстами дают возможность наметить контуры модели агиографического повествования о чудесах:

1) вводимая рассказчиком экспозиция: *хощу же вашей любви беседу прострети или о них же мало нечто скажем;*

2) место действия и обозначение ситуации: *воде не суці близ обители, братству же умножившу, имеаху нужу велію от далече воду приносяще или прииде смертоносная язва на великий Новград;*

3) кризис: *и сеа ради вины неціи поропташа на святаго въскую, глаголюще, не разсужаа сел еси на сем месте обитель здати, воде не близ суци;*

4) необязательный элемент: святой увещевает, отсылая к общеизвестному прецеденту, как правило, из Библии: *бог же въсхоте толику обитель въздвигнути, прославлятися святому его имени. дрѣзайте убо въ молитве своеи и не пренемагайте, аще бо не покоривым людем евреискым от камене воду источилъ еси, вас же, работающих ему день и ноць, презрете ли имать;*

---

³¹ Моисеева Г.Н. Житие новгородского епископа Серапиона // ТОДРЛ. Т. 21. 1965. С. 147-165.

5) молитва, состоящая из:

а) прославления Бога: *молю боже отче господя нашего иисуса христа, сътворивыи небо и землю;*

б) самоуничижения и упования: *темь молимся мы и грешнии и недостоини раби твои, услыши нас в сеи час и яви славу свою;*

в) конкретной просьбы, иногда сопровождающейся апелляцией к библейскому прецеденту: *яко же в пустыни чюдодеиствоваше Моисеом, крепкаа ти десница, от камене твоим повелением воду источи, тако и zde яви силу твою, даруи нам воду на месте сем.*

Стандартное содержание молитвы порой представлено без вводных мотивов: *Серапион же архиепископ, скорбию объят быв, начат бога молити и пречистую богородицу со слезами;*

б) внезапное изменение, собственно «чудо»: *и се рекшу святому и место назнаменавшу, внезапноу источник велии явися, иже и до ныне всеми видим есть;*

7) действие «чуда»: *от него же почерпают на всяку потребу монастырьскую благодаряще бога и сего угодника Сергия. Многа же исцеления бывають от воды тоя приходящим с верою.*

Естественно, что наиболее важными в диагностическом отношении являются последние два элемента, так или иначе присутствующие в любом рассказе о чуде, в каждом житии: *и востав человек той в том часе здрав; вси людие возрадовашася радостию великою неизглаголанною (Житие Серапиона)* и другие контексты.

Представленная конструкция отражает свойства «чуда» как композиционного единства, построенного с помощью определенной последовательности речевых средств. В их числе может находиться непосредственное наименование концепта, может быть и другое лексическое наполнение модели, но содержание ее (набор и сцепление структурных единиц) остается принципиально неизменным. Реализация «чуда» как компонента духовной культуры в памятниках житийного жанра способствует достижению задачи произведения. В этом смысле житийные описания чудес сочетают религиозную полноту (связь с источником умиления, переживания и катарсиса) с повествовательной, сюжетной увлекательностью. Как повествовательный прием и компонент поэтики, «чудо» формирует собственно текст жития, оставаясь при этом многозначным культурным концептом.

Сказочный метамотив чуда в поэтике «Пиковой дамы»

Замысел этой заметки задан статьей Н. Н. Петруниной «Пушкин и традиция волшебносказочного повествования (к поэтике “Пиковой дамы”)»³². По наблюдениям автора, природа фантастики в повести и ее отношения с реальностью восходят к народной сказочной традиции³³. Статья, которая показывает отражение в «Пиковой даме» «художественного опыта Пушкина-сказочника <...> в способе развертывания повествования»³⁴, дает возможность обнаружить в поэтике повести такой сюжетно-композиционный элемент сказочно-былинного эпоса, как «чудо». Его место в жанровом комплексе «былина-сказка», согласно С. Ю. Неклюдову, определяется «взглядом изнутри», «глазами героя», «средствами самого текста», в то время как известная фольклористическая терминология — «чудесный предмет», «волшебное средство» есть следствием «взгляда извне», «авторской речи» в былине и сказке или, иначе, оценки исследователя³⁵.

При таком подходе оказывается, что «внешняя» оценка дает признаки «чудесного» на уровне структуры — персонажи и их функции, описанные В. Я. Проппом, или объекты изображения по указателю Аарне-Томпсона, и характеризует мир сказки (былины) как чудесный, вол-

---

³² Петрунина Н.Н. Пушкин и традиция волшебносказочного повествования (к поэтике «Пиковой дамы») // Русская литература. 1980. № 3. С. 30-50.

³³ Там же. С. 50.

³⁴ Там же. С. 30.

³⁵ Неклюдов С. Ю. Чудо в былине // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 236. Труды по знак. сист. Вып. 4. Тарту, 1969. С. 146-158.

шебный. Оценка же «внутренняя» показывает этот мир «совершенно нечудесным», и тем более важно, что «явление из ряда вон выходящее, заслуживающее удивления» предстает как «чудо» («даже в мире, который нормально описывается как *чудесный*, *чудо* является образованием иного уровня, порядка и качества» (П. Флоренский)³⁶.

Далее предлагаем представить этот мотив сказочно-повествования, названный С. Ю. Неклюдовым «метамотивом», и его роль в тексте «Пиковой дамы». Эта задача предполагает обращение к другим чертам сказочной поэтики в повести, соотносимым с приобщением Пушкина к «волшебносказочной стихии».

Художественную систему повести организует сочетание реального и фантастического³⁷; волшебная сказка тоже знает «модель органического слияния реальности и фантастики»³⁸. Кроме того, мы знаем, что «из множества возможных коллизий Пушкин выбирает простейшие, наиболее традиционные <...> разрабатывая замыслы из разных эпох, он пользуется одними и теми же сюжетными ходами, которые лишь варьируются в зависимости от места и времени»³⁹.

Так, функции и расстановка персонажей «Руслана и Людмилы» создают композицию «двухходовой» волшебной сказки, по В. Я. Проппу. При этом отступление от канонической схемы заключается в обособлении линии Людмилы, образующей «сказку в сказке» и заканчивающейся в рамках истории Руслана⁴⁰.

³⁶ Там же. С. 147.

³⁷ Бочаров С.Г. «Пиковая дама» // Бочаров С.Г. Поэтика Пушкина: Очерки. М., 1974. С. 201;

Измайлов Н.В. Фантастическая повесть // Русская повесть XIX в.: история и проблематика жанра. Л., 1973. С. 158.

³⁸ Петрунина Н.Н. Пушкин и традиция волшебносказочного повествования... С. 42.

³⁹ Петрунина Н.Н., Фридендер Г.М. Над страницами Пушкина. Л., 1974. С. 121.

⁴⁰ Пропп В.Я. Морфология сказки. Изд. 2-е. М., 1969. С. 38.

«Сказка о мертвой царевне и семи богатырях» содержит иное отступление — соединение двух рассказов: истории героя-искателя и истории преследуемой мачехой царевны, причем первая значительно перерабатывается. В ней королевич Елисей не влюбляется в случайно увиденную мертвую царевну как типичный герой-искатель, а целенаправленно разыскивает невесту.

«Пиковая дама», написанная одновременно со «Сказкой о мертвой царевне...», «целиком принадлежит своей литературной эпохе. Ее действие совершается в конкретном, а не условно-сказочном времени и пространстве»⁴¹. Но и здесь Пушкин нарушает принцип «хронологической несовместимости», как это было в «Руслане и Людмиле» и «Сказке о мертвой царевне...»: история Лизаветы Ивановны толкуется в духе сказки о бедной падчерице, образуя самостоятельную линию и развиваясь по своей логике, от безвестности и унижения к обретению жениха и богатства. В «Пиковой даме» обособление происходит дважды: «маленькой волшебной сказкой» Петрунина называет анекдот Томского⁴², действие которого развивается от осознания ущерба к его устранению с помощью «дарителя» и «чудесного средства».

Можно говорить о сопоставлении персонажей повести со сказочными: графиня — хранительница тайны — выступает как невольный «даритель», Чекалинский — как «антагонист», Лизавета Ивановна — как «помощник»⁴³. Каждый фрагмент реконструируемого сказочного плана «Пиковой дамы» претерпевает заметные изменения: «герой» (Германн квалифицируется не как главный, положительный, а как ложный герой сказки, которому не полагается сказочное благополучие вслед-

⁴¹ Петрунина Н.Н. Пушкин и традиция волшебносказочного повествования... С. 30.

⁴² Там же. С. 43.

⁴³ Там же. С. 42.

ВОЛШЕБНАЯ СКАЗКА ЗНАЕТ ТАКОЙ СЮЖЕТ, КАК «ПИКОВЫЙ/ЧЕРВОННЫЙ ВАЛЕТ». В НЕМ ГЕРОЙ НАХОДИТ ИГРАЛЬНУЮ КАРТУ, ЗАТЕМ ИЗ НЕЕ ВЫХОДЯТ ДУХИ, С ПОМОЩЬЮ КОТОРЫХ ОН БОГАТЕЕТ, ПРЕЛЬЩАЕТ ПОДАРКАМИ НЕВЕСТУ, ЖЕНИТСЯ. И ОДНА ИЗ ВОЗМОЖНЫХ ФОРМ СКАЗОЧНОГО БОЯ — ИГРА В КАРТЫ. У ПУШКИНА ЖЕ ТЕМА ТРЕХ КАРТ ВПИСАНА В ТРАДИЦИЮ РОМАНТИЧЕСКОЙ ФАНТАСТИКИ И СОВРЕМЕННУЮ ЕМУ ОБЩЕСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ.

ствие нарушения им сказочной этики), «даритель» (в отличие от героя сказки, Германн знает о «дарителе» и ищет встречи с ним; помимо этого, «даритель» совершает свое действие вынужденно), «предварительное испытание» (отчасти сливается с «поединком» — встречей за карточным столом), «помощник» (одновременно герой «встроенной» сказки). И особенно стоит отметить «волшебное средство». Волшебная сказка знает такой сюжет, как «пиковый/червонный валет». В нем герой находит игральную карту, затем из нее выходят духи, с помощью которых он богатеет, прельщает подарками невесту, женится⁴⁴. И одна из возможных форм сказочного боя — игра в карты⁴⁵. У Пушкина же тема трех карт вписана в традицию романтической фантастики и современную ему общественную жизнь⁴⁶.

«Чудо», в соответствии с подходом С. Ю. Неклюдова, — следствие разрыва в цепочке событий, образующих фабулу сказки, нередко в ситуации дороги, особенно, когда цель поездки не определена. Согласно В. Я. Проппу, фантастичность волшебной сказки

⁴⁴ Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л., 1979. С. 166.

⁴⁵ Петрунина Н.Н. Пушкин и традиция волшебносказочного повествования... С. 43.

⁴⁶ Лотман Ю.М. «Пиковая дама» и тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX в. // Лотман Ю.М. Избр. статьи: В 3-х т. Таллинн, 1992. Т. 2.

подготовлена случайностью в самый напряженный момент⁴⁷. Предполагаем, что эти условия содержатся в анекдоте Томского — «маленькой волшебной сказке»: обрыв событийной цепочки («бабушка не знала, что делать»); явление Сен-Жермена, который оказывается «чудесным» для героини, хотя оценка его дана в словах рассказчика («вы слышали о графе Сен-Жермене, о котором рассказывают так много чудесного», и рядом: «старый *чудак*»). Отметим, что обычно «слов семантического поля чуда в тексте мало», частотность их невелика⁴⁸, и потому отмеченное словоупотребление достаточно красноречиво. После визита Сен-Жермена, предлагающего взамен денег «другое средство», сюжет развивается логично и последовательно: игра у королевы, выбор трех карт, «чистый» выигрыш — словом, «чудо». Здесь же показана и роль «чуда» как «ключа, вводящего слушателя в тональность повествования»⁴⁹: «*Случай!* — сказал один из гостей. — *Сказка!* — заметил Германн. — Может статься, порошковые карты? — подхватил третий».

Услышанная история воспринимается Германном без присущей сказке «установки на вымысел», он ожидает «чуда», нарушая композиционное условие непредсказуемости. Мотив ожидания осложняется сомнением в действенности «волшебного средства», что в сказке невозможно. Это сомнение как будто провоцирует отказ от попытки добыть «волшебное средство» («*расчет, умеренность и трудолюбие: вот мои три верные карты*»), но уже следующий фрагмент текста показывает развитие действия по сказочной закономерности: «бродя по Петербургу», Германн неожиданно оказывается перед домом графини, останавливается в нерешительности и узнает о том, кто хозяйка дома. «Германн за-

⁴⁷ Пропп В.Я. Русская сказка. Л., 1984. С. 181.

⁴⁸ Там же. С. 147.

⁴⁹ Неклюдов С.Ю. Чудо в былине... С. 157-158.

трепетал. Удивительный анекдот снова представил ся его воображению. Он стал ходить около дома, думая об его хозяйке и о *чудной* ее способности». Мы вновь встречаем характерные лексические и повествовательные сигналы.

Легко увидеть и несоответствие литературного и сказочного решений. Выдержав один из этапов «предварительного испытания», заполучив «помощника» и встретившись с «дарителем», Германн обнаруживает, что «даритель» не обладает «волшебным средством» (*«Это была шутка, клянусь вам!»*). Так видоизменяется существенное звено прототипической модели. Бой с «антагонистом» закономерно ведет к поражению Германна: ведь волшебная помощь не заслужена им, хотя «волшебное средство» действует безотказно, как положено в сказке. Сцены с фантастическим колоритом (явление призрака, усмешка карточной дамы) не предполагают сказочных параллелей и обусловлены литературной традицией⁵⁰. Видоизменение или нарушение сказочного канона имело место в различные периоды творчества Пушкина и в разных жанрах под влиянием «непрерывного усложнения действительности и форм ее осмысления»⁵¹. Предполагаем, что изменение сказочных констант, и прежде всего самой устойчивой, композиции, происходит за счет экспансии литературной стихии, в частности, игровых приемов: хорошо известные романтические темы и образы вводятся в текст и пародируются⁵². Пародийный подтекст ощущается и в эпизодах, соотносимых со сказочным планом «Пиковой дамы», — сценах с Лизаветой

⁵⁰ Полякова Е.С. Реальность и фантастика «Пиковой дамы» // В мире Пушкина. М., 1974. С. 398-403; Слонимский А.Л. Мастерство Пушкина. Изд. 2-е. М., 1963. С. 521.

⁵¹ Петрунина Н.Н. Пушкин и традиция волшебносказочного повествования... С. 49.

⁵² Поддубная Р.Н., Красиков М.М. О пародийности «Пиковой дамы» Пушкина // Вопр. русск. лит. Львов, 1981. Вып. 1 (37). С. 50.

Ивановной (воображаемая страсть оказывается равнодушием) и графиней (явление призрака снабжено долей комизма).

Таким образом, некоторые особенности сказочной поэтики усвоены и сохранены Пушкиным («чудо» как метамотив повествовательной структуры), другие изменены (однаправленность времени, монотонность сюжетной линии, функции персонажей и ключевые ситуации). У каждого компонента структуры повести, присущего в то же время и сказочному канону, есть литературные связи и коннотации («даритель», «помощник», «волшебное средство»), и вопрос о «чуде» как метамотиве поэтики «Пиковой дамы» становится частью общего вопроса о балансе фольклорных и литературных средств у Пушкина.

ВСТРЕЧИ
С ИУДАИКОЙ

Вспоминая Соломонов университет

Восточно-украинский филиал Международного Соломонова университета присутствовал на академической карте Харькова почти полтора десятилетия и играл заметную роль в еврейской жизни города. Время его создания пришлось на бурные годы социальных сдвигов и рождения новых экономических отношений. Украина, прокладывая трудный путь к независимости, активно искала новые формы во всех сферах жизни, включая образование. В 90-е гг. здесь происходили стремительные перемены: институты и техникумы превращались в академии и колледжи, открывались новые факультеты и специальности, а некогда популярные профессии теряли свой престиж. Монополия государства на высшее образование была разрушена открытием коммерческих вузов: с одной стороны, в условиях коллапса плановой экономики финансирование высшего образования было затруднено, с другой — появились возможности для привлечения частных спонсоров. Традиционные игроки на поле образования, которое становилось «рынком образовательных услуг», медленно разворачивались к новым формам отношений, но новички быстро занимали пустующие ниши.

Тогда же началось бурное возрождение еврейского образования. Международный Соломонов университет в Киеве был одним из первых, его создание относится к 1992 г. О причинах и цели его открытия размышляли и сами основатели, и социологи. Еврейские предприниматели, искавшие эффективный путь инвестиций в образование, встретились с профессорами-математиками, заинтересованными в новой формуле сочетания высокой

академической планки и экономической свободы. В названии университета не было слова «еврейский», но оно подразумевалось: прилагательное «Соломонов», отсылавшее к имени библейского царя, актуализировало героическое прошлое еврейского народа, ценность знания и мудрости. При этом новый университет дистанцировался от национально-религиозной концепции образования и не ставил никаких ограничений в приеме абитуриентов, более того, подчеркивались равные права и возможности для всех студентов. Ориентация на выпускников еврейских школ, талантливую еврейскую молодежь, важная для создателей университета, была все-таки не главной — целью учредителей была популяризация знаний по иудаике и укрепление межнационального и межконфессионального согласия в стране. Среди преимуществ нового вуза, помимо невысокой платы за учебу, небольших студенческих групп и лучших преподавателей, существовала перспектива зарубежных контактов, что в те годы было в новинку. Эпитет «международный» предполагал приглашение с лекциями иностранных профессоров и студенческие стажировки за границей.

На волне интереса к новому учебному заведению и в условиях укрепления еврейской общины Харькова, при счастливом стечении нескольких обстоятельств был открыт Восточно-украинский филиал университета. День подписания уставных документов — 8 апреля 1998 г. — стал праздником, который долгие годы отмечался в коллективе. Основатели филиала сделали ставку на привлечение лучших университетских специалистов и набор незаурядных студентов. Что касается международного сотрудничества, речь шла о Центре иудаики и еврейской цивилизации Института стран Азии и Африки при МГУ, начавшем свою работу одновременно с Восточно-украинским филиалом, и о студенческих программах Еврейского университета в Иерусалиме.

Такой подход к строительству Восточно-украинского филиала стал следствием упомянутых благоприятных

обстоятельств. Первое — сама личность основателя филиала и его первого директора. Им стал математик, научный сотрудник университетского мехмата, опытный организатор и педагог Борис Элькин. За плечами у него была четверть века преподавательской и административной работы на факультете и в лаборатории (Борис Соломонович еще в 80-е гг. руководил большим коллективом, выполнявшим прикладные разработки по хозяйственным договорам). Этот советский опыт маркетинга и менеджмента стал незаменимой опорой в руководстве филиалом. Вторым фактором успеха на старте стали многочисленные контакты Элькина, хорошо знавшего всех участников образовательного процесса в городе. Не стоит забывать и о бизнес-связях, позволивших быстро сформировать эффективный попечительский совет. К триаде ключевых факторов добавим помощь старшего сына Бориса Элькина, Зеэва, работавшего тогда в Еврейском университете в Иерусалиме и привлекшего к новому начинанию влиятельных представителей израильских академических и политических кругов.

Директор Восточно-украинского филиала Международного Соломонова университета Б. С. Элькин. Харьков, конец 1990-х гг.

БээС (так сотрудники называли директора между собой) любил вспоминать первый набор, скромную группу студентов — участников пилотного проекта, оказавшегося столь успешным. Первокурсники всех специальностей изучали историю и традиции еврейского народа.

БээС (так сотрудники называли директора между собой) любил вспоминать первый набор, скромную группу студентов — участников пилотного проекта, оказавшегося столь успешным. Первокурсники всех специальностей изучали историю и традиции еврейского народа. В учебном плане исторического факультета значились курсы иврита, еврейской литературы, библеистики, истории Израиля, еврейско-украинских отношений. Так что на протяжении всех лет обучения студенты постоянно встречались с иудаикой.

Между тем, Харьков неслучайно первым из нестоличных городов постсоветского пространства стал центром возрождения еврейских и, в частности, хазароведческих исследований. Именно здесь в 1902 г. прошел XII Всероссийский археологический съезд, который привлек внимание научной общественности к Салтовскому городищу, давшему имя археологической культуре. Здесь в течение нескольких десятилетий предпринимались попытки изучения салтово-маяцких памятников. Здесь на исторических факультетах государственного и педагогического университетов, в отделе археологии исторического музея сложились традиции полевой хазароведческой работы. Салтовская культура Хазарского каганата — одна из наиболее ярких культур раннего средневековья, привлекающая своей самобытностью внимание нескольких поколений исследователей. В середине 80-х гг. вышла монография харьковского археолога В. К. Михеева «Подонье в составе Хазарского

каганата»⁵³ и тогда же была защищена его докторская диссертация. Работы профессора Михеева, отчеты и публикации его учеников и аспирантов вместе с трудами коллег по другим кафедрам составили основу харьковской школы хазароведения.

Они не могли не встретиться: директор филиала Соломонова университета и ведущий хазаровед составили тандем, обеспечивший десятилетие ренессанса харьковской иудаики. В период кризиса, когда все отрасли науки были заняты выживанием, обеспечение хазароведческих полевых и кабинетных работ взял на себя Соломонов университет. Владимир Кузьмич — тогда проректор по учебной работе Харьковского государственного университета — был приглашен преподавать в новом вузе и начал читать курсы археологии и введения в специальность. С 2001 г. он полностью сосредоточился на работе в Соломоновом университете. Самое важное, что привнес в работу Владимир Кузьмич и что определило его индивидуальный стиль, — желание развивать хазароведческие исследования и высокие стандарты харьковской исторической школы. С 1999 г. профессор Михеев и его ученики плодотворно работали на Нетайловском могильнике салтовской археологической культуры. Открытый в 1959–1961 гг. экспедицией Института археологии Академии наук Украины, могильник считался утраченным после создания Печенежского водохранилища. Новое откры-

В ПЕРИОД КРИЗИСА, КОГДА ВСЕ ОТРАСЛИ НАУКИ БЫЛИ ЗАНЯТЫ ВЫЖИВАНИЕМ, ОБЕСПЕЧЕНИЕ ХАЗАРОВЕДЧЕСКИХ ПОЛЕВЫХ И КАБИНЕТНЫХ РАБОТ ВЗЯЛ НА СЕБЯ СОЛОМОНОВ УНИВЕРСИТЕТ.

⁵³ Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков: Высшая школа, 1985.

Будучи прежде всего практиком, Михеев при первой же возможности выезжал в поле, увлекая за собой студентов.

тие памятника состоялось в 1991 г. отрядом экспедиции Харьковского университета под руководством А. В. Крыганова. Будучи прежде всего практиком, Михеев при первой же возможности выезжал в поле, увлекая за собой студентов. Когда заходила речь о планировании экспедиции, Владимир Кузьмич действовал энергично, вникал в подробности подготовки необходимого снаряжения, а после завершения работ следил за обработкой данных и оформлением отчетов. Соломоновцы получили внушительные результаты: было вскрыто несколько десятков погребений, получен богатый погребальный инвентарь, включавший оружие (сабля, наконечники копий, наконечники стрел, обушок, колчаный крючок), детали одежды (пуговицы, элементы поясной гарнитуры, бронзовые бубенчики), орудия труда (ножи), предметы быта (черешковые ножи, пряслица, кресала), фрагменты конского снаряжения (седла с железными стременами, удила, сбруйные пряжки и кольца, ремни снаряжения, украшенные бляшками, чумбурный блок), керамику (глиняные сосуды), украшения (бусы, серьги, браслеты, перстни, подвески, в том числе изготовленные из монет-дирхемов, бронзовый «солярный» амулет). По итогам исследований было подтверждено мнение, что погребальный обряд нетайловцев вполне соответствовал языческому погребальному обряду праболгарского населения салтовской культуры второй половины VIII – первой половины IX в. Алано-болгарское население северо-западной окраины Хазарского каганата было также предметом внимания в монографии В. К. Михеева и В. С. Аксёнова о Сухогомольшанском могильнике, опубликованной в пятом томе «Хазарского Альманаха» в 2006 г.

Владимир Кузьмич пользовался всеобщей любовью: широта его взглядов и безупречный профессионализм не оставляли места недоверию. Многие абитуриенты шли в университет именно «на Михеева». Со студентами он был на равных, но никогда не опускался до панибратства; не будучи прирожденным оратором, он приковывал к себе внимание, когда начинал говорить. По-старомодному галантный, Михеев держался неброско — он был настоящим профессором.

БээС, смотревший на вещи масштабно, уверенно вел свой корабль по сложному курсу. Не обладая богатырским здоровьем, он работал без выходных, редко бывал в отпуске, и его плотный график едва умещался в мелко исписанных строчках объемного ежедневника.

В. К. Михеев в последней экспедиции. с. Нетайловка Харьковской обл., 2008 г.

Владимир Кузьмич пользовался всеобщей любовью: широта его взглядов и безупречный профессионализм не оставляли места недоверию. Многие абитуриенты шли в университет именно «на Михеева».

— Борис Соломонович, как Вы себя чувствуете? — спрашивал, бывало, кто-нибудь из сотрудников.

— Не дождетесь! — отвечал он, окинув собеседника лукаво-ироничным взглядом из-под очков. Быстро ориентировавшийся в любой ситуации, БээС не расставался с шуткой, и не раз его видение проблемы, казавшееся парадоксальным, становилось ключом к решению.

Как человек, всего добившийся сам, он был наделен некоторой властностью, но людей оценивал в первую очередь по деловым качествам. Его команда состояла из единомышленников — Инны Семеняк, заместителя директора, экономиста, профессора Харьковского университета; Александра Кощия, первого декана филиала, математика, стоявшего у истоков компьютерного факультета; Валерия Пикалова, историка, организатора работы на историческом факультете; Игоря Зусмановского, куратора и опекуна первого, да и всех последующих студенческих наборов.

Среди многих талантов БээСа едва ли не важнейшим было умение подбирать сотрудников. Кроме проверенных годами совместной работы коллег (таких, скажем, как начальник учебной части Михаил Гук), директор привлекал и молодых, недавних выпускников, аспирантов, которые со временем начинали играть все более заметную роль.

И. И. Зусмановский. 2010 г.

А. Ф. Кощий. Конец 2000-х гг.

Одной из самых важных инициатив университета была летняя школа по еврейским исследованиям. Известное со времен тартуских школ по семиотике, словосочетание «летняя школа» напоминает о свободном режиме работы, академической строгости и неформальном общении мэтров и молодых ученых.

Он доверял им ответственные участки работы и следил за их ростом без ревности. Так было с Юлией Укис, пришедшей в университет одновременно со мной и ставшей после смерти Бориса Элькина директором филиала. Так было и в моем случае: в 1999 г. я решительно сменил жизненный и профессиональный путь, предпочтя окончанию аспирантуры и возвращению на кафедру украинского языка в техническом вузе специализацию по востоковедению в Московском университете с последующей работой в харьковском филиале. Это историческое решение открыло путь к самому интенсивному десятилетию в моей профессиональной жизни. Оно позволило расправить крылья.

Одной из самых важных инициатив университета была летняя школа по еврейским исследованиям. Известное со времен тартуских школ по семиотике, словосочетание «летняя школа» напоминает о свободном режиме работы, академической строгости и неформальном общении мэтров и молодых ученых. Впервые летняя школа по иудаике прошла в подмосковном Менделеево в 1998 г., а спустя два года именно харьковчане смогли организовать и провести первую такую школу в Украине. Преподавать на ней согласились ведущие специалисты в различных областях еврейских исследований: Михаил Вайскопф, Зоя Копельман, Леонид Мацих, Виктория Мочалова, Зеэв Ханнин, Велвл Чернин, Зеэв Элькин. Так родилась традиция харьковских летних школ, ежегодно собиравших слушателей на протяжении семи лет. Их «изюминкой» был михеевский археологический практикум. Знакомство

его участников с историографией и источниковедением Хазарского каганата, начавшись в аудитории, продолжалось непосредственно на раскопе. В экспедициях Михеева проходили посвящение в археологи и студенты университета, и слушатели летних школ из России, Беларуси, стран Балтии и Центральной Азии.

Харьковская школа отчетливо выделялась среди других своим украинским радушием и особенным воздухом свободы.

С 2002 г. университет выпускал свое периодическое издание — «Хазарский Альманах»⁵⁴, в котором печатались статьи по истории Восточной Европы, Крыма, Кавказа, Закавказья и других областей, где отмечено хазарское наследие, публиковались источники и историографические разработки. Альманах завоевал авторитет в научном сообществе, и сегодня, когда нет в живых ни первого главного редактора Владимира Михеева, ни его преемника Александра Тортики, он

В. К. Михеев со студентами на раскопе. Харьковская летняя школа, 2004 г.

ХАРЬКОВСКАЯ ШКОЛА ОТЧЕТЛИВО ВЫДЕЛЯЛАСЬ СРЕДИ ДРУГИХ СВОИМ УКРАИНСКИМ РАДУШИЕМ И ОСОБЕННЫМ ВОЗДУХОМ СВОБОДЫ.

⁵⁴ Хазарский Альманах. Киев-Харьков-Москва, 2002-2022. Т. 1-18.

Преподаватели харьковской летней школы.
Пансионат «Росинка», 2002 г.

продолжает выходить в свет стараниями редколлегии, а его очередного тома ждут читатели в разных странах.

В уставе университета не декларировался его еврейский характер, но занятия еврейской историей и литературой, интеграция в общинную жизнь, связи с университетами Израиля делали Международный Соломонов университет единственным в своем роде. Вкладом университета в еврейское краеведение стала подготовленная преподавателями и студентами карта-путеводитель «Еврейские адреса Харькова»⁵⁵. Сегодня украинская гебраистика развивается в Киево-Могилянской академии, где действует специальная программа для магистров, в Украинском католическом университете и в Острожской академии. Но в конце 90-х – начале 2000-х гг. соломоновцы были первопроходцами.

Владимира Михеева не стало в декабре 2008 г., Бориса Элькина — в январе 2011-го. Трудные времена ожидали не только коллектив филиала: страна находилась на очередном витке экономического и политического

---

⁵⁵ Еврейские адреса Харькова. Иллюстрированная карта-схема и документальный фильм. Харьков: Междунар. Соломонов ун-т, Вост.-укр. филиал, 2010.

Зимняя школа по иудаике. Слева направо: В. Бондарь, Д. Михайлова, Л. Мацих, К. Нудельман. Харьков, 2003 г.

кризиса. В 2014 г. состоялся последний выпуск, и Восточно-украинский филиал закрылся. История киевского отделения закончилась немного позже. В короткой истории филиала, как в хорошей новелле, были завязка и быстрое развитие действия, блестящий взлет и неожиданные повороты. Помимо специальной подготовки, практики в школах, банках, аудиторских фирмах и компаниях-разработчиках программного обеспечения студенты знакомились с иудаикой в разных ее аспектах. Стратегия университета строилась на том, чтобы показать воспитанникам широкий спектр возможностей и дать им уверенность в своих силах. Так что пример «Соломоновки» (как в шутку называли университет друзья и попечители) вполне может пригодиться не только теоретикам, но и практикам еврейского образования.

БэС часто повторял: «"Титаник" строили профессионалы, а Ноев ковчег — любители. Дерзайте!» Университет действительно был «Ноевым ковчегом» для тех, кого он приютил, и запомнился как смелый порыв руководителя и его команды в неизведанное. В конце концов, не каждому удастся создать свой университет и не каждому выпадает жребий стать его летописцем.

«Так рассудил царь Соломон...»

Соломонов цикл древнерусских повестей основан на библейских текстах, но по сравнению с Библией содержит новые сведения о царе Соломоне. Повести воплощают популярные международные сюжеты, зафиксированные и в других европейских средневековых литературах. Эти повести свидетельствуют о том интересе, который проявляли книжники повсеместно в христианском мире и на Руси к увлекательным и необычным рассказам. Из книжности рассказы о библейском царе перешли в устную традицию: их сюжеты отмечены в духовных стихах и сказках; образы Соломона и Китовраса вдохновляли иконописцев и резчиков. Существуют изображения Китовраса XII–XIV вв., что позволяет предположить раннее знакомство с сюжетами. Вместе с тем, пик популярности цикла приходится на XV в.: этим временем датируется наибольшее число его списков.

Памятник, в составе которого дошли до нас повести Соломонова цикла, получил название *Хронографической Палеи* (палея́, обычно называемая Толковой, — это особый жанр библейского пересказа и толкования). Хронографическая Палея соединяет черты памятников двух типов — палей и хронографов, т.е. изложений всемирной истории. Повести встречаются и в энциклопедических сборниках, которые предназначались для келейного чтения монахов-книжников и появились не ранее XV в. В течение примерно полутора веков Соломонов цикл активно обращался в книжной среде, а текст повестей видоизменялся.

В настоящее время принято считать, что Соломонов цикл обязан своим происхождением ученой среде древнейшей, доашкеназской еврейской общины Восточной Европы, связанной с вавилонской законоучительной школой. Практически все источники повестей уходят корнями в вавилонскую Агаду, в трактаты Талмуда и мидраши, на Руси же был осуществлен целенаправленный подбор, перевод и единообразное оформление текстов.

В более или менее полном составе цикл известен в следующих списках раннего периода:

- 1) старейший — Палея из собрания Е. В. Барсова (Государственный исторический музей, Москва) № 619, начала XV в.;
- 2) очень близкая к предыдущей Палея из собрания М. П. Погодина (Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург) № 1435 (*Повесть о Китоврасе* в ней вырезана);
- 3) Палея с прибавлением статей из естествознания, собрание Троице-Сергиевой лавры (Российская государственная библиотека, Москва) № 729, XV в.;
- 4) Палея 1477 г. из собрания Московской Синодальной библиотеки (ГИМ) № 210 (по этой рукописи Н. С. Тихонравовым изданы повести о Китоврасе и двуглавом человеке);
- 5) Палея 1494 г. из собрания Румянцевского музея (РГБ) № 453 (по этой рукописи А. Н. Пыпиным издана часть повестей цикла);
- 6) Палея 1517 г. из собрания В. М. Ундольского (РГБ) № 719 (по составу и оформлению схожа с предыдущей,);
- 7) Креховская Палея XVI вв. (из собрания Креховского монастыря на Львовщине, повести о Соломоне по этой рукописи изданы И. Я. Франко);
- 8) Палея XVI в. из собрания А. С. Уварова (ГИМ) № 1304, содержащая *Суды Соломона*.

На протяжении более чем столетней истории изучения древнерусских повестей о Соломоне неоднократно ставился вопрос об их источниках, греческих или еврейских. Первые так и не были обнаружены, зато почти все древнерусские повести Соломонова цикла можно соотнести с произведениями средневековой еврейской литературы.

Согласно Е. Г. Водолазкину, апокрифы Соломонова цикла попали в Барсовский список как в «черновик» Хронографической Палеи на этапе ее создания и вошли в текст всех последующих списков памятника. Соломонов цикл появляется на стыке повествования Толковой и Хронографической Палей, а царство Соломона, изложенное в Хронографической Палее как единство библейского и апокрифического материала, имеет скорее не толковательный, а назидательный смысл.

На протяжении более чем столетней истории изучения древнерусских повестей о Соломоне неоднократно ставился вопрос об их источниках, греческих или еврейских. Первые так и не были обнаружены, зато почти все древнерусские повести Соломонова цикла можно соотнести с произведениями средневековой еврейской литературы.

Созданные в этот период произведения, прежде всего *Талмуд и мидраши*, переписывались и распространялись и в последующие столетия, не только на Востоке, но и в Европе. До сих пор неизвестен источник, в котором все агадические сказания о царе Соломоне были бы собраны воедино. В раннее средневековье они переписывались в составе комментаторских и галахических трудов и предназначались для изучения и обсуждения образованными людьми. В позднее средневековье тек-

сты могли распространяться в упрощенных компиляциях для любознательных, но неискушенных в книжной премудрости читателей.

Источники повестей Соломонова цикла рассыпаны в море раввинистической книжности⁵⁶. В их поиске нам пришлось обратиться, прежде всего, к Вавилонскому Талмуду. Среди трактатов Талмуда источники и параллели исследуемых повестей находятся в трактатах «Гиттин», «Сота», «Псахим», «Брахот», «Бехорот», «Менахот», «Бава Батра». За исключением последнего случая, талмудические трактаты содержат не полные тексты источников, а лишь мотивы и эпизоды.

Помимо Талмуда, мы обратились к мидрашам, создававшимся на протяжении раннего средневековья. В данном случае мы, в основном, имеем дело с агадическими мидрашами мудрецов Палестины V–VIII вв., а также с западноевропейскими сборниками мидрашей XIII–XVI вв. — вторичными антологиями, воспроизводившими более ранние произведения. Отдельные памятники — это *Мидраш Раба* (комментарий на Пятикнижие), *Мидраш Мишлей* (мидраш на *Книгу Притчей Соломоновых*), *Мидраш Теиллим* (мидраш на *Книгу Псалмов*), *Мидраш асерет а-диброт* (специальный мидраш, толкующий отрывок *Книги Исход* 20:1-17 — десять заповедей), *Мидраш Танхума*.

Среди сборников мидрашей назовем *Оцар а-мидрашим* («Сокровищница мидрашей»), сборник VIII в., содержащий множество малых мидрашей, в том числе *Маасе бе-Шломо а-мелех* и *Аль Итгалель*; *Ялкут Шимони*, сборник XIII в., *Бейт а-мидраш*, в котором выделяется группа историй о Соломоне *Машалим шель*

⁵⁶ В свое время, при подготовке магистерской диссертации, моими «люцманами» в странствиях по этому морю выступили У. Гершович, Р. Кипервассер, М. Шнейдер (7"т). Сегодня я вновь с благодарностью вспоминаю своих наставников.

Шломо а-мелех. Здесь находятся несколько источников *Судов Соломона*. Также необходимо упомянуть источники, давшие некоторые дополнительные сведения: *Таргум шени* (перевод *Книги Есфирь* на арамейский язык); *Психта де-рав Кахана* (толкования на Пятикнижие р. Каханы); *Зоар*; записки Вениамина из Туделы; *Майсе Бух* (антология переложений и реминисценций Священного Писания, мидрашей, народных рассказов в переводе на идиш). В английском издании этой антологии, подготовленном М. Гастером⁵⁷, находим параллели к Соломонову циклу: «Соломон и Асмодей», «Женщина и ее незаконнорожденные сыновья», «Верная жена», «Купец, зарывший свои деньги».

В состав *Судов Соломона* входят четыре небольшие новеллы, объединенные общим персонажем — царем Соломоном, выступающим в роли третейского судьи («О наследстве 3-х братьев», «О трех путниках», «О слуге и сыне») либо искусителя-провидца («О смысле женском»). Еврейские параллели *Судов Соломона* представлены текстами разных жанров и эпох, среди них трактаты Талмуда, аморайские и поздние средневековые мидраши. Русский книжник, очевидно, специально подбирал их в поисках простой и занимательной сюжетной формы для выражения назидательных истин и наставления читателя. Возможно, такой поиск велся не без участия еврейских книжников, поскольку для этого требовалась эрудиция в специфической области раввинистических текстов, которой мало кто обладал за пределами круга законоучителей-талмудистов.

---

⁵⁷ Gaster M. Maaseh Book. Book of Jewish Tales and Legends translated from Judeo-German. Philadelphia, 1934. Vol. 1.

Те особенности, которые типологически отличают древнерусские *Суды Соломона* и объединяют их, подчинены задаче усиления назидательности и в то же время занимательности:

- замена имен (напр., р. Бная — Соломон) или присвоение имени безымянному персонажу (Декир в повести «О смысле женском»);
- сокращение текста и его русификация за счет введения знакомых реалий;
- практически полная нивелировка еврейской специфики;
- сходство языка и стиля всех повестей.

Суд, который обычно находится первым среди других рассказов о Судах — о наследстве трех братьев. Ввиду его небольшого объема, приведем соответствующий древнерусский текст (слева, с упрощением орфографии) и перевод еврейского (справа):

Въ дни соломона быс(ть) мужь имея (з) сыны. умирая же мужь онъ. призва к собе с(ы)ны своя и рече имъ. имею кровь в земли. томъ месте река. (з) спуды стояща // другъ на друзе горе. а по см(е)рти моеи возми стареиши верхнее. а середнии среднее. а исподнее меншии. по умертвии же о(т)ца ихъ. о(т) крыша с(ы)н(о)ве его кровь онъ предъ людьми. и быс(ть) верхнее полно злата. а среднее полно костии. а исподнее полно персти. быс(ть) же бои и сваръ въ братьи онои рекуще ты ли еси с(ы) нъ оже возмеш злато. а ве не с(ы)на. и идоша на прю къ солomonу. и расуди я солomonъ. иже что златомъ то стареишему. а иже что скотомъ и челядью. то среднему. по разуму костии. а иже что виногради и нивами и житомъ. то меншему. и рече имъ. о(те)ць вашъ былъ мужь мудръ. и раздели вы зажива.

Некий человек сказал своим сыновьям: кадку с землей — одному сыну моему, кадку с костями — другому, а кадку с хлопком — третьему. И не поняли они, что сказал он. Пошли они к р. Бнае. Спросил их: есть у вас земли? Сказали ему: есть. — Есть у вас домашний скот? — Есть. — Есть у вас стегаемые одеяла? — Есть. Если так, об этом он вам и говорил.

Между текстами можно заметить следующие отличия: в еврейском судей является р. Бная, в древнерусском — Соломон; при совпадении двух составляющих клада третье отличается: хлопок — в трактате Талмуда, золото — в Палее; древнерусский текст осложнен мотивом ссоры братьев, служащим кульминацией действия, и вообще текст обширнее, в нем присутствует эксплицитно выраженная дидактика («о(те)ць вашь былъ мужь мудръ. и раздели вы зажива»).

В новелле «О трех путниках» мы встречаемся, во-первых, с распространенным сюжетом разоблачения истинного вора, во-вторых, с «матрешечной» композицией: внутри помещена вставная новелла, для которой история о трех путниках служит обрамлением и одновременно параллелью. Три путника, о которых сказано, что они «мужи еврейские», остановились в пустыне справить субботу и, согласно субботним законам, запрещающим в этот день держать в руках деньги, решили спрятать свои сбережения. Ночью один из них перепрятал деньги, а наутро остальные обнаружили пропажу. Будучи не в силах отгадать загадку исчезновения денег, путники отправились на суд к царю. Соломон ответил им собственной историей о девушке, помолвленной с неким юношей, а потом выданной замуж за другого. Не желая нарушать клятву, она не захотела вступать с мужем в супружеские отношения, пока прежний жених не освободит ее от клятвы. Получив разрешение, молодожены по пути домой были схвачены разбойниками, атаман которых решил позабавиться с пленницей, но, услышав ее историю, отпустил с миром и вернул деньги.

По завершении рассказа Соломон задал троиm путникам вопрос, кто из героев оказался благороднее других. Все ответили по-разному, но тот, кто признал самым благородным разбойника, добавив, что деньги тот мог и не возвращать, был изобличен Соломоном как

Соломон задал троим путникам вопрос, кто из героев оказался благороднее других. Все ответили по-разному, но тот, кто признал самым благородным разбойника, добавив, что деньги тот мог и не возвращать, был изобличен Соломоном как вор.

вор. Источником этого Суда является *Мидраш Асерет а-диброт* («Мидраш на десять заповедей», X–XI вв.), опубликованный А. Еллинеком в 1-ом томе издания *Бейт а-мидраш*⁵⁸. История приурочена к обсуждению восьмой заповеди — не кради (Исх. 20:15). Сюжет повести о трех путниках оказался настолько востребован древнерусской литературой, что спустя долгое время с его рефлексом мы встречаемся в сатирической *Повести о Шемякином суде* XVII в.

Похожим образом развивается сюжет в повести *О слуге и сыне*. Участники тяжбы здесь — законный сын богатого купца из Вавилона и его работник, выдающий себя за сына. Последний еще до рождения законного наследника был отправлен хозяином в Иерусалим и прижился там, превратившись со временем в одного из приближенных («бояр») Соломона. Спустя некоторое время после смерти отца юноша отправляется на поиски слуги и находит его на обеде у Соломона. Взаимные обвинения звучат перед царем, который решает установить истину. Посланные в Вавилон слуги приносят кость из гроба отца, и Соломон применяет «тест крови»: проверяет, чья кровь может окрасить кость купца. Оказалось, что кровь настоящего сына. Так была установлена истина и справедливость. В этой повести мы сталкиваемся с мотивом проверки с помощью крови, имеющим древнее восточное происхождение; в частности, этот мотив фигурирует в еврейском фольклоре

⁵⁸ Jellinek A. Bet ha-Midrash. Jerusalem, 1938. Vol. 1.

в связи с доказательством царского происхождения⁵⁹. Источник содержится в небольшом цикле *Машалим шель Шломо а-мелех* («Притчи царя Соломона»)⁶⁰.

А. Н. Веселовский в свое время указал на еврейский источник суда *О смысле женском* (другое название — «Об испытании мужской и женской мысли»)⁶¹. Он включил в свою заметку средневековый мидраш, вошедший в собрание А. Еллинека, в переводе с немецкого языка. Вывод ученого таков: «Отношение этого (*т.е. еврейского — К.Б.*) рассказа к соответствующему русскому не оставляет никакого сомнения относительно источника последнего. В талмудическом рассказе (*т.е. мидраше — К.Б.*) муж не назван, в русском рассказе его имя Декир; в еврейском тексте меч оловянный, в тексте Тихонравова — *прутянъ*, в Палее 1494 г. — *пруденъ...*»⁶²

О смысле женском — одна из самых противоречивых повестей цикла. В ней Соломон выступает скорее как искуситель, знающий, чем закончится искушение, а герои повести — как несведущие люди, которых легко ввести в заблуждение. Стих из *Книги Екклесиаст* «Мужчину одного из тысячи я нашел, а женщины между всеми ими не нашел» (7:28) является лейтмотивом

«О СМЫСЛЕ ЖЕНСКОМ» — ОДНА ИЗ САМЫХ ПРОТИВОРЕЧИВЫХ ПОВЕСТЕЙ ЦИКЛА. В НЕЙ СОЛОМОН ВЫСТУПАЕТ СКОРЕЕ КАК ИСКУСИТЕЛЬ, ЗНАЮЩИЙ, ЧЕМ ЗАКОНЧИТСЯ ИСКУШЕНИЕ, А ГЕРОИ ПОВЕСТИ — КАК НЕСВЕДУЩИЕ ЛЮДИ, КОТОРЫХ ЛЕГКО ВВЕСТИ В ЗАБЛУЖДЕНИЕ.

⁵⁹ Kohut G.A. Blood test as proof of kinship in Jewish folklore. NY, 1903.

⁶⁰ Jellinek A. Bet ha-Midrash. Jerusalem, 1938. Vol. 4. P. 145-146.

⁶¹ Веселовский А.Н. Талмудический источник одной Соломоновской легенды в Русской Палее // Журнал Министерства народного просвещения. 1880. Ч. 208. С. 298-300.

⁶² Там же. С. 300.

повести. Царь предлагает поочередно мужу и жене, живущим в любви и согласии, богатство и знатность в обмен на убийство другого супруга. Муж, согласившись, после мучительных раздумий и сомнений отказывается, а жена соглашается без колебаний. Предвидя это, царь дал ей безопасный меч из мягкого металла. Убедившись в том, что был прав, Соломон произносит уже известный библейский стих. Мотив жестокого испытания, которое предпринимает мудрец в доказательство справедливости своих слов, знаком еврейской литературе: он связан с именем знаменитого *танная* р. Меира и его жены Брурии. Он захотел доказать ей, что все женщины легкомысленны, при том, что Брурия отличалась набожностью и великой ученостью. Играя чувствами близких людей, Меир, по сообщению Талмуда, добился лишь того, что Брурия покончила с собой (трактат *Авода Зара*, л. 18 б). А. Б. Ковельман соотносит этот сюжет с близким типом «милетской истории» из эллинистической литературы. Исследователь указывает, что «суть милетских историй — разоблачение моральных поз, показной нравственности, фарисейства. Милетская история — повествование софистическое по сути и эротическое по форме»⁶³. Литература мудрецов, иронически переосмысляя современную ей культуру поздней античности, разделяет с последней склонность превращать в литературную игру все, что попадает в поле зрения книжников. По-видимому, таким же образом устроен сюжет об испытании мужской и женской мысли в мидраше, а древнерусский текст пытается сохранить эту поэтику, уже лишенную конкретной основы и опоры на традицию. Еврейский текст этого суда, как и предыдущего, находится в средневековой компиляции *Машалим шель Шломо а-мелех*, изданной

⁶³ Ковельман А.Б. Милетская история о Брурье // Вестник Еврейского университета. М. – Иерусалим, 1999. № 1(19). С. 17.

А. Еллинеком⁶⁴. Любопытно, что из нескольких рассказов этой подборки только два оказались в переводе в составе Палеи.

После *Судов Соломона* находится история о гордом царе, повелевшем подданным называть себя Богом. Она озаглавлена *О царе Адариане* и рассказана от имени царя Соломона. Уже А. Н. Веселовскому было известно о существовании в еврейской литературе этого рассказа, однако источник был указан только А. Я. Борисовым — палестинский *Мидраш Танхума*⁶⁵.

Мидраш *Танхума Йеламдену* назван по имени р. Танхума бар Абба (IV в. н. э.). Прототип *Повести о царе Адариане* — история об Адрианосе — находится в разделе толкований на *Книгу Бытия* и приурочена к обсуждению стиха: «И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из Нас» (Быт. 3:22). В этом рассказе героя зовут Адрианос (это римский император II в. н. э. Адриан, оставивший в еврейском народе недобрую память репрессиями против Торы и мудрецов).

Соломон не является героем рассказа, он фигурирует лишь в зачине и больше не упоминается. Надо думать, так он реализует любимую народной культурой ипостась царя-судьи. Подобно тому, как в других повестях Соломонова цикла — будь то *О смысле женском*, *О двуглавом человеке* — царь является носителем и выразителем непреложной истины, так и здесь его имя создает должный морализирующий эффект. Библейская и постбиблейская амбивалентность образа Соломона проникает и в переводную повесть, в которой он фигурирует, вписывается в древнерусский контекст восприятия образа еврейского царя.

⁶⁴ Jellinek A. Bet ha-Midrash. Jerusalem, 1938. Vol. 4. P. 146-148.

⁶⁵ Борисов А.Я. К вопросу о восточных элементах в древнерусской литературе // Палестинский сборник. Л.: Наука, 1987. Вып. 29 (92а). С. 161.

В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ЕВРЕЙСКИЙ ТЕКСТ АДАПТИРОВАН И ПОСТАВЛЕН НА СЛУЖБУ ПОЛИТИЧЕСКИМ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИМ ИНТЕРЕСАМ ОПРЕДЕЛЕННОЙ ЧАСТИ ОБЩЕСТВА.

Текст повести выступает в еврейской литературе ироническим противопоставлением притчам о царе. Здесь развенчиваются пустые притязания языческого царя, высмеиваются его ничтожные помыслы и желания. В этой связи уместно вспомнить 1-ю главу апокрифического «Откровения Авраама»: реконструируя недошедший до нас еврейский текст памятника, А. Кулик находит в этой главе следы сатиры на официальный римский культ обожествленного императора⁶⁶.

В древнерусской литературе еврейский текст адаптирован и поставлен на службу политическим и идеологическим интересам определенной части общества. Книжники, делая царя рупором своих идей, включаются в конфликт, определявший духовный климат на Руси XV–XVI вв.: спор о превосходстве священства над царством и о пределах власти земного царя. Также не следует забывать о борьбе в литературе и публицистике, направленной против усиления политического могущества Москвы: Румянцевская Палея 1494 г., в которой читается *Повесть о царе Адариане*, создана в тогда еще самостоятельном Псковском княжестве. Помимо этого, текст снабжен приметами занимательности. В этом проявляется национальное своеобразие *Повести о царе Адариане*. Полагаем, что повесть непосредственно связана с еврейским текстом, вероятно, является русифицированным переводом, а отношения между источником и древнерусским памятником близки к тем, которые наблюдаются в *Повести о Китоврасе*.

---

⁶⁶ Kulik A. The Apocalypse of Abraham: towards the lost original. Jerusalem, 2000.

Повести о Китоврасе и двуглавом человеке

Повесть о Китоврасе является наибольшей по объему и хорошо изученной частью Соломонова цикла. Повесть, как правило, встречается в Хронографической Палее и находится в начале цикла, зачастую отделенная от краткого рассказа о Соломоне и строителях фараона каноническим текстом *Книги Царств*. Тема ее, которую можно обозначить как помощь демонического существа в сакральной постройке, связана с описанием строительства Иерусалимского Храма (3 Цар. 6-7). Сюжет *Повести о Китоврасе* состоит из нескольких смысловых блоков; в каждом из списков основной редакции сохраняется набор и последовательность компонентов:

- подготовка и захват Китовраса (с объяснением, зачем он понадобился царю);
- нрав Китовраса и его загадочное поведение;
- ожидание встречи с царем;
- 1-я беседа с Соломоном и рассказ о *шамире*;
- добыча *шамира*;
- объяснение загадочных действий Китовраса;
- 2-я беседа с царем и свержение Соломона с трона, его возвращение и страх перед своим антагонистом.

В повести действуют только два персонажа, названных по имени, — Китоврас и Соломон. Но если фигура Соломона была знакома древнерусскому читателю, Китоврас так и остается загадкой. Среди безымянных персонажей — боярин со своими помощниками, мудрецы и книжники Соломона.

В повести действуют только два персонажа, названных по имени, — Китоврас и Соломон. Но если фигура Соломона была знакома древнерусскому читателю, Китоврас так и остается загадкой.

Соответствующий палейному рассказу эпизод содер­жится в трактате *Гиттин* Вавилонского Талмуда на лл. 68 а-б. Агадическое повествование о Соломоне и Асмодее (*Ашмедае*) восходит, по крайней мере, к временам первого поколения мудрецов Вавилонии, именам Рава и Шмуэля (II–III вв. н. э.): их мнения приводятся в конце рассказа. В то же время оно отражает палестинскую традицию, ибо в завязке повествования приводятся слова палестинского законоучителя р. Йоханана о том, какие виды демонов ему известны.

Рассказ Талмуда приурочен к обсуждению мудрецами стиха из *Книги Екклесиаст* (Еккл. 2:8): «завел себе певцов и певиц и услады сынов человеческих, *шида* и *шидот*». Трудность обнаруживается в том, что последние слова стиха по-разному интерпретировались уже в эпоху создания Талмуда, на что указывает следующее обсуждение: «здесь (*т.е., в Вавилонии — К.Б.*) толковали «черти и чертовки», на западе (*т.е., в Земле Израиля — К.Б.*) говорят «повозка». Противоречия свойственны и современным переводам библейской книги: в Синодальном переводе читаем «*разные музыкальные орудия*», а в переводе, выполненном под редакцией Д. Йосифона, — «*роскошные колесницы*».

Если талмудическое повествование отталкивается от вавилонской традиции и связывает Соломона с «нечистой силой», способной помочь ему в постройке Храма, то древнерусская повесть полностью повторяет структуру и последовательность элементов талмудического рассказа, за исключением того, что в палейном сказании нет следов толкования Библии, служащего канвой агадического повествования. Впрочем, библей-

ские цитаты в речи Китовраса, заменившего Асмодея Талмуда, сохранены с большей или меньшей точностью. Царь нуждается в Китоврасе, чтобы не нарушить заповедь строительства храмового здания: оно должно быть построено из обработанных цельных камней, которых не касались металлические орудия: «ни молота, ни тесла, ни всякого другого железного орудия не было слышно в храме при строении его» (3 Цар. 6:7).

Это требование, кажущееся невыполнимым, является завязкой истории. Текст не объясняет, каким образом Китоврас может помочь, но Соломон отправляет за ним своего лучшего боярина. Применяв хитрость, боярин связывает уснувшего от вина Китовраса и запечатывает его магической печатью. По дороге в Иерусалим Китоврас несколько раз проявляет сострадание к людям, обходя хижину бедной вдовы и указывая путь слепому, а затем захмелевшему человеку. Во дворце он также проявляет осведомленность в делах царя и дает ему дельные советы по поводу еды и питья. Далее, в первом разговоре выясняется, что Китоврас может помочь царю выполнить заповедь: для этого нужен *шамир*. Дав указания по его добыче, Китоврас остается в Иерусалиме. После того как *шамир* доставлен, Храм может быть беспрепятственно построен; все время строительства Китоврас находился здесь же, ответив на вопросы царя и боярина о своих странных поступках по пути. Так завершается одна сюжетная линия. Вторая связана с испытанием (наказанием) Соломона: во время второй беседы с царем, уже после завершения строительства Храма, Соломон хочет испытать силу Китовраса и отдает ему кольцо. Тот проглатывает его и забрасывает царя «на край земли обетованной», где его отыскивают мудрецы и книжники. Страх перед Китоврасом сохранился у Соломона навсегда.

Важным структурным элементом повести являются персонажи. В древнерусском тексте о постройке Храма действуют царь Соломон, его помощник (без-

В ОБЕИХ ТРАДИЦИЯХ СОХРАНЯЕТСЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ГОРДЫНЕ ЦАРЯ И ПОСЛЕДОВАВШЕМ ЗА НЕЕ НАКАЗАНИИ, НО В ЕВРЕЙСКИХ ТЕКСТАХ ЭТА ИДЕЯ ДОМИНИРУЕТ, ТОГДА КАК В ПАЛЕЙНОЙ «ПОВЕСТИ О КИТОВРАСЕ» ОНА ОСТАЕТСЯ ВТОРОСТЕПЕННОЙ.

ымянный «боярин» палейного рассказа, который в Талмуде именуется *Бенаягу бен Йегояда*, или Ванея) и антагонист (Китоврас, соответствующий Асмодею Талмуда).

Соломон — это еврейский царь, персонаж священной истории и священных книг, но и народных рассказов. Соломон, в соответствии с еврейской традицией, воспринимался на Руси как архетип мудреца, как «первостроитель», воздвигший Храм — реальную, историческую, но и вечную обитель Бога, прообраз других храмовых сооружений; как «архетипический женолюбец»⁶⁷. Также в обеих традициях сохраняется представление о гордыне царя и последовавшем за нее наказании, но в еврейских текстах эта идея доминирует, тогда как в палейной *Повести о Китоврасе* она остается второстепенной.

Образ древнерусского Китовраса можно проанализировать по следующим параметрам: упоминание в текстах; происхождение образа и имени; функции; черты характера и поведения; внешний облик.

Китоврас представлен как письменными, так и иконографическими источниками, начиная с XIV в. В книжности он находится в тесной связи с Соломоном: как действующее лицо отмечен только в истории

⁶⁷ Петрухин В.Я. Владимир Святой и Соломон Премудрый. Грехи и добродетели в древнерусской традиции // Концепт греха в славянской и еврейской культурной традиции. М., 2000. С. 72-86; Чекин Л.С. К анализу упоминаний о евреях в древнерусской литературе XI-XII вв. // Славяноведение. 1994. № 3. С. 34-42.

о постройке Храма. Китоврас также изображен на Васильевских вратах Новгородского Софийского собора 1336 г. в виде крылатого получеловека-полуконя, с маленькой коронованной фигуркой в руках. Его имя мы узнаем из надписи на изображении⁶⁸.

Нуждается в объяснении вопрос о переименовании Соломонова антагониста. Имя *Ашмедай* исследователи возводят к персидским источникам («имена ангелов пришли из Вавилона», — говорится в одном из талмудических пассажей; следует предполагать подобное и об именах демонов). Так, в персидском классическом памятнике *Зендавеста* фигурирует демон *Аешма*, а *дэв (даэва)* — общее название беса в иранских языках и зороастрийской мифологии⁶⁹. О связи еврейских и иранских представлений о демонах свидетельствует, например, ассоциация четного с опасностью, а нечетного с положительной силой⁷⁰. Об Асмодее говорится: «он назначен над всем четным» («над всеми парами») (*Псахим*, л. 110 а). Австрийский ученый А. Каминка указывал на историческую параллель рассказа об Асмодее: у Геродота приводится эпизод персидской истории с заменой царя Камбиза самозванцем Смердисом, или Шмердаем, некромантом и колдуном. От имени «Шмердай» исследователь и производит имя талмудического демона⁷¹. В самом деле, в еврейском рассказе Асмодей

О СВЯЗИ ЕВРЕЙСКИХ И ИРАНСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ДЕМОНАХ СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ, НАПРИМЕР, АССОЦИАЦИЯ ЧЕТНОГО С ОПАСНОСТЬЮ, А НЕЧЕТНОГО С ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ СИЛОЙ.

⁶⁸ Чернецов А.В. Древнерусские изображения кентавра // Советская археология. 1975. № 2. С. 100-119.

⁶⁹ Мифологический словарь. М., 1990. С. 31.

⁷⁰ Гафни И. Евреи Вавилонии в талмудическую эпоху. М. — Иерусалим, 2003.

⁷¹ Kaminka A. The origin of the Ashmedai legend in the Babylonian Talmud // Jewish Quarterly Review. 1922-1923. Vol. XIII. P. 222.

АСМОДЕЙ ТАЛМУДИЧЕСКОГО РАССКАЗА — «ЦАРЬ ДЕМОНОВ». О ЕГО ОБЛИКЕ И ПРОИСХОЖДЕНИИ НИЧЕГО НЕ СООБЩАЕТСЯ. ОДНАКО ИЗ ДРУГИХ ИСТОЧНИКОВ СЛЕДУЕТ, ЧТО ОН ВРЕДИТ МОЛОДЫМ ПАРАМ И ОДИНОКИМ ДЕВУШКАМ.

становится самозванным Соломоном, а настоящий царь странствует в облике нищего. Итак, Асмодей — персидское заимствование в еврейской литературе (того же мнения придерживается и М. Ястров⁷²).

Асмодей талмудического рассказа — «царь демонов». О его облике и происхождении ничего не сообщается. Однако из других источников следует, что он вредит молодым парам и одиноким девушкам. Асмодей отнюдь не является противником Бога и даже занимается изучением *Торы* в земной и небесной академии (трактат *Гиттин*). Характерны для него зооморфные конечности (он не снимает чулки, будучи в облике Соломона) и непомерное сластолюбие (посещает всех жен из гарема Соломона и покушается на его мать Вирсавию).

Имя «Китоврас» как будто с очевидностью указывает на греческий прототип — кентавра (греч. κενταυρος), что было для А. Н. Веселовского сигналом греческого текста-посредника. Но греческое слово знакомо и мидрашам (кентавры упоминаются в мидраше *Берешит Раба*, в толковании стиха «У Сифа также родился сын, и он нарек ему имя Энош; тогда стали называть именем Господа» (Быт. 4:26): «до сих пор — по образу и подобию, с этих пор — *кентавры*»). В. Н. Топоров предполагал еврейское посредство в перенесении этого слова на славянскую почву. Он считал, что слово *Китоврасъ* заимствовано как мифологическое имя до перевода Соломонова цикла и занимает место Асмодеев еврейского оригинала подобно тому, как это происходит во всех

⁷² Jastrow M. A Dictionary of the Talmud Babli and Yerushalmi and the Midrashic Literature. NY, 1926.

литературах, знающих данный сюжет (Морольф, Мерлин и другие). А. Н. Веселовский писал: «Китоврас такое же демоническое существо, как и Асмодей, его ищут с той же целью, он попадает на ту же уловку, те же речи на пути и перед Соломоном, полные загадочной мудрости. Наконец, он так же мстит Соломону, завладев его перстнем»⁷³.

Функционально Китоврас отождествляется с Асмодеем — помощником и противником. Оба они знают секрет волшебного средства — *шамира*, их объединяет дар прорицания и ясновидения. Как Асмодей, так и Китоврас обладают невероятной силой (Асмодей забрасывает Соломона на «четыреста фарсангов», Китоврас — «на край земли обетованной»). Мотив наказания как орудия Божественной воли, столь явный в образе Асмодеев, почти не выражен в действиях Китовраса, а одно важное свойство Асмодеев Китоврасу совсем не передалось — враждебность браку и вредоносность для влюбленных и чистоты семейных отношений. Асмодей крылат (когда увидел Соломона, улетел; именно крылом забрасывает Соломона на далекое расстояние), у него птичьи ноги, как и у всех демонов по еврейским представлениям (ср. *Брахот*, л. 6 а: «если кто хочет увидеть демонов, следует взять пепел и посыпать вокруг кровати, и утром увидит следы петушиных лап»).

Мотив наказания как орудия Божественной воли, столь явный в образе Асмодеев, почти не выражен в действиях Китовраса, а одно важное свойство Асмодеев Китоврасу совсем не передалось — враждебность браку и вредоносность для влюбленных и чистоты семейных отношений.

⁷³ Веселовский А.Н. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. СПб., 1872. С. 217-218.

Облик Китовраса химеричен, и это роднит его с кентавром. Мы знаем об этом благодаря изображению в Софийском соборе Новгорода, а также одной из редакций *Повести о Китоврасе*, помещенной в сборнике Ефросина («Китоврасъ есть зверь борзъ. Стан человекъ, а ноги коровии»). В портрете его присутствуют и крылья. Точной копией средневекового Китовраса выступает перенесенный в XX в. одноименный литературный персонаж из мистерии А. М. Ремизова («конь-и-человек-и-птица», «с полуопущенными крыльями, подогнув ноги, окаменев, загадочно смотрел Китоврас»)⁷⁴.

Таким образом, Китоврас связан с кентавром и этимологически, и по ряду признаков. Функционально же и типологически он близок Асмодею. И Асмодей, восходящий к иранскому, и далее, индоиранскому персонажу, и Китоврас, реплика кентавра, имеющего аналог в древнеиндийской мифологии, имеют общие далекие корни. Затем пути кентавра и Асмодея разошлись, и в образе Китовраса на древнерусской почве их свойства вновь причудливо соединяются.

Можно говорить о последовательности и сцеплении мотивов в сказании Палеи и в трактате Талмуда. При этом появление всех деталей в еврейском тексте прочно мотивировано, в древнерусском же тексте некоторые не подкреплены логикой повествования. Так, не сообщается, зачем Соломону понадобился совет Китовраса, тогда как еврейское сказание содержит подробную экспозицию, мотивирующую потребность царя стремлением исполнить заповедь. Неясно также, за что Соломон наказан Китоврасом; в то же время наказание Соломона Асмодеем понятно в контексте падения царя из-за гордыни.

⁷⁴ Ремизов А.М. Сочинения. Кн. 2. Круг счастья. М., 1993.

АСМОДЕЙ И КИТОВРАС

Асмодей. Из кн.: Дж. Д. Сеймур «Истории о царе Соломоне». Лондон, 1924.

Асмодей и двуглавый человек. Из кн.: Дж. Д. Сеймур «Истории о царе Соломоне». Лондон, 1924.

Китоврас. Миниатюра из сб. книгописца Ефросина, XV в.

Китоврас. Рис. А. М. Ремизова из кн. «Круг счастья», 1948.

Итак, перед нами — близкие тексты, совпадающие в ряде подробностей, хотя некоторые моменты еврейского источника отсутствуют в древнерусском рассказе; в последнем нет каких-либо дополнений, которые нельзя объяснить исходя из прототипа.

Можно отметить, вслед за А. Я. Борисовым, что «русское переложение стремится сократить и упростить сюжет»⁷⁵, но эта тенденция не столь заметна в *Повести о Китоврасе*, как, например, в повести *О двуглавом человеке*. Древнерусский текст беллетристичен, и цели усиления занимательности подчинены его композиция и структура. Появление в нем непонятной и грозной силы, вредящей царю, выступает сюжетной основой, хорошо знакомой литературе.

К *Повести о Китоврасе* палейной редакции примыкает *Повесть о двуглавом подземном человеке*. Китоврас эпизодически появляется и в ней: именно он доставляет Соломону диковинного человека. Эта повесть не имеет библейской основы и целиком восходит к средневековой книжности. Ее тема — столкновение с необычным в повседневности и принятие решения в необычной ситуации. Сюжет состоит из двух частей. В первой двуглавого человека приводят к Соломону, и царь беседует с ним, выясняя, что в подземной стране, откуда тот родом, все происходит, как на земле, только в зеркальном отраже-

«ПОВЕСТЬ О ДВУГЛАВОМ ПОДЗЕМНОМ ЧЕЛОВЕКЕ» НЕ ИМЕЕТ БИБЛЕЙСКОЙ ОСНОВЫ И ЦЕЛИКОМ ВОСХОДИТ К СРЕДНЕВЕКОВОЙ КНИЖНОСТИ. ЕЕ ТЕМА — СТОЛКНОВЕНИЕ С НЕОБЫЧНЫМ В ПОВСЕДНЕВНОСТИ И ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЯ В НЕОБЫЧНОЙ СИТУАЦИИ.

⁷⁵ Борисов А.Я. К вопросу о восточных элементах в древнерусской литературе // Палестинский сборник. Л.: Наука, 1987. Вып. 29 (92а). С. 165.

нии. Во второй части сыновья этого человека — двуглавый и с одной головой — спорят о наследстве: двуглавый претендует на две доли. Их спор решает Соломон путем хитроумного испытания и присуждает каждому равную долю наследства. Этой второй частью *Повесть о двуглавом человеке* близка к *Судам Соломона*.

В данном случае мы имеем дело с произведением, которое уже привлекало внимание исследователей. А. Я. Борисов обнаружил и опубликовал в переводе источник повести. Это раннесредневековый мидраш, приуроченный к обсуждению галахической проблемы из талмудического трактата *Менахот*, л. 37 б: на какую из двух голов следует надевать *тфилин*⁷⁶ двуглавному человеку. Некто Племон спросил р. Иегуду Анаси, что делать человеку с двумя головами: на какую из них он должен возлагать *тфилин*? Рабби был сильно разгневан очевидно нелепым вопросом и приказал прогнать Племона. В этот момент вошла женщина, недавно родившая первенца с двумя головами, и захотела узнать, как ей заплатить выкуп священнику (в обычном или двойном размере)⁷⁷. У этого рассказа есть и византийская параллель: *Хроника Михаила Сирийского* отмечает, что в правление императора Гонория в Эммаусе, в Палестине, родился ребенок с двумя грудными клетками и двумя головами. Когда одна бодрствовала, другая спала, и наоборот; время от времени одна играла с другой. Спустя два года одна голова умерла, и через четыре дня умерла другая⁷⁸.

⁷⁶ *Тфилин, или филиактерии*, – молитвенные принадлежности: кожаные коробочки на ремешках, которые, согласно заповеди, повязывают на лоб и на руку во время молитвы.

⁷⁷ Заповедь «выкуп первенца» обязывает родителей ребенка-первенца заплатить за него священнику символическую плату, как бы освобождая его от обязанностей священства.

⁷⁸ Sperber D. *Magic and Folklore in Rabbinic Literature*, Bar-Ilan University Press, 1994. P. 14.

Текст мидраша опубликован немецким семитологом А. Еллинеком в 4-ом томе его многотомного собрания средневековой еврейской письменности *Бейт а-мидраш*⁷⁹. А. Я. Борисов отмечал, что рассказ из Палеи является свободным и значительно сокращенным пересказом мидраша, и предполагал, что искать в данном случае промежуточный греческий извод было бы излишним, особенно с учетом признаков еврейского происхождения и в других сказаниях о Соломоне из Палеи.

---

⁷⁹ Jellinek A. Bet ha-Midrash. Jerusalem, 1938. Vol. 4. P. 151-152.

Соломон и жены

Давно отмечено, что славянские апокрифы о Соломоне затрагивают несколько основных тем: «Соломон — мудрец и судья», «Соломон — строитель храма», «Соломон и жены». С точки зрения их литературной истории, сказания о Соломоне предстают, с одной стороны, как ветхозаветные апокрифы (например, в Хронографической Палее), имеющие источники в еврейской талмудической литературе, с другой — как рукописные повести, рассказывающие об увозе Соломоновой жены. Первые повествуют о строительстве Храма, в котором Соломону помогает химерический крылатый демон Китоврас (в Талмуде и мидрашах — Асмодей), и являются текстуально близкими к агадическому первоисточнику и его позднейшим интерпретациям. Соломон, выступающий как мудрый судья, и Соломон, умножающий число жен, — эта оппозиция двух ипостасей фигуры царя задана уже еврейской литературой («Деяния царя Соломона», «Да не возвысится...» и другие мидраши). Сюжет о Соломоне и женах фигурирует не только в повестях об увозе, интерес к нему виден в некоторых эпизодах Соломоновых сказаний из Палеи: вставке из библейских *Притч* с толкованиями, рассказе о женитьбе царя на «дщери фараоновой», повествовании о посещении царицы Савской — «царицы южской Малкатошки».

С рассматриваемой группой повестей можно связать и *Повесть об увозе Соломоновой жены*⁸⁰. В строгом смысле слова она не относится к Соломонову циклу,

---

⁸⁰ Ярошенко-Титова Л.В. «Повесть об увозе Соломоновой жены» в русской рукописной традиции XVII–XVIII вв.// ТОДРЛ. 1974. Т. 29. С. 257-273.

всегда переписывается отдельно, имеет, возможно, более позднее происхождение и представлена списками не древнее XVII в. Но объединяет эту повесть с циклом повестей о библейском царе наличие образов Соломона и Китовраса, а также мотив жены Соломона. Повесть является примером адаптации книжного сюжета в народной культуре, усвоения древнерусской книжностью инокультурного материала.

Нас интересует *Повесть об увозе Соломоновой жены* в одной из ее редакций — «Китоврасовской» (еще А. Н. Веселовский назвал редакции повести по именам похитителей жены царя: Китовраса, царя Пора или Кипрского царя, и тем самым классифицировал их).

Наиболее частое в рукописях название «Китоврасовской» повести — *Притча царя Соломона о царе Китоврасе*. Применение к литературному тексту методов изучения сказки продуктивно как в силу высокой семиотичности фольклора вообще и волшебной сказки в частности, так и потому, что сказка дает «простейшие», «наиболее традиционные коллизии», предоставляет «традиционную канву народно-сказочной композиции» (Н. Н. Петрунина) художественному тексту любой сложности. Изучение роли сказки в формировании повествовательных жанров (повести, романа) позволяет выдвигать в этом направлении различные гипотезы (например, исследование традиций волшебносказочного повествования в поэтике пушкинской «Пиковой дамы») ⁸¹.

Следует помнить о том, что *Повесть об увозе...* — не сказка, а рукописная повесть. В ее структуре представлены далеко не все признаки классической волшебной сказки, и можно также встретить черты сказки бытовой или новеллистической. Кроме того, представлены черты собственно литературные, и ясно, что повесть

---

⁸¹ Петрунина Н.Н. Пушкин и традиция волшебносказочного повествования (к поэтике «Пиковой дамы») // Русская литература. 1980. № 3. С. 30-50. См. об этом в разделе «В поисках “чуда”».

Главный герой — Соломон — может интерпретироваться как герой-искатель, главный положительный персонаж волшебной сказки. В то же время понятно, что Китоврас — герой ложный, антагонист, причиняющий ущерб.

неоднократно переписывалась (судя по количеству существующих сегодня списков). Сказки же не записывались, и собирать их стали достаточно поздно. Тем не менее, принимая во внимание все оговорки, попытаемся описать некоторые из сказочных признаков, присущих нашему тексту.

Для анализа использованы два списка повести: один опубликован А. Н. Пыпиным в «Памятниках старинной русской литературы» по рукописи XVII в. из собрания РНБ, другой — А. И. Яцимирским (рукопись XVIII в., собрание ГИМ). Для сравнения привлекается украинская сказка в записи второй половины XIX в. из сборника, изданного М. Драгомановым.

Главный герой — Соломон — может интерпретироваться как герой-искатель, главный положительный персонаж волшебной сказки, который сразу вступает в действие как истинный герой, минуя предварительное испытание, или выяснение способности к подвигу и соответствия этическим нормам сказки (ореол образа любимого сказочного героя соединяется с авторитетом библейского «архетипического мудреца»). Интересно отметить, что ранее Соломон уже сравнивался со сказочным персонажем — царем Салтаном⁸².

В то же время понятно, что Китоврас — герой ложный, антагонист, причиняющий ущерб. Отрицательная роль этого персонажа неслучайна. Она обусловле-

⁸² Hamm J. Zar Saltan und Salomo // Slavica Hierosolymitana. 1985. Vol. VII. P. 37-43.

на книжной предысторией образа (амбивалентность апокрифического, палейного Китовраса; прямая вредоносность его талмудического прототипа — Асмодея, направленная против брака). И в «Повести об увозе...» Китоврас покушается именно на брак царя. Позиция антагониста, принципиально неустраняемая, может замещаться («неверный царевич» в сказке из сборника М. Драгоманова). У ложного героя есть помощник — Волхв, который и совершает похищение, причем оно не рассматривается в качестве наказания Соломона, а мотивируется только своеволием и вредоносностью Китовраса, ибо положительный герой повести этически безупречен.

Функция дарителя отсутствует; волшебным средством — рожком, избавляющим его от гибели, Соломон владеет изначально и по праву (может быть, в силу исключительной мудрости или всеведения).

Изображение в противопоставлении двух царств — «нашего», «некоторого» и «иного», «тридесятого», определяющее дуалистичность сказочной модели мира, четко реализуется в нашем тексте; признак «инаковости» Китоврасова царства — оборотничество царя Китовраса: «такое же бе царь Китоврасъ: во дни царь, а в ноци зверь».

В сказочном зачине определяется место действия. В данном случае это города (и царства) Соломона и Китовраса — Иерусалим и Лукорье (варианты: Лукопер, Лукорд). Кажется, будто указание на конкретный locus противоречит сказочному канону с необходимым зачином «в некотором царстве, в некотором государстве». Но нет: Волхв прибывает в столицу Соломона на корабле, а значит, город расположен у моря и выступает как вымышленный, фантастический Иерусалим. Одновременно название столицы Китовраса ассоциируется с вполне сказочным по типу названием «Лукоморье» (этимологически — «излучина»).

Сказочное действие начинается с причинения ущерба, беды, осознания некоторой недостачи. Наиболее частая форма выражения несчастья, по В. Я. Проппу, — похищение. Тексту повести этот мотив хорошо знаком; отметим, что в сказке из сборника М. Драгоманова «царица» сама «сговорила убежать» с «неверным царевичем», то есть «похищение» происходит с согласия похищенной. Далее следует выход героя на поиски, мотив «узнавания» героя, прибывшего в стан врага инкогнито, по кольцу, испытание (Китоврас готовит казнь Соломона), финальный бой, поединок с «антагонистом» (армия Соломона против Китовраса). Отмечаются характерные реплики, сцены ретардации (расспросы жены Соломона и Китовраса о цели посещения Соломона), мотив «утроения» (три просьбы Соломона перед готовившейся и несостоявшейся его казнью).

Развязка не соответствует сказочной: недостаток не восполняется, герой не спасает свой брак, но его поруганная честь и добродетель торжествуют. При склонности сказки к морализаторству, такая модификация развязки, тем не менее, наводит на мысль о влиянии христианской дидактики (наказание «злой жены») и, более того, о расплывчатости жанровых признаков рассматриваемого произведения: волшебная сказка выступает здесь как ипостась бытовой, и назидательный облик произведения несколько более отчетлив, чем это обычно присуще сказке. Возможно, мы имеем дело с контаминацией дидактической повести и сказки. Соломону не нужно «полцарства в придачу»; он остается могучим царем, и в своем триумфе «славит Бога и Святыю Троицу», что особенно важно: образ Соломона абсорбирован народной культурой, он для читателя «наш», свидетельством чего выступают его качества образцового христианина.

Как уже отмечалось, *Повесть об увозе...* лишь сравнивается со сказкой; ее структура проверяется на принадлежность народной культуре по сказочной модели. Ее основа — литературная, хорошо известная по другим составляющим Соломонова цикла. И вполне фольклорный облик повести — это наслоения на каркасе инокультурного книжного сюжета.

Путь, пройденный сюжетом «Соломон и жены», причудлив — от функционирования в еврейской литературе через христианскую книжность к бытованию в русской народной культуре в форме «народной книги». Средством превращения «чужого» в «свое», как представляется, выступает поэтика сказки.

ПУТИ
БЕЛЛЕТРИСТИКИ

Уроки Фризмана

На Пушкинской улице в Харькове нередко можно было встретить невысокого энергичного человека, бодро идущего куда-то с сумкой через плечо. Лицо его почти всегда бывало задумчиво, взгляд за толстыми стеклами очков на чем-то сосредоточен, голову покрывал профессорский берет. Это Леонид Генрихович Фризмман, известный литературовед, специалист по русской поэзии XIX–XX вв., совершал свой привычный маршрут, возвращаясь из бассейна или направляясь в библиотеку. Вся его жизнь прошла в родном городе, хотя его имя знакомо коллегам далеко за пределами Украины и стран бывшего Союза. Более полувека он продуктивно работал в науке, создал собственную школу и выпустил несколько десятков кандидатов и докторов наук. Будучи одним из самых поздних учеников Леонида Генриховича, я имел возможность тесно общаться и сотрудничать с учителем последние десять лет, и теперь мне хотелось бы отметить некоторые, наиболее важные на мой взгляд, уроки его деятельной жизни.

Первым и главным уроком является сама его незаурядная биография. Родившийся в сентябре 1935 г. в семье университетского историка-медиевиста Генриха Фризммана и хормейстера из консерватории Доры Гершман, он был харьковчанином в третьем поколении: еще до революции его дед был известен как один из лучших в городе врачей. Семейные традиции рано сформировали в будущем ученом широкий кругозор и вкус к поиску, но биография его была непростой, а путь к призванию — долгим. Испытав лишения военного детства и тяготы послевоенного быта, он получил хорошую закалку. Опасения начала 50-х гг. еще больше отточили его волю и ум.

ЛЕОНИД ТВЕРДО ЗНАЛ, ЧТО В АСПИРАНТУРУ ЕГО НЕ ПРИМУТ. ЕДИНСТВЕННОЙ ВОЗМОЖНОСТЬЮ ТРУДИТЬСЯ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ БЫЛА ШКОЛА РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ, КОТОРОЙ ОН ОТДАЛ ПОЧТИ ПОЛТОРА ДЕСЯТКА ЛЕТ. РАБОТУ В ШКОЛЕ ОН СОВМЕЩАЛ С НАУЧНЫМИ ПОИСКАМИ И В 1967 Г. ЗАЩИТИЛ КАНДИДАТСКУЮ ДИССЕРТАЦИЮ.

Решив заниматься наукой на студенческой скамье (свои первые шаги он делал в кругу харьковских литературоведов — М. О. Габель, И. Я. Каганова, М. В. Черныкова), Леонид твердо знал, что в аспирантуру его не примут. Единственной возможностью трудиться по специальности была школа рабочей молодежи, которой он отдал почти полтора десятка лет. Работу в школе он совмещал с научными поисками и в 1967 г. защитил кандидатскую диссертацию. Пройдя это испытание, он в полной мере осознал, что «главный род войск — это разведка», и это знание впоследствии пригодится ему не раз. Как человек со стратегическим мышлением, он был склонен к тактическим компромиссам. Лишь спустя годы он смог добиться почасовки на кафедре иностранных языков, а еще через несколько лет, представив докторскую, — места на кафедре русской литературы педагогического института. В тот год ему исполнилось сорок, и все главные достижения пришлось на вторую половину его жизни. Так было и у Д. С. Лихачева, с которым Л.Г. был близко знаком в 1960–1970-х гг. и который выступил в его поддержку перед кандидатской защитой.

Блистательная защита докторской «Русская элегия в эпоху романтизма» (тема родилась из бесед с Е. Г. Эткингом) в Москве, в МГУ, открыла самый плодотворный этап в деятельности ученого. В 1980 г. он стал профессором, и на кафедре открыли аспирантуру. «Молодой темноволосый профессор со щегольскими легкомысленными усиками», иронично поглядывавший на

студентов, запомнился первокурснику Игорю Черному. Через много лет он, уже доктор наук, вспоминал: «Когда Фризман <...> взошел на кафедру, чтобы рассказать о себе и сфере своих научных интересов, мне показалось, что со мной заговорило само Время»⁸³. Одну за другой Л.Г. выпускал монографии, готовил к печати литературные памятники и поэтические сборники, руководил работами аспирантов и выступал оппонентом на защитах во всех уголках страны. Статьи его публиковались в ведущих специализированных журналах, а среди его корреспондентов были крупнейшие историки литературы — В. Э. Вацуро, М. Л. Гаспаров, А. Л. Гришунин, Б. Ф. Егоров, Ю. М. Лотман, Г. М. Фридлендер.

Постперестроечные перемены заставили харьковского литературоведа научиться работать в резко изменившихся условиях, но не привели ни к отказу от профессии, ни к снижению уровня разработки проблем. Но

Л. Г. Фризман.
Фото Г. И. Ганзбурга.
2018 г.

⁸³ Черный И.В. «Струн вещей пламенные звуки...» // Наука и жизнь. Харьков, 2010. С. 85.

они сказались на перспективах публикаций и географии научной деятельности. Постепенно возможность публиковаться стала исключительно платной, а места конференций и аспирантских защит все чаще оставались в пределах Украины. Экономические неурядицы и рыночные издержки были особенно болезненны для ученых. Но в нулевые и десятые годы Л.Г. трудился с прежней результативностью.

Будучи для Харькова резонансной фигурой, Фризман не мог не нажить завистников и недоброжелателей. Привыкнув принимать неприятные обстоятельства как неизбежное зло («подарков от судьбы я обычно не получаю»), он спокойно продолжал делать свое дело. Впрочем, друзей у Л.Г. тоже было немало, тому свидетельством — сборники статей, вышедшие к двум его юбилеям⁸⁴.

Из кого же состояла и как формировалась его школа? «Дымок сигареты, неспешный разговор о классиках, как о живых, о великих, как о близко знакомых. Правда, “разговоры” — это громко сказано. Под плеск воды в бассейне или под хруст огурчика на импровизированном застолье — это разве разговоры? А ведь именно так выстраивались концепции наших работ, пролагался “путь в науку”, — вспоминала Е. А. Андрущенко, профессор, бывший проректор педуниверситета. — Иногда мне кажется, что каждый из тех, кто вышел из его школы, реализовал какую-то сторону личности ее основателя. И в каждом — что-то неуловимое, про-

Будучи для Харькова резонансной фигурой, ФРИЗМАН НЕ МОГ НЕ НАЖИТЬ ЗАВИСТНИКОВ И НЕДОБРОЖЕЛАТЕЛЕЙ. ПРИВЫКНУВ ПРИНИМАТЬ НЕПРИЯТНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА КАК НЕИЗБЕЖНОЕ ЗЛО («ПОДАРКОВ ОТ СУДЬБЫ Я ОБЫЧНО НЕ ПОЛУЧАЮ»), ОН СПОКОЙНО ПРОДОЛЖАЛ ДЕЛАТЬ СВОЕ ДЕЛО.

⁸⁴ Наука и жизнь. Харьков, 2010; Сквозь литературу. Киев, 2015.

читывающееся в манере вести беседу, общаться со студентами, коллегами, одеваться, наконец. Этот щегольской кожаный пиджак и джинсы, когда вокруг только унылые серые костюмы!»⁸⁵

Еще одним уроком Фризмана можно считать его подходы и решения как текстолога, публикатора и комментатора.

«Я очень люблю закономерности, — отмечала Л. Я. Гинзбург (кстати, входившая в ленинградский круг общения Л. Г. наряду с И. Г. Ямпольским, С. А. Рейсером и другими), — понятие круговой поруки фактов для меня основное. Я охотно принимаю случайные радости, но требую логики от поразивших меня бедствий. И логика утешает, как доброе слово». Пожалуй, эти слова можно отнести и к Леониду Фризмону-текстологу. Начав свою деятельность с изучения почти забытого тогда Баратынского, Фризман издал книгу «Творческий путь Баратынского» еще до защиты кандидатской⁸⁶, а после получения степени продолжил заниматься текстологией поэта. Тогда же в Норвегии русским классиком заинтересовался крупный славист Гейр Хьетсо. Его диссертация, тоже посвященная Баратынскому, была защищена в 1969 г., а в 1973 г. вышла в свет монография⁸⁷. Переписка и сотрудничество двух исследователей продолжались много лет и стали заметным явлением в науке о литературе. Итогом двадцатилетних поисков Фризмана стали два непревзойденных издания в сериях «Литературные памятники»⁸⁸ и «Библиотека поэта»⁸⁹. Эти сборники полемичны по отношению к предшествующему — сборнику Баратынско-

---

⁸⁵ Андрущенко Е.А. Его школа // Наука и жизнь. С. 9.

⁸⁶ Фризман Л.Г. Творческий путь Баратынского. Москва, 1966.

⁸⁷ Хьетсо Г. Евгений Баратынский. Жизнь и творчество. Осло-Берген-Тромсё, 1973.

⁸⁸ Баратынский Е.А. Стихотворения. Поэмы. Москва: Наука, 1982. (*Литературные памятники*).

⁸⁹ Баратынский Е.А. Полное собрание стихотворений. СПб., 2000. (*Библиотека поэта*).

го в «Библиотеке поэта» 1957 г. Текстологическое кредо Фризмана сформулировано им в статье «Проблемы текстологии Баратынского»: «Никакие соображения, не опирающиеся на историю текста — субъективные, вкусовые <...> — не могут служить основанием для отвержения одной редакции и предпочтения другой»⁹⁰. И другая важная мысль: во всех элементах текста — заглавии, чтениях отдельных стихов — следует непротиворечиво придерживаться последней авторской воли.

Работая над изучением и подготовкой к печати стихотворений Баратынского, Фризман столкнулся с нерешенными проблемами истории «Дум» Рылеева и журнала Киреевского «Европеец». Рылеев и Бестужев входили в ближний круг общения Баратынского и на каком-то этапе были ему эстетически близки, а в журнале Киреевского он печатался. В результате появились два издания в «Литературных памятниках»: «К. Ф. Рылеев. Думы»⁹¹ и «Европеец. Журнал И. В. Киреевского»⁹². Последнее Фризман считал своей главной научной заслугой.

Следует вспомнить и о судьбе альманаха «Северные цветы». Было давно понятно, что альманах заслуживает современной научной публикации. Но как ее осуществить? Ведь всего вышло восемь выпусков, и каждый из них был вехой в истории русской литературы. Несколько лет филологи обсуждали концепцию издания, и когда было решено издать том на 1832 г., тот самый, который в память о Дельвиге взялся выпустить Пушкин, оказавшийся в первый и последний раз в роли издателя альманаха, Фризман решил эту задачу блестяще⁹³.

⁹⁰ Фризман Л.Г. Проблемы текстологии Баратынского // Баратынский Е.А. Стихотворения. Поэмы. С. 562.

⁹¹ Рылеев К.Ф. Думы. Москва: Наука, 1975. (*Литературные памятники*).

⁹² Европеец. Журнал И.В. Киреевского. 1832. Москва: Наука, 1989. (*Литературные памятники*).

⁹³ Северные цветы на 1832 г. Москва: Наука, 1980. (*Литературные памятники*).

Леонид Фризман был патриотом и демократом. Он вынес свои убеждения из родительского дома, рано поняв опасность социальных иллюзий. Начиная с 90-х гг. его личность обогатилась еще одной гранью — политического публициста.

Еще дважды довелось ему выпустить книги в прославленной серии, годы спустя. Это были «Борис Чичибабин в стихах и прозе»⁹⁴ и «Марфа, посадница Новгородская» Михаила Погодина⁹⁵. Именно Фризмону принадлежала идея издать в разделе «Дополнения» полностью и в отрывках все произведения, посвященные теме Марфы-посадницы, и такое решение стало открытием в этой книге. Как повторял он вслед за Лихачевым, «в каждой нашей книге должно быть пусть маленькое, но открытие». Открытия есть и в его последних работах: «Многообразие и своеобразие Юлия Кима»⁹⁶, «Такая судьба. Еврейская тема в русской литературе»⁹⁷, «Иван Франко: взгляд на литературу»⁹⁸.

Леонид Фризман был патриотом и демократом. Он вынес свои убеждения из родительского дома, рано поняв опасность социальных иллюзий. Начиная с 90-х гг. его личность обогатилась еще одной гранью — политического публициста, и с тех пор харьковские читатели, даже далекие от литературоведения, знали имя Л. Фризмана по газетным статьям, в которых он ополчался против глупости и бездарности чиновников

⁹⁴ Борис Чичибабин в стихах и прозе. Москва: Наука, 2013. (*Литературные памятники*).

⁹⁵ Погодин М. Марфа, посадница Новгородская. Москва: Наука, 2015. (*Литературные памятники*).

⁹⁶ Фризман Л.Г., Грачева И.В. Многообразие и своеобразие Юлия Кима. Киев, 2014.

⁹⁷ Фризман Л.Г. Такая судьба. Еврейская тема в русской литературе. Харьков, 2015.

⁹⁸ Фризман Л.Г. Иван Франко: взгляд на литературу. Киев, 2017.

от науки, против тех, кто принимал решения в языковой политике. Этих статей набралось столько, что автор выпустил их отдельным сборником под названием «Эти семь лет»⁹⁹.

В своем патриотизме Л.Г. был последователен и не раз признавался в любви к родному городу. В предисловии к книге «Остроумный Основьяненко» он посвятил Харьковому такие строки: «как и Квитка, я в Харькове родился и прожил всю жизнь. Всегда любил поездки, исколесил немало городов и стран, но никогда и никуда не помышлял переселиться. Самые душевные ощущения, на какие я способен, я испытывал, когда возвращался домой <...> Я не умею описать перемены, произошедшие в нашем городе, так искусно и вдохновенно, как описал Квитка перемены, произошедшие на его глазах, но пережитое мной самим помогает мне лучше понять его чувства, тот неподдельный восторг, который вызывал в его душе любимый город»¹⁰⁰.

Одним из главных качеств Л.Г. была его завидная работоспособность. Среди его любимых выражений — «я человек будней, праздников у меня нет». Даже на отдыхе, куда он традиционно отправлялся каждый август, Л.Г. работал за переносным компьютером. Его коллеги и ученики знали, что профессор каждый день трудится в отведенные для работы часы, и они вскоре обязательно прочтут заметку, статью или главу из будущей книги. Ежедневно из его рабочей комнаты уходили письма в разные концы света; ежедневно проходили телефонные беседы и личные встречи; наконец, ежедневно, без выходных, он прочитывал, просматривал, поглощал массу текстов. Вся эта информация активно использовалась, выливаясь во все новые и новые тексты.

---

⁹⁹ Фризмман Л.Г. Эти семь лет. Публицистические этюды. Харьков, 2000.

¹⁰⁰ Фризмман Л.Г. Остроумный Основьяненко. Харьков, 2019. С. 5.

«ПОДОБАЕТ ФИЛОЛОГУ УМИРАТЬ, РАБОТАЯ...»
И ЭТОТ УРОК ОН ПРЕПОДАЛ НАМ, УХОДЯ. ТЕПЕРЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ ЕГО ИНОБЫТИЕ — ПРОДОЛЖЕНИЕ ТОГО, ЧТО ОН УСПЕЛ СДЕЛАТЬ ПРИ ЖИЗНИ: КАК ГОВОРИЛИ ДРЕВНИЕ, НЕ ВСЕ КОНЧАЕТСЯ СО СМЕРТЬЮ.

Выйдя на пенсию, Л.Г. с удовольствием называл себя «свободным художником». Прощальным, незавершенным трудом стала книга о Науме Коржавине, над которой он с увлечением работал в последние месяцы. Сказав как-то, что «нужно умереть, имея планы на завтра», Л.Г. словно напророчил свою судьбу: 27 июня 2018 г., отвлекшись от рукописи, он скоропостижно скончался на пороге бассейна.

«Подобает филологу умирать, работая...» И этот урок он преподавал нам, уходя. Теперь продолжается его инобытие — продолжение того, что он успел сделать при жизни: как говорили древние, не все кончается со смертью.

В надписях на книгах Л.Г., хранящихся у меня, отразилась история и предыстория наших деловых отношений, постепенно переросших в дружбу. Самый ранний из инскриптов читается на томике «Е. А. Баратынский. Стихотворения. Поэмы», изданном в серии «Литературные памятники» и адресованном моей бабушке: *«Глубокоуважаемой Вере Марковне на добрую память и с наилучшими пожеланиями составителя. 2.3.83. Л. Фризман».*

В. М. Бондарь, товаровед художественной литературы Харьковского облкниготорга, во времена книжного дефицита помогала многим людям «доставать» книги, в частности, авторам — достаточное количество экземпляров из центральных издательств. Этой помощью,

начавшейся задолго до выхода Баратынского в свет, объясняется то внимание, которое оказал именитый ученый скромной труженице книжной отрасли. Надо сказать, что Л.Г. высоко ценил добрые услуги и, охотно делавший добро другим, никогда не забывал тех людей, что ему помогали или просто были к нему расположены. И это сыграло свою роль в начале наших контактов, становившихся с каждым годом все интенсивнее. После нескольких случайных и мало чем запомнившихся встреч в студенческие годы, всерьез мы познакомились летом 2006 г., когда я, отчаявшись найти научного руководителя диссертации, рискнул обратиться к Л.Г. В тот день, когда я впервые пришел к нему домой, он вручил мне книгу «Предварительные итоги» — сборник избранных статей, вышедший незадолго перед тем к его 70-летию. *«В день знакомства и с надеждой на будущее сотрудничество автор 10.09.06»*. Так «предварительные итоги» стали началом нового этапа моей жизни. Наш совместный проект быстро развивался; бюрократические препятствия, расставляемые чиновниками от науки перед соискателем, я с успехом преодолевал, и на одном из последних этапов, когда в ходе очередной встречи и длительной беседы (профессор любил называть такие разговоры «бросанием шариков») мы согласовали окончательное название диссертации, я получил книжку «Жизнь лирического жанра» с лаконичным автографом: *«Дорогому Косте в память о встрече 1 июля 2007 г. Л. Фризман»*. Нельзя не увидеть выразительной параллели: готовящемуся к защите кандидатской ученику попадает в руки монография научного руководителя, подготовленная им к защите докторской. А в памятный вечер защиты, выслушав единодушное решение совета, я попросил Л.Г. отметить это событие надписью на его «Семинарии по Пушкину». Он взял день на раздумья и вернул мне книгу со стихотворным посвящением:

*«На 11 декабря 2007 г.
День победы наступает,
Торжество несет нам он.
С нами вместе отмечает
Его мудрый Соломон!»*

Диссертация «Древнерусские повести Соломонова цикла: источники, текстология, проблематика, поэтика» стала одной из немногих в послужном списке Л.Г., связанных с древнерусской тематикой, и единственной в своем еврейско-славянском аспекте. Любивший учиться у других — верный признак выдающегося ума — он охотно наверстывал упущенное за годы замалчивания еврейской темы. Несколько лет спустя он решил в ней на самостоятельное плавание, завершившееся книгой «Такая судьба. Еврейская тема в русской литературе».

Хлопоты защиты остались позади. В 2008 г. я впервые задумался об издании Соломонова цикла повестей, бывших предметом моего изучения, но еще не определился с форматом и местом публикации. По совету Л.Г. я подал заявку в редколлегию «Литературных памятников», написав подробное письмо Б. Ф. Егорову. В дни обсуждения заявки мое стремление получило поощрение в виде «Европейца» Киреевского — любимой книги Фризмана в «Литпамятниках». Журнал, прекращенный изданием на 3-м номере в 1832 г., впервые в работе харьковского профессора был переиздан и прокомментирован. «Дорогому Косте с пожеланием успеха его замыслов от под-

Любивший учиться у других — верный признак выдающегося ума — он охотно наверстывал упущенное за годы замалчивания еврейской темы. Несколько лет спустя он решил в ней на самостоятельное плавание, завершившееся книгой «Такая судьба. Еврейская тема в русской литературе».

готовителя Л. Фризмана». И сейчас, раскрывая эту небольшую книжку, я жалею о несбывшемся намерении, хотя книга о Соломоновом цикле впоследствии вышла, а памятник мы подготовили вместе с Л.Г.

Тот послезащитный год, как теперь я понимаю, оглядываясь назад, был одним из счастливейших в моей жизни, когда все в ней, как в фокусе, сложилось: ощущение своих сил и возможностей, подтверждение правильности выбранного пути, вознаграждение за труды, наслаждение семейными радостями, предвкушение будущих свершений.

В том же году вышла в свет книга писем известных корреспондентов Фризмана к нему. Расположенные в порядке событий его извилистого пути, они отражают разочарования и победы, подчеркивают личные и профессиональные таланты коллег и друзей. Книга «Это было жизнь тому назад...» по-своему неповторима. «Кто», — спрашивал риторически Л.Г., — «может за просто достать из письменного стола письмо Твардовского, Лихачева, Лотмана?» Эти письма, отправленные корифеями литературы и литературоведения по разным поводам, впервые опубликованы в этой книге. Ее выход стал для меня неожиданностью, и тем приятнее было получить ее с инскриптом: *«Дорогому Косте Бондарю на добрую память с давней и неизменной душевной приязнью от автора. 27.09.09. Л. Фризман».*

А когда мы четыре года спустя подготовили к изданию «Марфу, посадницу Новгородскую», автографы появились сразу на двух книгах: первая, с которой Фризман начал свое сотрудничество с «Литературными памятниками», — «Думы» Рылеева. *«В память встречи 16.02.14 и неизменной дружбы Л. Фризмана».* Второй был принесенный мною томик «Северных цветов на 1832 г.», купленный у букиниста взамен утраченного экземпляра, подаренного составителем бабушке. И сегодня он хранится у меня таким: *«На добрую память — составитель Л. Фризман 16.02.14».*

Широкий диапазон интересов профессора Фризмана сказывался в том, с каким изяществом он брался за явления литературы разных эпох.

Широкий диапазон интересов профессора Фризмана сказывался в том, с каким изяществом он брался за явления литературы разных эпох. Два десятилетия пристального внимания к поэзии харьковчанина В. Чичибабина завершились итоговым трудом — публикацией тома «Борис Чичибабин в стихах и прозе» в «Литературных памятниках». У этой книги была нелегкая судьба: готовилась она долго, ее издание не раз срывалось. Благодаря творческому тандему — вдове поэта Л. Карась-Чичибабиной и Л. Фризмону — книга наконец увидела свет в самом конце 2013 г., а в начале следующего года, в условиях нараставшего в стране хаоса, я держал в руках экземпляр из тиража, переправленного через границу. *«Дорогому верному другу Косте Бондарю с благодарностью за сотрудничество. 16.03.14. Л. Фризман»*. Я не участвовал в подготовке этого тома, но в своих словах старший коллега отмечал мою прежнюю помощь ему и словно предвидел будущие проекты. В самом деле, большие начинания — Чичибабин, Марфа-посадница — казалось, должны были поглощать целиком его внимание и силы, но в то же время он работал над книгой о Юлии Киме — первой книгой о барде. Служа в отделе редких изданий и рукописей городской научной библиотеки, я мог помогать учителю в библиографических разысканиях. Именно этим объясняется дарственная надпись на книге *«Многообразие и своеобразие Юлия Кима»*: *«Дорогому Косте Бондарю, верному другу, надежному сотруднику, неизменному помощнику во всех делах. Твой Л.Ф.»* Так же с тех пор он подписывал свои письма по электронной почте.

НАВЕРНОЕ, Я БЫЛ ОДНИМ ИЗ ПЕРВЫХ, КОМУ ФРИЗМАН ПОВЕДАЛ О СВОЕЙ РАБОТЕ НАД ЕВРЕЙСКОЙ ТЕМОЙ И ПРИСЛАЛ НАЧАЛО БУДУЩЕЙ КНИГИ — ГЛАВКУ О ЕВРЕЯХ У ПУШКИНА. ЧЕРЕЗ ГОД КНИГА БЫЛА ЗАКОНЧЕНА.

Наверное, я был одним из первых, кому Фризман поведал о своей работе над еврейской темой и прислал начало будущей книги — главку о евреях у Пушкина. Через год книга была закончена. *«Дорогому другу Косте Бондарю с благодарностью за огромную помощь, оказанную автору этой книги. 27.02.15. Л. Фризман»*. Мне довелось выступить на презентации «Такой судьбы...» в апреле 2015 г., за месяц до отъезда в Израиль.

Живя далеко, я продолжал тесно общаться с Л.Г. и был осведомлен о его текущих делах и замыслах. В частности, я знал, что он готовит сборник очерков, посвященных встречам с выдающимися филологами. В 2017 г. этот том, «В кругах литературоведов», прибыл ко мне с оказией. *«Дорогому Косте Бондарю с крепнущими дружескими чувствами твой Л.Ф.»* Расстояние, разделявшее нас, упрочивало незримую связь.

Последняя его книга — «Иван Франко. Взгляд на литературу», вышедшая в свет в начале 2018 г., попала ко мне без дарственной надписи. Читая ее, я понимал, что не смогу как раньше поделиться с учителем своими наблюдениями. Зная, что книга посвящена памяти покойного сына и что автор придавал этому труду большое значение, я всерьез разделял его опасение не увидеть книгу напечатанной. Л.Г. видел свою заслугу в том, что нашел для книги материал, на котором проблема писательской критики могла быть решена полнее и убедительнее, чем на любом другом. Однако дело было еще и в том, что старый ученый осознал эту свою работу как выполнение давнего завета Ю. Буртина. В одном из писем, полученном вскоре после защиты докторской,

московский друг и коллега призывал Фризмана «не остаться в плену у старого, сделанного, не побояться открыть чистую страницу, замахнуть на что-то большое, даже непосильное»¹⁰¹. Понадобилось почти сорок лет, чтобы адресат Буртина последовал его совету.

В том, что Л.Г. все-таки успел получить тираж, я вижу достойную награду его прочных заслуг. А полка с его книгами напоминает сегодня о том, что «пишущие, хочешь — не хочешь, вступают в разговор с вневличным. Потому что написавшие умирают, а написанное, не спросясь их, остается», как заметила Л. Я. Гинзбург.

Еврей по происхождению и человек русской культуры по воспитанию — так можно описать вместе с миллионами его соотечественников и Леонида Фризмана. На первый взгляд, типичная ситуация для нескольких поколений советской интеллигенции. Еврейство, с одной стороны, не скрывалось, с другой — было чем-то декоративным. Но одно важное отличие делает случай Фризмана нерядовым.

Будучи автором около пятидесяти книг и более пятисот статей, он интересовался многими вещами; руководил диссертациями по литературе и XVIII, и XXI вв. Что же до иудаики, ею он не занимался и еврейской темы избегал. И только в 2013 г., в конце своего научного пути, Л.Г. обратился к проблеме «русская литература и евреи», в которой и ему было суждено сказать свое слово.

Предыстория этого обращения любопытна: заручившись рекомендацией серии «Литературные памятники», в которой он подготовил пять книг, профессор загорелся идеей издать какой-нибудь текст на еврейскую тему. Из подготовленного мной по просьбе учителя списка он выбрал повесть Ф. Булгарина

---

¹⁰¹ Фризман Л.Г. Иван Франко: взгляд на литературу. Киев: Изд. дом Дмитрия Бурого, 2017. С. 22.

«Эстерка». Фрирман давно мечтал реабилитировать этого писателя в глазах литературоведов и читателей, и вот явился подходящий случай. По иронии судьбы в редколлегию одновременно поступила заявка на издание болгаринских «Воспоминаний», получившая предпочтение. Но Фрирман был не из тех, кто, по его словам, «проигрывает войну, проиграв в первом сражении». Л.Г. решил подготовить и издать повесть Булгарина отдельно. Однако, углубившись в материал, он понял, что тема выходит далеко за рамки наследия Булгарина и вообще литературы первой половины XIX в., и взялся рассмотреть ее всю — от зарождения до наших дней. Так за год была написана книга, стоящая особняком в научном багаже Фризмана, — «Такая судьба. Еврейская тема в русской литературе». Она стала попыткой представить эволюцию непростой темы на протяжении более чем полутора столетий, от Отечественной войны 1812 г. до крушения советской власти. Ее первая и главная черта — эта книга не только о литературе. Из исторических и мемуарных источников, из портретов писателей и анализа их произведений складывается разговор о судьбе русского еврейства, какой она виделась харьковскому филологу. И, коль скоро остановиться на всех его наблюдениях невозможно, выберем некоторые — те, что относятся к сфере его узких интересов, сочинениям эпохи романтизма и поэтическим исканиям середины — второй половины XX в.

ЗА ГОД БЫЛА НАПИСАНА КНИГА, СТОЯЩАЯ ОСОБНЯКОМ В НАУЧНОМ БАГАЖЕ ФРИЗМАНА, — «ТАКАЯ СУДЬБА. ЕВРЕЙСКАЯ ТЕМА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ». ОНА СТАЛА ПОПЫТКОЙ ПРЕДСТАВИТЬ ЭВОЛЮЦИЮ НЕПРОСТОЙ ТЕМЫ НА ПРОТЯЖЕНИИ БОЛЕЕ ЧЕМ ПОЛУТОРА СТОЛЕТИЙ, ОТ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 Г. ДО КРУШЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.

Надо сказать, что масштабность замысла, необходимость работать «широкими мазками» не всегда давала литературоведу возможность углубиться в детали. Красноречивый пример связан с уже упоминавшимся Булгариным. Анализируя его творчество, Фризман останавливается на повести «Эстерка», справедливо называя ее центральной в интересующем его аспекте. Используя популярный мотив польской историографии и художественной литературы, Булгарин делает основой сюжета любовь короля Казимира Великого к еврейской девушке и описывает ее глазами гайдамаков, посланцев папы и местных евреев. И вот здесь читатель встречается с болгаринским приемом, характеризующим его не как банального юдофоба, а как зрелого мастера интриги: сама Эстерка красива и добродетельна, но ее единоверцы, собирающиеся на «ужасное еврейское судилище — *санхедрин*», обрисованы самыми мрачными красками в своем стремлении покарать Эстерку за нарушение ею еврейских законов:

— Закон велит, — сказал раввин, — преступнице объявить проклятие, и если она не исправится, казнить ее смертью, но как Эстерка не признает суда и не может возвратить сыновей на лоно Израиля, то я предлагаю без отлагательств казнить ее смертью.

— Казнить! Казнить! Десять, сто, тысячу раз казнить! — закричали со всех сторон¹⁰².

Как показал М. Вайскопф, в этом эпизоде мы имеем дело с первыми ростками мотива «тайного еврейского правительства», который в ту пору встречался только в беллетристике¹⁰³, в сочетании с «курьезными ошибками», допущенными Булгариным при описании еврейских

---

¹⁰² Фризман Л.Г. Такая судьба... С. 60.

¹⁰³ Вайскопф М. Покрывало Моисея. Еврейская тема в эпоху романтизма. Москва; Иерусалим: Гешарим, 2008. С. 172.

обычаев¹⁰⁴. Правда, это пласт оставлен автором «Такой судьбы...» без внимания. То обстоятельство, что «коварство» соплеменников Эстерки терпит крах, благородный молодой рыцарь Решко спасает ее и возвращает королю, а «санхедрин» запрещается, трактуется лишь как торжество справедливости¹⁰⁵. Первоклассный беллетрист, Булгарин ведет с читателем двойную игру: создавая образ прекрасной еврейки (знакомый читателю, скажем, по романам В. Скотта), он поддерживает один романтический миф, но одновременно актуализирует и другой, живописуя опасное тайное «судилище». Булгарину нужен этот контраст; он даже усиливает к концу повести идеализацию Казимира, которого «простило потомство». В этой неоднозначной позиции писателя рецензент книги Фризмана С. Кормилов усматривает тактику, которая должна была, по замыслу Булгарина, отвести от него подозрения в юдофобии, а заодно и в польском национализме¹⁰⁶.

Разрабатывая стереотипный набор романтических мотивов в изображении евреев, Фризман привлекает творчество Р. Зотова, в романе которого «Леонид, или некоторые черты из жизни Наполеона» действует посредник Мозес. Его речевая характеристика шаржирована в духе эпохи («*Мы зе люди торговые: цто потребу-ют, то и продаем*»), он думает только о своей выгоде, но оказывается полезным, а в итоге даже спасает главного героя. То, что еврейский образ в романе единственный, объясняется тем, что Мозес — не индивидуализированный персонаж, но обобщенный тип; изображая его таким, Зотов выражал не собственные пристрастия, а стереотипы своего времени¹⁰⁷. К этому же выводу приводит

¹⁰⁴ Там же. С. 179.

¹⁰⁵ Фризман Л.Г. Такая судьба... С. 61.

¹⁰⁶ Кормилов С.И. Двести лет — вместе? *Леонид Фризман. Такая судьба. Еврейская тема в русской литературе. Харьков: Фолио, 2015 // Знамя. 2016. № 1.* (<https://znamlit.ru/publication.php?id=6170>).

¹⁰⁷ Фризман Л.Г. Такая судьба... С. 67.

автора разбор произведений Лажечникова, Кукольника и других, а затем их эпигонов, таких как Крестовский. Фризмана радуют положительные персонажи-евреи, появившиеся у русских писателей довольно рано — в романах Нарезного «Российский Жилбаз, или Похождение князя Гаврилы Симоновича Чистякова» и Коншина «Граф Оболянский, или Смоленск в 1812 году».

Здесь можно разглядеть еще одну характерную черту фризмановского подхода: стремление расценивать писателя с лучшей стороны. Не скрывая негативных или пренебрежительных высказываний писателей (в том числе и классиков — Достоевского, Некрасова, Чехова) о евреях, Фризман склонен относить их к устойчивым речевым штампам; он ищет в художественных произведениях то, что «реабилитирует» их создателей. Так, о Некрасове, нарисовавшем в поэме «Современники» широкую панораму еврейского участия в развитии капитализма, автор замечает: «Евреи вызывали у Некрасова страх перед <...> капиталом, приобретающим все большее влияние и власть»¹⁰⁸. Иными словами, оказывается, что «характерная русская ненависть к толстосумам была лихо перенесена на всех евреев зачастую почти вне связи с вероисповеданием»¹⁰⁹. Или другой пример. Завершая разговор о Чехове, Фризман прибегает к сравнению:

«Для Жаботинского было само собой разумеющимся подходить к оценке людей и ситуаций, исходя из ходячей формулы “А как это для евреев?” Чехов так не поступал. Как последовательный гуманист он соперничал всем людям, и евреям не больше и не меньше, чем другим. Но сказать, что он писал о них “с безразличием”, пусть даже правдивым, — это, как говорится, взять грех на душу»¹¹⁰.

---

¹⁰⁸ Там же. С. 90.

¹⁰⁹ Кормилов С.И. Двести лет — вместе?..

¹¹⁰ Фризман Л.Г. Такая судьба... С. 163.

И в других местах книги публицистичность дает о себе знать. Скажем, в образе Соломона из «Степи»:

«Чехов <...> угадал одного из пионеров еврейской «полуинтеллигенции», которой предстояло сыграть огромную роль в истории России и русской революции. Это из них вырастали Богровы, Зиновьевы, Урицкие, Ягоды, это они найдут себя в ЧК, ОГПУ, НКВД, это они станут во главе стройки Беломорканала, а потом и всего ГУЛАГа»¹¹¹.

Тут в пору согласиться с рецензентом, что «стремящийся быть объективным исследователь словно забыл, что карательные органы возглавляли и поляк Дзержинский, и русский Ежов, и грузин Берия»¹¹².

Всю жизнь изучавший забытые, неопубликованные, обойденные критикой тексты, Фризман продолжает это делать и здесь. Несколько страниц посвящены поэтической драме И. Сельвинского «Тушинский лагерь» (1939 г.), которая не была опубликована после написания, и лишь в 2000 г. фрагменты из нее и предисловия самого поэта увидели свет. В пьесе проводится мысль о еврейском происхождении Лжедмитрия II. Эта гипотеза, не являющаяся общепринятой ни в историографии, ни в источниковедении, недавно стала предметом нашего внимания¹¹³. Тем более интересно, что советский поэт воплотил ее художественно, а литературовед счел эту попытку достойной включения в свой обширный обзор:

---

¹¹¹ Там же. С. 153.

¹¹² Кормилов С.И. Двести лет — вместе?..

¹¹³ Бондарь К., Торпусман А. Тушинский вор Богданко (по сведениям источников и антропонимическим данным) // Заметки по еврейской истории. № 2-3 (206), февраль-март 2018. (<http://z.berkovich-zametki.com/2018-znomer2-3-atorpusman/>).

«Был ли самозванец, подобно Гришке Отрепьеву, авантюристом, жаждавшим власти, богатства, разгульной жизни, и, следовательно, то, что он был евреем, так же несущественно, как и то, что он носил бороду, или, быть может, национальная особенность Лжедмитрия в связи с условиями жизни евреев XVII века определила его психику таким образом, что в действиях тушинца следует искать нечто большее, чем авантюру?» — писал И. Сельвинский¹¹⁴.

Положительное отношение автора к своему герою, выраженное в предисловии, подхватывает и филолог, напоминая, что еврейская тема занимает значительное место в содержании пьесы. Сельвинский не просто делает своего героя евреем, — еврейство становится причиной его гибели: один из героев, Абрагам, вслед за обвинением, что самозванец в погоне за московским троном забыл свой народ, в пылу спора закалывает Лжедмитрия кинжалом. Такое художественное решение, по Фризмону, — отважный поступок поэта.

Многолетние занятия русской поэзией XX в. позволили Фризмону свободно ориентироваться и в таком непростом материале, как эволюция еврейской темы у Б. Слуцкого, от стихов о преследовании евреев в Германии до горьких строк о набравшем силу советском официальном антисемитизме. Вместе с переменной в понимании поэтом своего места в русской культуре (от *«Я говорю от имени*

Многолетние занятия русской поэзией XX в. позволили Фризмону свободно ориентироваться и в таком непростом материале, как эволюция еврейской темы у Б. Слуцкого, от стихов о преследовании евреев в Германии до горьких строк о набравшем силу советском официальном антисемитизме.

¹¹⁴ Фризман Л.Г. Такая судьба... С. 302-303.

России, / Ее уполномочен правотой» до «на русскую землю права мои невелики») происходит и переосмысление самого еврейства («*Созреваю или старею — / Прозреваю в себе еврея*»). В стихи входят приметы времени: судьбы полукровок, изучение иврита, поветрие перехода в христианство. Последнее, оцененное поэтом презрительно, приводит атеиста Фризмана к недоумению перед такой позицией. Зато с полным согласием он цитирует пожелания еврейской молодежи, которые выглядят как итог поэтических исканий Слуцкого в еврейской теме:

*«...Почаще лезьте в драки,
Читайте книг немного,
Зимуйте, словно раки,
Идите с веком в ногу...»¹¹⁵*

Немало сил отдавший изучению бардов, известный своими трактовками строк Окуджавы и Высоцкого, выпустивший монографию о Киме, Фризман проявил себя тонким пониманием лиризма Галича, например, там, где тот касается судьбы Януша Корчака и обитателей варшавского «Дома сирот». И здесь дело не только в том, что у Галича с детской надеждой сливается поэтическое пророчество («*Но когда забулькают ручейки весенние, / В облаках приветственно протрубит журавль, / К солнечному берегу, к острову спасения / Чей-то обязательно доплывет корабль!..»*), но и в том, что поэт не разделяет чаяний своих героев — «Мы вернемся в Варшаву!»:

*«Рвется к нечистой власти
Орава речистой швали...
Не возвращайтесь в Варшаву,
Я очень прошу Вас, пан Корчак!
Вы будете чужеземцем
В Вашей родной Варшаве!»¹¹⁶*

¹¹⁵ Там же. С. 384.

¹¹⁶ Там же. С. 398.

Речь идет о принципиальном для барда (и для исследователя) сближении фашизма и сталинизма, поздние отголоски которого Галич видел в Польше 70-х гг. Антиеврейская (и античеловеческая) сущность обоих режимов подчеркнута в последней главе книги Фризмана как вывод из историософии В. Гроссмана и в определенном смысле — как итог всей его работы.

Занявшийся иудаикой в какой-то мере случайно, профессор успел почувствовать ее вкус и полюбил эту область. Именно с ней он связывал свои планы на будущее. Уже этот первый труд, книга «Такая судьба...», получил поддержку Мемориального фонда еврейской культуры в Нью-Йорке, благодаря чему книга вышла в свет, и эта поддержка отнюдь не была авансом. В этой книге вызревал план его труда о Коржавине, ставшего научным завещанием; он планировал назвать книгу «Настоящее имя поэта Коржавина — Мандель» и уделить в ней значительное место еврейской теме. Здесь же продолжалось осмысление творчества Чичибабина, и неслучайно исследователь приводит в главе о нем строки харьковского поэта:

*«Кем бы мы были, когда б не евреи, —
Страшно подумать».*

И. Айвазовский писал одному из корреспондентов за несколько месяцев до ухода из жизни: «Восемьдесят три года заставляют меня спешить». Об этом вспоминаешь, когда знакомишься с последними работами Л.Г. Он знал, что остается немного, и потому спешил. Этим можно объяснить отсутствие в его книге строгого аппарата, но это не делает ее менее серьезной. В конце концов, герой Водолазкина, профессор Никольский (Соловьев и Ларионов), говорил своему аспиранту, что в финале пути ученый как правило обходится без ссылок.

В еврейской теме, пусть с опозданием, он видел свою роль в том, чтобы углубить ее академическую разработку, укрупнить ее масштаб, и настраивал читателя на нужный лад в предисловии: «Литература — это отражение жизни, и не просто отражение, но и постижение, а жизнь — более важная штука, чем литература. Подлинный художественный образ выражает действительность, ее глубинную суть лучше, чем реальный факт»¹¹⁷.

Иудаика для многих, приходивших из смежных специальностей, превращалась во вторую профессию; зачастую она приводила своих адептов к вере и перемене образа жизни, порой — к переезду, но гораздо реже она становилась для них тем, чем стала для Леонида Фризмана: манифестом и завещанием.

---

¹¹⁷ Там же. С. 4.

Дядя Иринея

(к изучению творческого наследия Владимира Одоевского)

Владимир Федорович Одоевский как писатель для народа — такая тема кажется на первый взгляд парадоксальной. В самом деле, работая в просветительских учреждениях и комитетах, членом которых он был, Одоевский считал также необходимым создавать полезное и понятное грамотному ремесленнику или крестьянину чтение. Это тем более необычно, что его творчество было далеко не общедоступным, а литература для «низового читателя» в его время не выходила за рамки лубочных листов и сказочных повестей, насчитывавших не одно столетие, но к середине XIX в. казавшихся безнадежно устаревшими.

Важность этой задачи Одоевский осознал одним из первых среди русских литераторов: намного позже ее подхватил Л. Толстой, писавший для издательства «Посредник», В. Гаршин, В. Короленко и другие. При этом важно помнить, что достаточные условия для роста народной грамотности появились после реформ 1860-х гг., а Одоевский начал свою работу в конце 30-х — в 40-е гг., в эпоху, когда она была в диковинку. Как писал А. Ф. Кони, «одной из выдающихся сторон литературной деятельности Одоевского была забота о просвещении народа... забота тем более ценная, что крайне редко встречалась в то время и многими рассматривалась как странное чудачество»¹¹⁸.

---

¹¹⁸ Кони А.Ф. Князь В.Ф. Одоевский // Энциклопедический словарь. Т. XXI-а. СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1897. С. 749.

Создавая «Сказки дедушки Ириней», вышедшие отдельным изданием в 1841 г., писатель ввел в русскую литературу образ чудаковатого рассказчика-мудреца, «магистра философии и члена разных ученых обществ» Ириней Модестовича Гомозейки. Этот-то дедушка Ириней и рассказывал сказки, адресованные прежде всего маленьким читателям. Сказки «одинаково чуждые как деланной сентиментальности, так и слишком раннего ознакомления детей с ужасами жизни и ее скорбями» были важным событием в литературе: А. Ф. Кони, верно, думал о своем поколении, когда вспоминал, что «для людей, детство которых совпало с 50-ми годами, «Червячок» и «Городок в табакерке» остались памятными на всю жизнь»¹¹⁹. Для взрослых грамотных людей из народа Одоевский тоже писал нечто вроде сказок, но их рассказывал уже не «дедушка», а «дядя Ириней», не магистр и ученый, а мужик, чьи «грамотки» появлялись на страницах журнала «Сельское чтение», изданного впервые в 1844 г. и затем выходявшего в свет многочисленными переизданиями на протяжении двух десятилетий.

Подготовка и выпуск журнала были частью масштабной деятельности сторонников реформ; соратником Одоевского в этом начинании был А. П. Заблоцкий-Десятовский — просветитель, экономист, статистик, чиновник Министерства государственных имуществ и редактор министерского журнала. Он знал

Для взрослых грамотных людей из народа Одоевский тоже писал нечто вроде сказок, но их рассказывал уже не «дедушка», а «дядя Ириней», не магистр и ученый, а мужик, чьи «грамотки» появлялись на страницах журнала «Сельское чтение», изданного впервые в 1844 г.

¹¹⁹ Там же.

жизнь крестьянской России из собственного опыта: в 1841 г. объехал внутренние губернии для изучения положения крестьян и представил записку «О крепостном состоянии в России», в которой рассматривал крепостное право со всех сторон — хозяйственной, нравственной и политической; реформа 1861 г. во многом учитывала оценки и рекомендации Заблоцкого.

Соединив практическую сметку, административный опыт, художественный талант и бескорыстное желание послужить общему делу, издатели получили весомый результат: книжки журнала разошлись более чем 30-тысячным тиражом; свои материалы для публикации предоставили А. Вельтман, В. Даль, М. Загошкин, Е. Карнович, В. Соллогуб. Этот успех Белинский объяснял как глубоким знанием быта, потребностей и самой природы русского крестьянина, так и талантом, с каким издатели сумели воспользоваться этим знанием: «...эта книга, не принадлежа собственно к тому, что обыкновенно называется “литературою”, — тем не менее принадлежит к важнейшим произведениям современной литературы и весом своей внутренней ценности перетянет многие пуды романов, повестей, драм — даже “патриотических” <...> “Сельское чтение” знает, с кем имеет дело, и не потчует паштетами того, кому калач в сласть и лакомство. В книгах такого рода обыкновенно думают, что дело в шляпе, если наговорили с три короба нравочений: “Сельское чтение” понимает, в *каком* нравочении нуждается наш народ, и, как искусный врач, оно не лечит от подагры человека, который пьет не шампанское, а сивуху. Внушая простому человеку правила религии, преданность и благодарность престолу, “Сельское чтение” постоянно держится в сфере быта и положения простого человека, — в сфере чисто практической»¹²⁰.

¹²⁰ Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: Изд. АН СССР, 1955. Т. 6. Статьи и рецензии. 1842-1843. С. 683.

Журнал был попыткой дать народу содержательное и полезное чтение, которое могло бы конкурировать с лубочной литературой. Противопоставив лубочным персонажам рассудительного «дядю Иринея», Одоевский тем самым дал понять, что пишет для достойных сограждан, способных и желающих учиться, жить разумно и ответственно.

Журнал был попыткой дать народу содержательное и полезное чтение, которое могло бы конкурировать с лубочной литературой. Противопоставив лубочным персонажам рассудительного «дядю Иринея», Одоевский тем самым дал понять, что пишет для достойных сограждан, способных и желающих учиться, жить разумно и ответственно.

Дядя Иринея появляется только во 2-й книжке журнала (представляет его рассказчик): «Кто знает дядю Иринея, вот что живет в селе Ивановке? Изба у него такая славная, с красными окошками и расписными ставнями; на вышке петух, а по навесу разукрашено резьбою до чрезвычайности! Не знаете? Так я вам расскажу про него. Человек он не старый, да и не молодой, но такой здоровенный; сам работает, да и батраков нанимает, потому что человек бессемейный, были у него жена и дети, да всех Бог прибрал; вот уже лет десять как он взял землишку на оброк под Ивановкой и поселился на ней...»¹²¹ Поначалу посмеивавшиеся над дядей Иринеем односельчане, присмотревшись, поняли, что у соседа есть чему поучиться: «с тех пор каждое воскресенье дядя Иринея, помолясь Богу за обеднею, сядет у ворот на завалинку, а кругом его старый и малый; дядя Иринея говорит, а парни слушают да смекают». Дается и мотивировка появления «грамоток»: «да тем часом

¹²¹ Сельское чтение. 1844. Кн. 2. С. 23.

прилучился писарь-грамотей, малый бойкий, послушал, пошел домой, принес с собою перо да бумагу, да присел поближе к дяде Иринею, что дядя скажет, то писарь запишет. С тех пор пошли по свету грамотки дяди Иринея, ходили-ходили, да и до нас дошли, а мы их вам передали...»¹²² «Грамотки» дяди Иринея рассказывают обо всем на свете — о паровозах, газовых фонарях, градусниках, домашних животных, насекомых, личной гигиене и других вещах с мягким юмором, доходчиво и увлекательно, сочным и понятным языком, и всякий раз писатель находит для этих рассказов динамичную повествовательную форму: то ли беседы дяди Иринея с молодыми парнями, бывшими на заработках в Питере, то ли воспоминаний о случаях из жизни односельчан. Возникает иллюзия живого диалога, непосредственного участия в разговоре.

Интересно отметить, что дядя Иринея — не единственная ипостась думающего крестьянина в «Сельском чтении»: в 1-й книжке своих детей поучает крестьянин Наум: «есть такие глупые люди, что один хлеб едят, а другим брезгают, едят репу, морковь, яблоки, а картофель называют проклятою травкою... от того, что ты будешь есть картофель, зла никому не будет, а есть добро, потому что картофель бережет хлеб»¹²³. В XIX в. польза картофеля еще не была очевидной для широких слоев крестьянства; печатное слово было орудием в борьбе за новый земледельческий уклад. Так и грамотки дяди Иринея: они идут впрок только разумным людям. «Ну что ты с неразумным будешь делать? Все он на лукавого натывается, а лукавый тому и рад, его же на кривду наводит»¹²⁴. Дядя Иринея, грамотей, философ-самоучка и резонер, наставляет своих слушателей в простых истинах: «Бог дал нам ум на то, чтобы мы могли и свое

¹²² Там же. С. 26.

¹²³ Сельское чтение. 1844. Кн. 1. С. 19.

¹²⁴ Там же. Кн. 3. С. 5.

добро приумножить, и от беды охраниться; кто умен да учен, тому чаще и удача бывает, но Бог нам дал ум и на то, чтобы в неудаче напрасно не роптать, а поближе посмотреть: отчего была неудача, чтобы вдругоряд быть смышленее...»

Эти простые истины дяди Ириня и его создателя — князя-демократа В. Ф. Одоевского, проповедника «дейтельной любви к людям», стоит помнить и нам, читателям, живущим полтора века спустя.

Слово и мундир.

Иван Хрущов

Жизненный путь Ивана Петровича Хрущова (1841–1904) был «обыкновенной историей»: движением от студенческого свободолюбия и даже радикализма к чиновничьему рвению и консервативному охранительству времен Александра III.

Хрущову выпало жить и работать рядом со знаковыми фигурами и стать своеобразным зеркалом эпохи. Годы его юности совпали с началом великих реформ. В конце 1850-х гг. Хрущов, поступив на историко-филологический факультет Московского университета, возглавлявшийся С. М. Соловьевым, увлекся революционными идеями. Вместе с товарищами он участвовал в «леонтьевской» истории, когда студенты выступили против консервативного профессора греческой словесности Леонтьева, и перенес сильное душевное волнение. Самая важная встреча в студенческой жизни Хрущова произошла летом 1860 г.: на каникулах в имении Корсаково он познакомился с Д. И. Писаревым. Знакомство быстро переросло в дружбу; Хрущов часто навещал друга в его имении Грунец, и история их отношений запечатлена в дневнике Ивана Петровича¹²⁵. Осенью 1860 г. в Москве, а с зимы 1861 г. в Санкт-Петербурге друзья продолжали тесно общаться и вместе снимали комнату. Хрущов описывал друга как «очень порядочного и талантливое малое, но блаженного в полном смысле этого слова»¹²⁶ и, несмо-

---

¹²⁵ РГАЛИ, ф. 530, оп. 1, № 1.

¹²⁶ Коротков Ю. Писарев. М., 1976. С. 117.

тря на приятельские отношения, свысока оценивал Писарева и его друзей:

«... Благосветлов и Попов мне зело не нравятся. Один циник а la Писарев, другой умственная малость, ноль. Писарев все-таки жертва Благосветлова, а я — я художник, художник, художник...»¹²⁷

Писарев же, зная о литературных занятиях своего друга — «художника», содействовал публикации его первых сочинений, «рассказов из семейных преданий»: в 1862 г. в журнале «Подснежник» вышел рассказ для детей «Парашин лесок» (вышел отдельным изданием под псевдонимом в том же году и был переиздан несколькими годами позже¹²⁸), а в «Русском слове» — рассказ «Няня».

Тесные отношения с Писаревым неизбежно втягивали Хрущова в гущу политической жизни, а арест критика затронул и самого Хрущова: летом 1862 г. на квартире матери в Курске, куда он приехал на каникулы, был обыск. Это событие стало моментом перелома: страх заставляет молодого филолога пересмотреть свое отношение к радикальным идеям и вызывает их постепенное отторжение. Свидание с Писаревым в Петропавловской крепости год спустя убедило Хрущова, что былые увлечения и дружба прошли.

Зимой 1862 г., окончив историко-филологический факультет Петербургского университета кандидатом, Иван Петрович добился назначения в провинцию, опасаясь влияния революционной среды в столице. Он поехал учительствовать в Петрозаводск и в 1862–1865 гг. служил учителем русской словесности Олонецкой, а затем Новгородской гимназий. В Петрозаводске Хрущова ожидали новые интересы: занятия

¹²⁷ Там же. С. 139.

¹²⁸ Жучков Илья. Парашин лесок. СПб., 1862; 2-е изд. СПб., 1865.

этнографией (знакомство с П. Рыбниковым, встречи со сказителями былин) и знакомство с семьей Поленовых. Оно было, что называется, судьбоносным: сын Поленова, Василий, будущий великий русский художник, стал учеником Хрущова, дочь Вера — женой и единомышленником, а сам Дмитрий Васильевич и его жена Мария Алексеевна Воейкова — покровителями и старшими друзьями. После смерти тестя Хрущов отдал ему долг памяти, написав его биографию¹²⁹. Старший Поленов оказался в Олонецкой губернии сразу после освобождения крестьян и, как крупный землевладелец, занимался там землеустройством. В прошлом у него была дипломатическая служба в Греции, опыт работы в Синоде, позволившие ему проявить себя государственным деятелем и незаурядным археологом и библиографом. В письмах Поленовы благосклонно отзывались о Хрущове, отмечали его «даровитость» и «образованность». Многого стоят слова уже пожилого художника В. Д. Поленова в письме к старшему другу и наставнику:

«Перебирая в памяти минувшие годы, с каким чувством радости <...> я останавливаюсь на светлых, полных упоительных надежд шестидесятых годах. Твоя горячая, талантливая, глубоко человеческая проповедь <...> была ярким светом, озарившим нашу начинающуюся жизнь <...> Ты широко распахнул нам двери в светлый чертог разума <...> тот свет, что мы там увидели, был свет истинный, и до сих пор он мне светит и указывает путь»¹³⁰.

---

¹²⁹ Хрущов И.П. Очерк жизни и деятельности Д.В. Поленова. СПб., 1879.

¹³⁰ Поленов В.Д., Поленова Е.Д. Хроника семьи художников. М., 1964. С. 11.

И. П. Хрущов.

Здесь же, в Петрозаводске, недавний друг Писарева и участник революционных событий начал сближение с правящим двором: совершая поездку по России, в Олонецкой губернии остановился наследник престола Николай Александрович. Учитель Хрущов нашел повод представиться, устроил ему встречу с «певцом былин» Романовым¹³¹, попутно ходатайствуя о переводе в столицу.хлопоты не пропали даром: после недолгой службы в Новгородской гимназии Иван Петрович причисляется к Министерству народного просвещения и командировается на два года за границу для подготовки к профессорскому званию.

В подготовленной за эти годы и защищенной под руководством И. И. Срезневского магистерской диссертации Хрущов заявил о себе как исследователь древнерусской литературы¹³². Его работа была одним из первых шагов в изучении раннего иосифлянства: он

---

¹³¹ Цесаревич Николай Александрович в Петрозаводске в 1863 г. // Семейные вечера. 1865. 15 мая; Русский архив. 1896. Т. 3.

¹³² Хрущов И.П. Исследование о сочинениях Иосифа Санина, преподобного игумена Волоцкого. СПб., 1868.

изучал социальный состав братии Иосифо-Волоколамского монастыря, послания и грамоты Иосифа Волоцкого; продолжил описание монастырской библиотеки. Интерес к славянской медиевистике Хрущов сохранил и в дальнейшем. Особое внимание он уделял «Слову о полку Игореве»: в книге «О древнерусских исторических повестях и сказаниях. XI-XII столетие» писал, что язык «Слова...» не чужд языку литературных памятников, а в рецензии на книгу П. П. Вяземского отмечал заслугу автора, «полновесно доказывающего влияние византийской образованности на поэта, прославившего Игорев поход»¹³³. Заслугой Хрущова было не только изучение, но и популяризация памятников древней литературы. Его книга «Беседы о древнерусской литературе»¹³⁴ адресована широкому кругу читателей. Рецензент В. Я. Брюсов отмечал, что книга «полезная и отвечающая своему назначению», а «язык автора чист», хотя «недостает ему истинной простоты»: «в стремлении к изобразительности автор на каждом шагу решается на олицетворения, делает восклицания <...> чем запутывает чтение»¹³⁵.

После защиты диссертации Хрущов вновь в Европе: он знакомится с учеными-германистами, изучает методику преподавания литературы в Германии, читает в Штутгарте курс русской словесности вюртембергской королеве Ольге Николаевне, великой княжне Вере Константиновне и герцогу Лейхтенбергскому¹³⁶.

Получив место доцента кафедры русской словесности, 1870-е годы филолог провел в Киеве. Здесь он состоял секретарем общества Нестора Летописца и ин-

---

¹³³ Хрущов И.П. Замечания на «Слово о полку Игореве» кн. П.П. Вяземского. СПб., 1875 // Унив. изв. Киевск. ун-та. 1875. № 10. С. 2.

¹³⁴ Хрущов И.П. Беседы о древнерусской литературе. СПб., 1900.

¹³⁵ В.Я. <В.Я. Брюсов>. Хрущов И.П. Беседы о древнерусской литературе. СПб., 1900 // Русский Архив. 1900. Т. 3.

¹³⁶ Хрущов И.П. Королева Вюртембергская Ольга Николаевна // Русский Вестник. 1893. № 1-2; отд. изд.: СПб., 1893.

спектором классов института благородных девиц. В киевский период Хрущов много пишет, а его карьера продвигается: в 1875 г. он произведен в камер-юнкеры. В конце этого десятилетия карьерный рост приводит его в Санкт-Петербург, в Ведомство учреждений императрицы Марии. Тогда же начинает он служить в Министерстве народного просвещения, в его ученом комитете и издательском обществе при постоянной комиссии народных чтений. На этом поприще Хрущов проявил себя как автор¹³⁷ и редактор¹³⁸ народных изданий и создатель народных библиотек.

Тем временем начиналась другая эпоха: портфель министра перешел от Д. А. Толстого (по словам С. Ю. Витте, «крупной личности»), пятнадцать лет управлявшего Министерством и обеспечившего подъем университетского образования, к И. Д. Делянову, который оставался в должности до 1897 г. и символизировал «охранительные» тенденции. Каденция Делянова была пиком карьеры Хрущова: с 1882 г. он состоял чиновником особых поручений при министре. Красноречивые совпадения отмечаются в отзывах современников.

«Делянов был очень милый, добрый человек, и вопросы Министерства народного просвещения вообще были ему не чужды. Он был человек культурный, образованный <...> Он никогда никаких резких вещей не делал, всегда лавировал, держась того направления, которое в то время было преобладающим <...> Вообще он лавировал на все стороны»¹³⁹.

---

¹³⁷ Хрущов И.П. Владимир Мономах, великий князь киевский, правнук Владимира Святого, и его завещание. СПб., 1883; 5-е изд., 1916; Нашествие татар и князь Михаил Тверской. СПб., 1884; 6-е изд., 1904; Минин и князь Пожарский. СПб., 1884; Богомольцы у святынь Киева. Лавра. Ч. 1. СПб., 1884; 7-е изд., 1915; Богомольцы у святынь Киева. Старый Киев. Ч. 2. СПб, 1890; 4-е изд., 1898.

¹³⁸ Настольная книга для народа. СПб., 1891.

¹³⁹ Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 1. С. 311.

Журналист Феокистов выразился еще определеннее: «Делянов представлял собой идеальный пример того, как можно у нас достигнуть весьма высокого положения без сколько-нибудь выдающихся заслуг», а директор императорских театров, мемуарист С. Волконский вспоминал: «аппарат, созданный при Александре II железною рукой графа Толстого, никого не удовлетворивший, всех озлобивший, при Александре III перешел в мягкие руки Делянова. Иван Давыдович Делянов был удивительное явление в русской чиновной летописи <...> Его мягкость, слабость, безволие — уж не знаю, как назвать — нельзя даже описать»¹⁴⁰.

Но установившиеся порядки оказались близки Хрущову. Так, на заседании особого комитета Министерства, положительно оценив рассказы Достоевского «Мужик Марей» и «Столетняя», он выступил против включения рассказа «Мальчик у Христа на елке» в библиотеки средних учебных заведений и программы народных училищ: «Достоевский мог любить детей, но менее подходящего к детскому возрасту писателя не существует»; «нужно ли это сопоставление богатства и неприкрытой бедности?»¹⁴¹ В ином случае, выступив со статьей «Что наши дети читают?»¹⁴², он раскритиковал сборник «Русским детям. Из сочинений Ф. М. Достоевского» за включение отрывков из «Бедных людей», «Неточки Незвановой», «Братьев Карамазовых», которые могут «воспитать озлобленное чувство и никак уже не будут способствовать развитию нравственной силы». Преданная служба не осталась незамеченной: в 1885 г. Хрущов пожалован в камергеры, в 1888 г. назначен

---

¹⁴⁰ Волконский С.М. Мои воспоминания: В 2 т. М.: Искусство, 1992. Т. 2. Родина. С. 54.

¹⁴¹ Волгин И.Л. Достоевский и правительственная политика в области просвещения (1881–1917) // Достоевский. Материалы и исследования. Вып. 4. М., 1980. С. 195.

¹⁴² Санкт-Петербургские Ведомости. 1883. 13 дек.

членом основного отдела Ученого комитета Министерства народного просвещения, с 1890 г. он был членом министерского совета, а с 1894 г. — тайным советником. Е. Опочинин в своих воспоминаниях о Вяземском так описывал позднего Хрущова:

«Хрущов являл собою яркий тип карьериста-бюрократа. Он кое-как добрался до генеральского чина, был этим страшно горд, но на этом и кончилась его удача <...> С виду это был человек среднего роста, пожалуй, немного полный, с пухлыми щеками, обрамленными густыми темными баками, среди которых выделялся пробритый подбородок. Лысеющая голова, игривые и хитрые глазки на пошлом лице дополняли наружность этого экс-профессора. Ходил он плавно, важной генеральской поступью, говорил медленно и тягуче-слащавым голосом, манерничая и играя словами»¹⁴³.

И, будто вторя этому портрету, уже цитировавший-ся Волконский приводит такой анекдот:

«на каком-то концерте или общественном балу в Харькове (речь идет о годах попечительства Хрущова в Харьковском учебном округе в 1896–1899 гг. — К.Б.) Хрущов замечает студента, который, в то время как все прочие отвешивают ему поклоны, стоит, невозмутимо озирая и толпу, и его. Несколько раз он проходил мимо непочтительного юноши и наконец не выдержал; подходит и самым язвительным тоном, на какой только способна его мелкая природа: "Позвольте, молодой человек, представиться: попечитель здешнего учебного округа". — "Очень приятно. Такой-то, студент Московского университета"»¹⁴⁴.

¹⁴³ Опочинин Е.Н. Кн. П.П. Вяземский. 1928. РГАЛИ, ф. 361, оп. 1, ед. хр. 10.

¹⁴⁴ Волконский С.М. Мои воспоминания... Т. 2. С. 59-60.

В конце жизни Хрущов выпустил «Сборник литературных, исторических и этнографических статей»¹⁴⁵, составленный из опубликованных сочинений. Критически отозвавшись о составе книги, в которой были некоторые работы с устаревшими сведениями, Брюсов все же высоко оценил воспоминания о наследнике Николае Александровиче и вюртембергской королеве, отметил несколько заслуживающих внимания материалов: «Впечатления одного из депутатов на открытии памятника Пушкину», «Заметки о русских жителях берегов реки Ояти», «Современные дешевые издания для народного чтения»¹⁴⁶.

По-видимому, исток двойственности самоощущения и поведения был заложен в самой натуре Хрущова: пытаясь в выгодном свете мотивировать свою непоследовательность, он еще в молодые годы отмечал:

«Отчего я хватаюсь за то, что мне нравится, сперва сгоряча вижу в этом правду, потом несколько остываю и, наконец, перехожу к противоположному мнению? Оттого ли, что я поэт?»¹⁴⁷

Но в печати Хрущов выступил как поэт лишь раз, опубликовав цикл патриотических стихов, прочитанных на заседании Славянского благотворительного общества:

*Древний плен свой забывая,
Светит ныне Русь святая
Степи, прежде роковой,
Путеводною звездой*¹⁴⁸.

В конце концов, спор «слова» и «мундира» разрешился в пользу последнего.

---

¹⁴⁵ Хрущов И.П. Сборник литературных, исторических и этнографических статей. СПб., 1901.

¹⁴⁶ Русский архив. 1901. Т. 3.

¹⁴⁷ Коротков Ю. Писарев... С. 98.

¹⁴⁸ Хрущов И.П. Песня о стародавней поре. СПб., 1891. С. 16.

«И поживайте как – царrrr!»:

комические средства речевой характеристики евреев у русских писателей XIX в.

Русская литература стала изображать евреев, вступив в классический период своего развития. Писатели выработали довольно большой набор средств передачи их речевого поведения, которое, в соответствии с идеологическими установками, предполагалось если не отталкивающим, то смешным, но никак не благородным (последнее — редкое и особенное исключение). Один из наиболее видных авторов, введивших в свои произведения евреев, Ф. Булгарин, сам укорял цензурные правила 1830-х гг. за то, что в них «жиды не могут и не должны быть добродетельными». В соответствии с этими представлениями строился и набор литературных приемов. Вот что наблюдается в «низких» жанрах:

«Ярмарка в Бердичеве», или «Завербованной жид»

Препотешной разнохарактерной, комической пантомимной дивертисман, с принадлежащими к нему разными танцами, ариями, мазуркою, русскими, тирольскими, камаринскими, литовскими, казацкими и жидовскими плясками¹⁴⁹.

Простонародный тип веселья представлен анекдотами о евреях (их собирателем был В. Даль), водевилями типа «Забавных приключений четырех жидков в

---

¹⁴⁹ Вайскопф М. Покрывало Моисея. Еврейская тема в эпоху романтизма. Москва; Иерусалим: Гешарим, 2008. С. 62.

ПРОСТОНАРОДНЫЙ ТИП ВЕСЕЛЬЯ ПРЕДСТАВЛЕН АНЕКДОТАМИ О ЕВРЕЯХ (ИХ СОБИРАТЕЛЕМ БЫЛ В. ДАЛЬ), ВОДЕВИЯМИ ТИПА «ЗАБАВНЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ ЧЕТЫРЕХ ЖИДКОВ В ХОХЛАНДИИ» И. ИЛЬИНА. ПОЭЗИЯ ТАКОГО РОДА СУЩЕСТВОВАЛА В НИЗОВОЙ КУЛЬТУРЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯМИ

Хохландии» И. Ильина (Москва, 1844). Поэзия такого рода существовала в низовой культуре десятилетиями, что подтверждается, например, двадцатью изданиями (между 1837 и 1904 гг.) «Сказки о мельнике-колдуне, хлопотливой старухе, о жидках и батраках», «народного» поэта Е. Алипанова¹⁵⁰.

Согласно М. Вайскопфу, для эпохи 1820–1830-х гг. характерна «бегло пренебрежительная (чаще шаржированная, реже — благодушная) рисовка эпизодических еврейских фигур, особенно современных: извозчиков, портных, цирюльников, мелких торговцев, шинкарей»¹⁵¹. Указанный исследователем социальный ряд очень важен: именно в нем, по-видимому, стоит искать типологические параллели и объяснение стилистических приемов русских писателей.

Среди них отмечают следующие.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ИСКАЖЕНИЯ РУССКОЙ РЕЧИ

Призваны подчеркнуть отчужденность, малообразованность персонажей, вызвать насмешку читателя.

- Замена шипящих свистящими и [ц]. Этот прием настолько продуктивен, что им пользовались на протяжении полувека, начиная с Булгарина: «*наси зиды*»; «денег такая *куца*, что он, верно, и *сосци-тать* не умеет»; «как *можно*, сударь, *чтобы цест-*

¹⁵⁰ Там же. С. 170.

¹⁵¹ Там же. С. 144.

ные люди торговали контрабандою» (и ряд других примеров из прозаических сочинений)¹⁵². Писатель использовал комичную замену и в публицистике: так, в редакционной статье «Северной пчелы» он поучает «отсталых» евреев империи: «...вообще в Германии евреи заводят школы и стараются сравняться с прочими обитателями Европы. Что на это скажут наши польские *зидки*?»¹⁵³

Далее мы встречаемся с этим приемом у Р. Зотова:

«Повесить? За что же, бозе мой?.. Да по какой же причине? Мы же люди торговые: что потребуют, то и продаем. А кому и зачем товар — не наше же дело». «...А почему же нет?.. пришел узнать, не прикажете ли чего купить» (посредник Мозес из романа «Леонид, или некоторые черты из жизни Наполеона»)¹⁵⁴.

Также находим его у И. Лажечникова:

«А что они кричат? — отвечал жид. — По-немецки это значило бы: здравствуйте, дорогие гости!» («Басурман»); «Мы, нечестивые евреи, распинали вашего Христа!» («Последний новик»)¹⁵⁵.

Этот прием использует и писатель Н. Андреев в очерке «Софиевка» 1833 г.: «Извольте-с выходить, *васе-с* благородие! Вы в Софиевке!»¹⁵⁶. В 1860–1870-е гг. мы встречаемся с фонетической заменой у М. Салтыкова-Щедрина: «И сто же это такое! И *зачем* мне эта *весь*!» («Пропала совесть», 1869); И. Тургенева: «Как же можно, *васе* благо-

¹⁵² Фризман Л.Г. Такая судьба. Еврейская тема в русской литературе. Харьков, 2015. С. 52.

¹⁵³ Вайскопф М. Покрывало Моисея... С. 64.

¹⁵⁴ Фризман Л.Г. Такая судьба... С. 62-63.

¹⁵⁵ Там же. С. 68-69.

¹⁵⁶ Вайскопф М. Покрывало Моисея... С. 151.

родие! Я *цестный зид...*» («Конец Чертопханова», 1872) и Н. Некрасова: «К *насей* финансовой матери»; у него также подчеркивается гиперартикуляция [p]: «и поживайте как — *царрр!*» («Современники», 1875). Конечно, нельзя не упомянуть и Ф. Достоевского: эпизодический еврейский персонаж с характерным выговором становится у него участником одной из главных сцен «Преступления и наказания» — сцены самоубийства Свидригайлова:

На лице его виднелась та вековечная брызгливая скорбь, которая так кисло отпечаталась на всех без исключения лицах еврейского племени. Оба они, Свидригайлов и Ахиллес, несколько времени, молча, рассматривали один другого. Ахиллесу наконец показалось непорядком, что человек не пьян, а стоит перед ним в трех шагах, глядит в упор и ничего не говорит. — А-зе, сто-зе вам и здесь *на-а-до?* — проговорил он, всё еще не шевелясь и не изменяя своего положения. — Да ничего, брат, здравствуй! — ответил Свидригайлов.

— Здесь не места.

— Я, брат, еду в чужие краи.

— В чужие краи?

— В Америку.

— В Америку?

Свидригайлов вынул револьвер и взвел курок. Ахиллес приподнял брови.

— А-зе, сто-зе, эти сутки (шутки) здесь не места!

— Да почему же бы и не место?

— А потому-зе, сто не места.

— Ну, брат, это всё равно. Место хорошее; коли тебя станут спрашивать, так и отвечай, что поехал, дескать, в Америку. Он приставил револьвер к своему правому виску.

— А-зе здесь нельзя, здесь не места! — встрепенулся Ахиллес, расширяя всё больше и больше зрачки. Свидригайлов спустил курок.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА:

- полонизмы, вплетаемые в русскую речь: «Мы *маем* всякого товару... Цто люди *мосцные* прикажут, то мы, *падам до ног*, робим», «узнал, цто вас полк здесь на *квартирже*» (Р. Зотов, «Леонид», 1832)¹⁵⁷.
- идишизмы, среди которых первенство принадлежит хрестоматийному «*вэй мир!*» Так, Лажечников поясняет: «я старался в переводе Авраамовой речи удержать несколько жидовский выговор русского языка», и получается: «*О вей, о вей!* Не знаю, как и *помощь*» («Последний новик», 1831–1833)¹⁵⁸.

«Жид, подошед к Палею... завопил жалобно: “*Аи вей, аи вей!*”» (Ф. Булгарин, «Мазепа», 1833–1834). Это восклицание явно нравится писателю: «Утешьтесь, тени Мовши, Рифки, Хацкеля и Иоселя! Утешьтесь, вы отмщены, и я вопию: “*Ой вей, ой вей мир!*”» (Ф. Булгарин, ответ В. Вольфсону в «Северной Пчеле»)¹⁵⁹. Булгарин, как это ему свойственно, использует идишизм в стилистической игре: здесь и пародийное использование еврейской речи, призванное показать обиду на несправедливые нападки (Булгарина обвиняли в юдофобии), и в то же время сарказм (автор примеряет на себя личину им же высмеиваемых персонажей).

Писатели наделяют действующих лиц речью с отдельными ошибками словоупотребления: «Это не еврейское дело, — говорил он с глубоким убеждением, — и к чему евреи должны путаться в чужую свадьбу? Конституция, может быть, будет, может быть, нет, я

¹⁵⁷ Фризман Л.Г. Такая судьба... С. 62-63.

¹⁵⁸ Вайскопф М. Покрывало Моисея... С. 149.

¹⁵⁹ Там же. С. 76.

не знаю. Но что будет погром, это я знаю *навверняках*» (Репетур из рассказа А. Яблоновского «Переплетчик», 1911).

Евреи пересыпают свою речь просторечиями: «И такой сегодня для меня счастливый день! Ах, да что же я *таперичка* должен делать! Иван Иванович! Отец Христофор!.. (говорит Мойсей Мойсеич, А. Чехов, «Степь», 1888).

Среди редко встречающихся средств — введение в речь персонажей абракадабры: «Зух Раббин, Каин, Абель!» — бормочет «нелепые псевдозаклинания» шинкарь и вымогатель Ицка Немировский в сомовских «Сказках о кладах»¹⁶⁰.

Наконец, необходимо отметить своего рода «прием остранения» в восприятии еврейской речи неевреем, при котором речь персонажа-еврея передается звуко-подражаниями:

Соломон голосом глухим и сиплым от душившей его ненависти, картавя и спеша, заговорил об евреях; сначала говорил он правильно, по-русски, потом же впал в тон рассказчиков из еврейского быта и стал говорить, как когда-то в балагане, с утрированным еврейским акцентом...

[отец Христофор]: Я тебе по-стариковски, потихоньку, а ты, как индюк: *бла-бла-бла!*..

Мойсей Мойсеич говорил вполголоса, низким баском, и в общем его еврейская речь походила на непрерывное «*гал-гал-гал-гал...*», а жена отвечала ему тонким индюшечьим голоском, и у нее выходило что-то вроде «*ту-ту-ту-ту...*»

– *Гал-гал-гал-гал...* — говорил Мойсей Мойсеич.

– *Ту-ту-ту-ту...* — отвечала ему еврейка (А. Чехов, «Степь»).

---

¹⁶⁰ Там же. С. 169.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА:

- путаница падежных окончаний:
  - Четверть часика! — взвизгнул Мойсей Мойсеич. — Да побойтесь вы Бога, Иван Иванович! Вы меня заставьте, чтоб я ваши шапке спрятал и запер на замок дверь! Вы хоть закусите и чаю покушайте!
  - Кушай, детка, кушай! — сказала она. — Ты здесь без маменьке, и тебя некому покормить».
  - Я теперь жид пархатый и нищий, все на меня смотрят, как на собаке (А. Чехов, «Степь»).
- разные функции одного слова в прагматике речевой ситуации:
  - Мы никогда еще... не снюхивались с неприятелями, а католиков мы и знать не хотим: пусть им черт приснится! мы с запорожцами как братья родные...
  - Как? чтобы запорожцы были с вами братья? — произнес один из толпы. — Не дождетесь, проклятые жидаы! В Днепр их, панове, всех потопить, поганцев! (Н. Гоголь, «Тарас Бульба»).
- игра полисемии:
  - Что ж ты делал в городе? видел наших?
  - Как же, наших там много: Ицка, Рахум, Самуило, Хайвалох, еврей-арендатор...
  - Пропади они, собаки! — вскрикнул, рассердившись, Тарас, — что ты мне тычешь свое жидовское племя! я тебя спрашиваю про наших запорожцев. (Н. Гоголь, «Тарас Бульба»).

- повторение вопросов, нанизывание эпитетов, восклицаний:

– О вей! — закричал жид. — Ясновельможный пане, выслушай!.. Я тебе скажу большое дело... важное дело... весьма тайное дело... Только помилуй... пожалей жены и сирот! (Ф. Булгарин, отдельный фрагмент «Поход вольницы Палеевой» из романа «Мазепа»).

– А если скажу, то помилуешь ли меня? — сказал жид, дрожа и плача...

– Ясновельможный пане! — возопил жид. — Ты не выслушал меня... я не успел сказать тебе важного дела... Постой... выслушай!..

– А помилуешь ли меня, — возразил жид, трепеща от ужаса, — оставишь ли мне жизнь?.. (Ф. Булгарин, «Мазепа»).

- в зависимости от контекста приобретает комичность тенденция к русификации имен и отчеств:

Нет, я честной еврей...

Який я жид и почему Иуда?

Я *Лейба Лазарич* (А. Шаховской, «Игроки», 1828)¹⁶¹.

В данном случае (как и в других, когда действующим лицом оказывается некто *Лейба*) Вайскопф усматривает намек на просветителя *Лейбу* Неваховича, одного из первых русско-еврейских литераторов, русифицировавшего свое имя и ставшего «Львом Николаевичем»¹⁶². Заметим, впрочем, что над русификацией имен посмеивались позже и сами еврейские авторы (так, незадачливый герой комедии Шолом-Алейхема «Двести тысяч», портной Шимеле Сорокер, обманутый мошенниками, горделиво заявляет: «Нит Шимеле — *Семьон Макарович* из майн номен!»).

---

¹⁶¹ Там же. С. 153.

¹⁶² Там же.

ВНИМАНИЕ К ОСОБЕННОСТЯМ САМОГО
РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ, ВНЕ ЕГО ЛЕКСИЧЕСКОГО
И ГРАММАТИЧЕСКОГО НАПОЛНЕНИЯ

При этом, как правило, описывается мимика, жестуляция, особенности артикуляции:

Он заметался, как пойманный зверок, *разинул рот, глухо захрапел... запрыгал на месте...* (И. Тургенев, «Жид», 1847).

... повсеместное *щебетанье* неумолимых, всезнающих и везде поспевающих жидков (Е. Ган, «Теофания Аббиаджио», 1841).

Жид-нищий-фактор и жид-значительный-купец *хватались за вас, друг за друга, кричали, шумели, обманывали друг друга, обманывали самих себя* (В. Титов, «Стоянка около Бердичева», 1837).

Рядом с моим №... два богатых жида, мать и её сын, 25-летний жидёнок... с утра до ночи говорят друг с другом, *громко, долго, непрерывно... и не как люди, а по целым страницам* (по-немецки или по-жидовски), точно книгу читают: и всё это с *сквернейшей жидовской интонацией...* (Ф. Достоевский — А. Достоевской из Эмса, 26.07.1879).

3-е приключение с жидами моими соседями... Четверо суток как я сидел и терпел их разговоры за дверью (мать и сын), *разговаривают страницами, целые томы разговора... а главное — не то, что кричат, а визжат, как в кагале* (Ф. Достоевский — А. Достоевской, 30.07.1879).

— Ах, боже мой, боже мой! — заговорил он *тонким певучим голосом, задыхаясь, суетясь и своими телодвижениями мешая пассажирам вылезти из брички...* закричал таким *диким, придушенным голосом, как будто тонул и звал на помощь...* (А. Чехов, «Степь»).

Жаргонный говор, то стремительный и раскатистый в середине фраз, то завывающий на окончаниях, несся отовсюду, сопровождаемый яркой мимикой и оживленными, преувеличенными жестами... кто-то застучал ладонью по столу, как это часто делают в синагоге (А. Куприн, «Трус»).

В другом месте, в письме к Ф. Батюшкову, Куприн снова вспоминает о «жаргоне»: «Эх! Писали бы вы, паразиты, на своем *говенном жаргоне* и читали бы сами себе вслух свои вопли...»¹⁶³

Н. Некрасов, поясняя, что он «слог исправил для ясности», воспроизводит в «Современниках» строй речи, характерный, по мнению писателя, для говорящих по-русски евреев:

Вытрите слезы свои,
Преодолейте истерику.
Вы нам продайте паи,
Деньги пошлите в Америку.

<...>

Денежки – добрый товар, –
Вы поселяйтесь на жительство,
Где не достанет правительство,
И поживайте как – царrrr!..

Думается, звучание этого « хора » из поэмы с прямолинейным подзаголовком «Еврейская мелодия» задуывалось с пародийным еврейским акцентом.

Итак, русская литература выработала богатый набор средств для передачи речи персонажей-евреев, и многие из этих средств способствуют созданию или усилению комического эффекта.

---

¹⁶³ Фризман Л.Г. Такая судьба... С. 184.

ИТАК, РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЫРАБОТАЛА БОГАТЫЙ НАБОР СРЕДСТВ ДЛЯ ПЕРЕДАЧИ РЕЧИ ПЕРСОНАЖЕЙ-ЕВРЕЕВ, И МНОГИЕ ИЗ ЭТИХ СРЕДСТВ СПОСОБСТВУЮТ СОЗДАНИЮ ИЛИ УСИЛЕНИЮ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА.

В заключение — несколько направлений развития этих наблюдений: предполагаем, что могло бы стать продуктивным сопоставление русской литературы с польской (в частности, прозой Б. Пруса, у которого встречаются персонажи с нарочито исковерканным польским выговором); как не раз отмечалось, русско-му малообразованному человеку казалась смешной речь чужестранцев, «инородцев», в особенности немцев, которая давно изображается в русской литературе как пародийная; наконец, типологически близки к описанным явлениям социолекты других групп, или страт, русского общества той поры: упомянутых в начале очерка портных, мелких торговцев, извозчиков, но также и мастеровых, дворников, трубочистов и других.

Занимая свое место в «перенаселенном» пространстве русской литературы XIX в., персонажи-евреи обретают голоса, продиктованные литературной традицией, непосредственными наблюдениями авторов и их предубеждениями.

Читая и перечитывая Водолазкина

Придя в литературу из ученого цеха, Евгений Водолазкин продолжает продуктивно работать в науке и в то же время находит в разнообразных формах научной деятельности и типажах из научной среды художественный материал. Это нетривиальный случай: если физики, инженеры, врачи нередко становились героями литературных произведений, то историков или филологов русская литература не баловала своим вниманием. Добавим, что об ученых, как правило, писали те, кто наблюдал их только со стороны, а здесь мы имеем дело со взглядом изнутри. Так что вполне понятно, что Евгений Германович любит гуманитариев и охотно изображает их — и в романах, и в эссе. Можно сказать, что одним из сквозных персонажей писателя выступает ученый, причастный гуманитарному знанию. Граница между художественными и мемуарно-публицистическими образами проницаема, и зачастую первые являются предшественниками вторых и наоборот. В массиве текстов автора эти образы выстраиваются в некоторой сюжетно-композиционной и жанрово-стилистической иерархии.

В интервью Водолазкин не раз отмечал, что образы в его романах не автобиографичны, как, например, образ Соловьева из романа *Соловьев и Ларионов* или Строева из романа *Лавр*: «В романе мелькает молодой историк, человек нерешительный, с его несбывшейся любовью к русской немке — так вот, это не я. Моя жена, по совпадению, тоже — русская немка, но я, в отличие от героя, в

свое время проявил настойчивость»¹⁶⁴. В самом деле, многое в историке Строеве отдаляет его от создателя: другое поколение, иная, хотя и близкая, специальность и упомянутая выше нерешительность. Но вот что интересно: Строев живет и работает в Санкт-Петербурге (во время описываемых событий — Ленинграде), занимается Древней Русью, а главное для него в той эпохе заключается в том, что «средневековые историки не были похожи на нынешних. Для объяснения исторических событий они всегда искали нравственные причины. А непосредственной связи между событиями как бы не замечали. Или не придавали ей большого значения»¹⁶⁵. Иными словами, автор дарит герою свои сокровенные мысли. Мы увидим это в дальнейшем и на примере Соловьева. Более того, ряд признаков сближает Строева и Арсения: действие вставной новеллы о нем разворачивается во Пскове — городе, ставшем для Арсения местом подвижнического пути. Но Строев и Арсений соотнесены не напрямую, а опосредованно, через Александру Мюллер, которая читала о средневековом юродивом и думала о нем («Она представляла у этих камней древнего юродивого и не могла себе ответить, действительно ли верит тому, что о нем читала. А был ли, вообще говоря, юродивый? А была ли, спрашивается, его любовь? И если была, то во что же она превратилась за сотни ушедших лет?») Строев при этом ничего об Арсении не знает и интереса к нему не выказывает. Как и у Арсения, встреча Строева с молодой женщиной, с которой он мог бы обрести счастье, ничем не заканчивается. Причины отказа у Строева и Арсения разные: в одном случае это настоящая любовь, которая «может ждать хоть целую жизнь» (как говорит в безмолвном монологе Строева сосед-скрипач Пархоменко), а в другом — «отсутствие внутреннего огня»¹⁶⁶.

¹⁶⁴ Водолазкин Е. О «Лавре» // Дом и остров, или Инструмент языка. Москва, 2017. С. 344.

¹⁶⁵ Водолазкин Е. Лавр. Москва, 2014. С. 237.

¹⁶⁶ Там же. С. 236.

Строев — фигура сложная; предполагаем, что она является одной из ключевых в романе, несмотря на отстраненность от основной линии повествования. Одна из функций этого образа — предостережение от грозящей человеку (в частном случае — гуманитария, предпочитающему воображение действию) опасности не осуществиться, от боязни принятия решений, которые могут лишить его дальнейшего выбора. Признание его поездки пустой тратой времени звучит не только в суровом выводе соседа-скрипача, но и дважды повторяется в тексте: имевшим видение о Строеве Амброджо Флеккиа и прослушавшим рассказ итальянца купцом Феррапонтом. Строев — образ-контраст, образ-антипод главного героя романа, а также самого автора, в своей равной удаленности от них. Это фигура возвышенная, что подтверждается и его речевой характеристикой («мне хорошо с ними обоими, *сказал Строев в сердце своем*, потому что в них обоих я чувствую нечто родственное»). Вложенная писателем в мысли героя фраза «сказал в сердце своем» — не что иное, как древнерусский библеизм, калька с древнееврейского, верный признак высокого стиля. В то же время этот образ не лишен трагизма («почему я (думал Строев) тоскую заранее, предопределяя события и обгоняя время? И как это я всегда знаю наперед, что буду тосковать? Что же рождает во мне это щемящее чувство?»¹⁶⁷).

Есть в романе и alter ego автора — повествователь, наделенный свойствами историка-медиевиста («повествователь имеет два лица», — подсказывает Водолазкин, — «средневековое и современное»¹⁶⁸), а именно: пристрастием к точным датировкам: «Это произошло 8 мая 6948 года от Сотворения мира, 1440-го от Рождества <...> Иисуса Христа, в день памяти Арсения Вели-

¹⁶⁷ Там же. С. 237.

¹⁶⁸ Водолазкин Е. О «Лавре» // Дом и остров... С. 339.

кого»¹⁶⁹; умением описывать ушедшую эпоху как бы с высоты птичьего полета: «Предполагают, что слово врач происходит от слова “врати” — заговаривать <...> Ввиду ограниченного набора медикаментов роль слова в Средневековье была значительнее, чем сейчас»; склонностью к биографизму: «Особенность человека, о котором идет речь, состояла в том, что он говорил очень мало <...> Судя по его немногочисленным высказываниям, он не собирался пребывать в теле вечно <...> Подобного рода вещи как-то не соответствуют тому, что мы о нем знаем»; навыками источникововеда: «Говорили, что он обладал эликсиром бессмертия. Время от времени высказывается даже мысль, что даровавший исцеления не мог умереть, как все прочие. Такое мнение основано на том, что тело его после смерти не имело следов тления»¹⁷⁰.

Пристальное внимание, которое и ученый, и писатель Водолазкин проявляет к древнерусским юродивым, не обходится без образа ученого-юродивого — академика Темрюковича из *Соловьева и Ларионова*. От взгляда писателя не ускользают странные, нелепые, а порой отталкивающие стороны научного сообщества, и такая фигура высвечивает их более ярко. В генезисе образа Темрюковича слились по крайней мере три предшественника: филолог-академик Ф. (эссе *Мало приятного*), «пушкинодомец» Л. — любитель кино (эссе *Omnia mea tecum porto*) и сам корифей литературной науки Б. Эйхенбаум (эссе *Легкое дыхание*). Темрюкович, однако, их суммой не является и ни к одному из них не сводится. Чудаковатый мизантроп Ф. дает Темрюковичу привычку разговаривать с самим собой и две заметные реплики. Но, используя их как строительный материал, писатель расширяет повествование, добавляет краски, усиливает драматургичность.

¹⁶⁹ Водолазкин Е. Лавр... С. 13.

¹⁷⁰ Там же. С. 7-10.

Сравним два отрывка:

Академик Ф.
(«Мало приятного»)

Стоя рядом с ним в библиотеке, можно было услышать:

— Посмотрю-ка эту книгу. Новая... Чушь, наверное. — Шуршание пролистываемых страниц. — И ведь точно — чушь.

Следует заметить, что, обладая хорошим вкусом, в своих оценках Ф. обычно не ошибался¹⁷¹.

Темрюкович
(«Соловьев и Ларионов»)

— Посмотрю, что за книга, — сказал однажды Темрюкович, подойдя к книжному шкафу. — Дрянь, наверное. Заинтересовавшим академика изданием была книга И. И. Мурата. По ту сторону шкафа, невидимый для Темрюковича, стоял автор [...]

— Говно, — Темрюкович со вздохом поставил книгу обратно. — Говно высшей категории [...]

— Я слышал, что вы сказали о моей книге, — прошептал Мурат. — Ничего я не говорил, — невозмутимо ответил Темрюкович. — Разве что подумал¹⁷².

Во втором «неотмирность» Темрюковича подана развернуто: динамикой персонажа («подойдя к книжному шкафу»), присутствием второго участника речевой ситуации — Мурата, использованием стилистически маркированной лексики и, наконец, завершающей репликой-парадоксом.

Раз уж Темрюкович ведет себя странно, выказывая в своем поведении некоторые черты юродства, он закономерно попадает в ситуацию, произошедшую однажды с «пушкинодомцем» Л.:

¹⁷¹ Водолазкин Е. Мало приятного // Дом и остров... С. 93.

¹⁷² Водолазкин Е. Соловьев и Ларионов // Совсем другое время. Москва, 2013. С. 292.

Omnia mea tecum porto

Стоя в очереди у входа, он невозмутимо наблюдал, как пришедшие на премьеру предъявляли на контроле свои членские билеты. Он был единственным, кому предъявить было нечего. И он ничего не предъявил. Он прошел мимо контроля, вежливо поздоровавшись.
 — Член Дома? — спросили его вдогонку.
 — Нет, с собой, — ответил Л. и прошел в зал.
 Возвращать его не стали. Вероятно, в Доме кино в таких случаях верят на слово¹⁷³.

Соловьев и Ларионов

— Мне рассказали про него хорошую историю, — Мурат достал из кармана коробку мятных леденцов.
 — Хотите? [...]
 — Ну, вот: премьеры в Доме кино. Легкая давка у входа. Все показывают членские билеты и приглашительные [...]
 — Вдруг из маминой из спальни... Короче говоря, появляется Темрюкович. Без всяких там объяснений проходит контроль. Ему вдогонку: «Член Дома?» Он: «Нет, с собой»¹⁷⁴.

Романная поэтика в данном случае выражается в том, что и история в Доме кино, и реплика Темрюковича даны в косвенной речи — в словах Мурата, который, в числе первых, имел причины недолюбливать академика.

В парадоксальном замечании, брошенном в туалете («Единственное место в институте, где дышится легко»), Темрюкович почти буквально следует за своим великим предшественником. Как известно, Б. М. Эйхенбаум обронил эту фразу в самый разгар разоблачительной кампании в Пушкинском Доме, а Темрюкович раздражается ею после разговора с ученым секретарем. До

¹⁷³ Водолазкин Е. *Omnia mea tecum porto* // Дом и остров... С. 25-26.

¹⁷⁴ Водолазкин Е. Соловьев и Ларионов... С. 346.

этого, как мы узнаем, у него был конфликт с завхозом, которого академик публично и не без оснований обвинял в мошенничестве. Объемность образа Темрюковича (кстати, названного по имени-отчеству — «Михаил Сергеевич», в отличие от скрывшихся за инициалами прототипов) складывается из его прежних научных заслуг («усилиями Темрюковича в советское время вышло полное собрание сочинений С. М. Соловьева»¹⁷⁵) и проявляется в коротком разговоре с Соловьевым, в котором старый ученый бескорыстно помогает молодому историку и приводит по памяти точную ссылку на когда-то виденный им текст, оказывающийся важным в разысканиях Соловьева. В свете этого эпизода и предыдущие странности Темрюковича выглядят иначе, и сама его экстравагантность начинает казаться чем-то сродни поведению «великих стариков», например, академика-египтолога В. Струве, звонившего домой и приглашавшего к телефону самого себя, когда он забывал, куда и зачем пошел¹⁷⁶.

Симпатизируя Соловьеву, писатель дарит и ему фрагменты своего жизненного опыта.

«Письма Достоевского из Германии шли сюда всего четыре-пять дней, — не унимался я. — Почему? — Потому что Достоевский был гений, — сказал кто-то из очереди»¹⁷⁷.

Сравним с эпизодом из романа:

«Месяц, — сказал заведующий. — Бывает и дольше. Бывает, вообще не доходит. Соловьев смотрел вверх заведующего и чувствовал кипение своей ненависти. Ненависти и отчаяния. Стрелка настенных

---

¹⁷⁵ Там же. С. 290.

¹⁷⁶ Водолазкин Е. О марксизме в египтологии // Дом и остров... С. 36.

¹⁷⁷ Водолазкин Е. Люди на своем месте // Дом и остров... С. 240.

ДОБАВИМ, ЧТО МОЛОДОЙ ИСТОРИК НАДЕЛЕН СИМПАТИЕЙ К КОТАМ, В КОТОРОЙ НЕ РАЗ ПРИЗНАВАЛСЯ САМ ПИСАТЕЛЬ И КОТОРАЯ СЛУЖИТ У НЕГО ЧЕМ-ТО ВРОДЕ ИНДИКАТОРА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЧУТКОСТИ.

часов водила их по кругу. — Письма Достоевского из Германии шли пять дней, — проинформировал собеседника Соловьев. — Достоевский был гений, — возразил заведующий»¹⁷⁸.

Добавим, что молодой историк наделен симпатией к котам, в которой не раз признавался сам писатель и которая служит у него чем-то вроде индикатора человеческой чуткости (вспомним героев *Хорошего отношения к котам* профессоров Дружинина, Чечулина и Веселовского¹⁷⁹ или *Кунсткамеры в лицах* Ю. Кнорозова и Л. Нечаеву¹⁸⁰).

У Водолазкина можно встретить образы с отчетливым юмористическим началом, и в их поэтике обнаруживаются приемы клоунады; сцены с их участием напоминают скетчи. Таковы Грунский и Байкалова — ведущие керченской конференции «Генерал Ларионов как текст». В основе эпизода с ними — вероятно, студенческое воспоминание о неожиданной встрече в аудитории двух преподавателей, отразившееся в эссе:

Аза Феодосьевна Папина преподавала историческую грамматику, а Константин Гаврилович Деликатный (естественно) педагогику. Это были опытные и уже немолодые преподаватели, пользовавшиеся уважением коллег и студентов.

¹⁷⁸ Водолазкин Е. Соловьев и Ларионов... С. 327.

¹⁷⁹ Водолазкин Е. Хорошее отношение к котам // Дом и остров... С. 37.

¹⁸⁰ Водолазкин Е. Кунсткамера в лицах // Дом и остров... С. 171-182.

Однажды в аудиторию вошел Константин Гаврилович и объявил, что будет заменять Азу Феодосьевну. Это никого не удивило, ведь для исторической грамматики педагогика — вовсе не худшая замена. <... > Но с первой же фразой преподавателя педагогики в аудиторию вошла Аза Феодосьевна. В ее глазах читалась готовность рассказывать об исторической грамматике.

— А я здесь... вас заменяю, — улыбнулся Константин Гаврилович из-за кафедры.

— Вот как? И почему же? — спросила Аза Феодосьевна.

Она не улыбалась.

— Потому что вы больны, — ответил Деликатный.

— Как видите, я здорова.

Пожав плечами, Константин Гаврилович издал звук сомнения.

— Я думаю, кто-то из нас должен оказаться рыцарем, — предположила Папина.

Ее взгляд сосредоточился на чем-то за окном.

— Но ведь были и женщины-рыцари. — Деликатный сдул с кафедры что-то невидимое. — Например, Жанна д'Арк.

Аза Феодосьевна смотрела на Константина Гавриловича в упор.

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев день, — растерянно сказал Деликатный.

Выходя из аудитории, Папина не проронила ни слова¹⁸¹.

И, хотя житейский (и мемуарный) эпизод не лишен своеобразного драматизма, романная зарисовка представляет собой маленький шедевр, построенный по вполне театральным законам.

---

¹⁸¹ Водолазкин Е. Искусство и действительность // Дом и остров... С. 58-59.

Здесь и предваряющее мизансцену описание («на сцену стала подниматься грузная женщина с уложенными на голове косами. Поднималась она медленно, тяжело ставя ноги на ступеньки и напоминая Соловьеву его школьную директрису по прозвищу Вий»), и прием ретардации («— Кто — сопредседатель? — переспросил в микрофон Грунский. — Вы — сопредседатель? А где вы были раньше? <...> — Мне никто не говорил о сопредседателе»), и реплика со стороны («— Член-корреспондент Байкалова, — Дунино лицо выражало наслаждение. — Фиеста с боем быков»), и кульминация («— Кто-то из нас должен оказаться рыцарем, Петр Петрович», — сказала Байкалова. Грунский развел руками: Вот тебе, бабушка, и Юрьев день...»). Заканчивается сценка почти клоунской пантомимой: «Ноги Байкаловой до пола не доставали. Под тонкой крышкой стола они покачивались бесформенными колбасными изделиями. Ниже под крышкой — и это было также видно из зала — быстро-быстро, словно на финишной прямой, двигались ноги академика. В этом маленьком соревновании он, безусловно, пришел первым»¹⁸². Реплики героев эссе без изменений встроены в романную мизансцену и играют роль строительного материала наряду с другими средствами.

Писатель приоткрывает дверь в свою лабораторию, предполагая, что читатель заметит сходство произведений разных жанров.

«Лица, которые так естественно смотрятся в жизни, становясь персонажами романа, начинают робеть. Порой их просто невозможно ввести в повествовательную ткань. И даже будучи в эту ткань введенными, они путаются в ее складках, словно стесняясь своей недостоверности и как бы избыточности. Ино-

¹⁸² Водолазкин Е. Соловьев и Ларионов... С. 214-216.

гда меняют имена, потому что автору кажется, что преподаватель, допустим, педагогики, не может в литературном произведении носить фамилию Деликатный»¹⁸³.

На стыке комических и сатирических приемов находятся эпизодические образы из *Соловьева и Ларионова* — аспирант Калюжный («симпатичный малый, лишенный, правда, всякой исследовательской энергии, да, пожалуй, и энергии вообще»¹⁸⁴) и аспирантка Темрюковича Тина Жук, которую «никто не любил». К шаржу, в общем, можно отнести приемы изображения французской исследовательницы — биографа генерала Ларионова Амели Дюпон.

Внизу этой пирамиды литературных средств естественным образом оказываются анекдот и образы телесного низа. Преподаватель истории КПСС Геннадий Иванович И., был, конечно, гуманитарием и «как бы олицетворял собой всю партию»¹⁸⁵. «Случай из истории КПСС» произошел с ним в институтском туалете во время перекура, среди сослуживцев и студентов, и дал писателю основу для эссе *Газовый вопрос*. Жизнеутверждающее «Перезимуем!» историка используется и в другом тексте — в речевой характеристике эпизодического действующего лица *Соловьева и Ларионова* — популярного телеведущего Махалова.

Читая и перечитывая Водолазкина, мы видим, что «жизнь ученого полна опасностей и тревог, в ней есть свои землетрясения и цунами»¹⁸⁶. Она может служить материалом для художественного воплощения в прозе и эссеистике, от почти трагедии до сатиры и анекдота, в

¹⁸³ Водолазкин Е. Искусство и действительность // Дом и остров... С. 59-60.

¹⁸⁴ Водолазкин Е. Соловьев и Ларионов... С. 22.

¹⁸⁵ Водолазкин Е. Газовый вопрос // Дом и остров... С. 53-54.

¹⁸⁶ Водолазкин Е. От автора // Дом и остров... С. 10.

Читая и перечитывая Водолазкина, мы видим, что «жизнь ученого полна опасностей и тревог, в ней есть свои землетрясения и цунами». Она может служить материалом для художественного воплощения в прозе и эссеистике, от почти трагедии до сатиры и анекдота, в широком диапазоне от высокого стиля к низкому.

широком диапазоне от высокого стиля к низкому. В задаче «конвертировать бытие в слово» Водолазкин-ученый помогает Водолазкину-писателю; навык научного письма сказывается в письме художественном.

Определяющей чертой прозаика в изображении коллег по цеху и ученых других специальностей можно назвать заинтересованную наблюдательность: писателем движет любовь и сочувствие к людям, понимание их слабостей и нежелание обличать недостатки.

Среди его героев есть неудачники и эксцентрики, но нет злодеев.

Дополнительная литература

В ПОИСКАХ ЧУДА

1. Аверинцев С. С. Чудо // Философская энциклопедия. Т. 5. М., 1970. С. 492.
2. Берман Б. И. Читатель жития (Агиографический канон русского средневековья и традиции его восприятия) // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 159–183.
3. Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера как памятник литературы XIII–XVII вв. Л.: Наука, 1973.
4. Концепт «Чуда» в славянской и еврейской культурной традиции. Сборник статей. М.: Сэфер, 2001.
5. Неклюдов С. Ю. Чудо в былине // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 236. Труды по знак. сист. Вып. 4. Тарту, 1969. С. 146–158.
6. Словарь книжников и книжности Древней Руси: в 4-х вып. / Рос. акад. наук, Ин-т русск. лит.; отв. ред. Д. С. Лихачев и др. Л.: Наука, 1987–2017.
7. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997 (2-е изд. 2001, 3-е изд. 2004).

ВСТРЕЧИ С ИУДАИКОЙ

1. Алексеев А. А. Палея в системе хронографического жанра // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 57. СПб., 2006. С. 25–32.
2. Бондарь К. В. Повести Соломонова цикла: из славяно-еврейского диалога культур. Харьков: Новое слово, 2011.

3. Веселовский А. Н. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1872 (переиздание: М.: Эксмо-Пресс; СПб.: Terra Fantastica, 2001).
4. Кенааниты: евреи в средневековом славянском мире / Под ред. В. Московича, А. Торпусмана, М. Членова. М. – Иерусалим, 2014 (серия «Jews and Slavs», vol. 24).
5. Кулик А. Евреи Древней Руси: источники и историческая реконструкция // История еврейского народа в России. От древности до раннего Нового времени. Т. 1. М. – Иерусалим, 2010. С. 187–211.
6. Петрухин В. Я. Евреи в средневековой Руси: парадоксы современного восприятия давней проблемы // Славяноведение. 2018. № 2. С. 12–20.
7. Таубе М. Ересь «жидовствующих» и переводы с еврейского в средневековой Руси // История еврейского народа в России. От древности до раннего Нового времени. Т. 1. М. – Иерусалим, 2010. С. 365–395.

ПУТИ БЕЛЛЕТРИСТИКИ

1. Бондарь К. В. Хрущов, Иван Петрович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь / Гл. ред. М. Я. Эдельштейн. СПб.: Нестор-история, 2019. Т. 6. С. 558–560.
2. Вайскопф М. Я. Покрывало Моисея: еврейская тема в эпоху романтизма. М. – Иерусалим, 2008.
3. Знаковые имена современной русской литературы. Евгений Водолазкин / Коллективная монография под ред. А. Скотницкой и Я. Свежего. Краков: Ягеллонский ун-т, 2019.

4. Турьян М. А. Странная моя судьба. О жизни кн. Вл. Одоевского. М.: Книга, 1991.
5. Фризман Л. Г. В кругах литературоведов: мемуарные очерки. СПб.: Нестор-история, 2017.
6. Фризман Л. Г. Такая судьба. Еврейская тема в русской литературе. Харьков: Фолио, 2015.
7. Homo Liber: сборник памяти Л. Г. Фризмана. Киев: Издательский дом Дмитрия Бурого, 2020.

Научное издание

КОНСТАНТИН БОНДАРЬ

По тропам славистики и иудаики

Редактор: *Юлия Дозорец*

Издательство “Книга Сефер”, Израиль, 2023

<https://www.knigasefer.com>

<https://www.facebook.com/KnigaSefer/>

knigasefer2002@gmail.com

(972) 502423452

© Константин Бондарь, 2023

Константин Бондарь (1972) — филолог, историк литературы, исследователь еврейско-славянских культурных контактов, мемуарист, редактор, архивист, экскурсовод. Окончил Харьковский государственный университет, Институт стран Азии и Африки при МГУ.

Кандидат филологических наук (PhD). Преподавал в Харьковской государственной академии городского хозяйства, Международном Соломоновом университете, Открытом университете Израиля. Был научным сотрудником отдела документоведения, редких изданий и рукописей Харьковской государственной научной библиотеки им. В. Г. Короленко.

С 2015 г. живет в Израиле.

Работал в Центре исследований диаспоры Тель-Авивского университета, в настоящее время — сотрудник АНУ — Музея еврейского народа.

«По тропам славистики и иудаики» — седьмая книга автора, подводящая промежуточные итоги пройденного профессионального пути.

